

УДК 327
ББК 66.4
Д64

Авторы:

*А. И. Подберезкин, М. А. Мунтян, М. В. Харкевич, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин,
Д. О. Салюков, А. В. Жуков, Ю. А. Русакова, О. А. Подберезкина,
А. Ю. Малов, С. Р. Цырендоржиев*

Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки : аналитич. доклад / А. И. Подберезкин, М. А. Мунтян, М. В. Харкевич [и др.] ; рук. авт. коллектива А. И. Подберезкин ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО–Университет, 2014. — 159 с.

ISBN 978-5-9228-1159-0

Аналитический доклад Центра военно-политических исследований МГИМО(У) МИД России посвящен методологическим вопросам долгосрочного прогнозирования международной военно-политической обстановки. В докладе подробно рассматривается порядок формирования сценариев, анализируются существующие сценарии и предлагается авторский долгосрочный военно-политический прогноз до 2050 г. Доклад может быть интересен как исследователям в области военно-политического планирования, так и лицам, принимающим решения.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-9228-1159-0

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2014

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С. Е. НАРЫШКИНА

Военное измерение современных международных отношений продолжает осложняться, а глобальные тенденции к многополярности сопровождаются повышением уровня насилия в разных регионах планеты. Кроме того, появление принципиально новых типов вооружений, подходов к организации военного дела и технологий доминирования в информационном пространстве создают новые угрозы равновесию в мире.

В этих условиях научная информация, позволяющая повысить реалистичность прогнозов развития мировой военно-политической обстановки, необходима как никогда.

Доклад Центра военно-политических исследований посвящён методологии соответствующего долгосрочного прогнозирования. Его авторы используют комплексный подход, связывая военный аспект международных отношений с цивилизационным и политическим. Материалы, вошедшие в настоящий доклад, научно обоснованные выводы и вероятностные сценарии будут интересны как исследователям, так и специалистам-практикам.

Председатель Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации

С. Е. Нарышкин

A handwritten signature in blue ink, consisting of stylized, overlapping loops and a long horizontal stroke extending to the right.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ОАО «КОНЦЕРН ПВО „АЛМАЗ-АНТЕЙ“» Я. В. НОВИКОВА

Выход очередного аналитического доклада Центра военно-политических исследований, посвященного долгосрочному прогнозированию международной военно-политической обстановки как никогда актуален. Современную систему международных отношений лихорадит от тектонических сдвигов в структуре и логике отношений между Западом и Востоком. Стремление США к удержанию своих слабеющих позиций в качестве глобального гегемона приводит к увеличению объема насилия в международных отношениях.

Долгосрочное прогнозирование развития военно-политической обстановки в мире на системном уровне позволит России с одной стороны повысить уровень своей защищенности от насилия в мировой политике, с другой стороны — усилить возможности России оказывать формирующее влияние на глобальную трансформацию международных отношений.

Закономерности в долгосрочном развитии международной военно-политической обстановки проявляются только при анализе их сквозь призму развития человеческой цивилизации и международно-политической обстановки. Данная методология «матрешечного» анализа, разработанная в ЦВПИ, позволяет выявлять действительно существующие долгосрочные закономерности развития стратегической обстановки.

Уверен, что материалы данного доклада будут интересны всем, интересующимся и профессионально занимающимся анализом международной военно-политической обстановки.

Генеральный директор ОАО «Концерн ПВО „Алмаз–Антей“»
Я. В. Новиков

A handwritten signature in blue ink, which appears to be 'Novikov', written in a cursive style.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

АСП	анализ стратегических прогнозов
АТР	Азиатско-Тихоокеанский регион
БЛА	беспилотный летательный аппарат
БРВЗ	баллистическая ракета «воздух–земля»
БРИКС	группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика
ВиВТ	вооружения и военная техника
ВКВ	Воздушно-космические войска
ВКО	воздушно-космическая оборона
ВПО	военно-политическая обстановка
ВПС	мировая военно-политическая система
ВТО	высокоточное оружие
ГЗЛА	гиперзвуковой летательный аппарат
ГНСР МО	группа негативных сценариев развития международной обстановки
ГНСЦР МО	группа нейтральных сценариев развития международной обстановки
ГПСР МО	группа позитивных сценариев развития международной обстановки
ГПУ	грунтовые пусковые установки
ЕврАзЭС	Евразийское экономическое сообщество
ЕС	Европейский союз
ЕТП	единое транспортное пространство
ИКАО	Международная организация гражданской авиации
КР	крылатая ракета
КСП ПРО	комплекс средств преодоления ПРО
ЛАГ	Лига арабских государств
МБР	межконтинентальные баллистические ракеты
МО	Международная обстановка
НАТО	Организация Североатлантического договора

Долгосрочное прогнозирование сценариев развития ВПО

НТП	научно-технический прогресс
НЧК	национальный человеческий капитал
ОАЭ	Объединенные Арабские Эмираты
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВД	Организация Варшавского договора
ОДЭР	Организация за демократию и экономическое развитие
ООН	Организация Объединенных Наций
ОЭСР	Организации экономического сотрудничества и развития
ПРО	противоракетная оборона
РЛС	радиолокационная станция
СААРК	Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии
СВА	Северо-Восточная Азия
СЕ	Совет Европы
СЕАП	Совет евроатлантического партнерства
СЕНКООП	Сотрудничество центральноевропейских государств
СИПРИ	Стокгольмский институт исследования проблем мира
СКР	стратегические крылатые ракеты
СМП	Северный морской путь
СНБ	Совет национальной безопасности США
СНГ	Содружество Независимых Государств
СО	стратегическая обстановка
СПРН	система предупреждения о ракетном нападении
СЯС	Стратегические ядерные силы
ТАП	трансатлантическое партнерство
ТБ	тяжелый бомбардировщик
ТЛУ	транспортно-логистические услуги
ТТП	Транстихоокеанское партнерство
ЦИНК	Центр изучения национальных конфликтов
ЧЦ	человеческая цивилизация
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
ЮНЕСКО	Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЯБЗ	ядерный боезаряд

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

Военное планирование в Российской Федерации — составная часть военных мер организации обороны Российской Федерации, заключающаяся в определении порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, их применения и всестороннего обеспечения. Посредством военного планирования определяется последовательность действий по достижению целей планируемых процессов — ведения обороны, военного строительства, обеспечения обороны, информационного противоборства и управления обороной Российской Федерации.

Военно-политическая обстановка (ВПО) — состояние мировой военно-политической системы в определенный период времени, характеризующееся составом субъектов военной политики, их состоянием и особенностями военно-политических отношений между ними. ВПО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов военно-политических отношений в отношении других.

Военно-политические отношения — процесс взаимодействия субъектов военной политики во внешнеполитической, военной, социально-политической, экономической, идеологической и других сферах, в ходе которого проявляются их национальные, государственные, коалиционные и иные интересы. Военно-политические отношения в каждой сфере взаимодействия представляют собой определенную совокупность акций, мероприятий, проводимых субъектами военной политики в целях реализации своих интересов, достижения определенного их баланса, соотношения. Процесс взаимодействия субъектов военной политики имеет определенные фазы (этапы) развития, различающиеся степенью напряженности военно-политических отношений.

Государственная программа Российской Федерации — система мероприятий (взаимозвязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности, определенных в концепции долгосрочного социально-экономического развития или Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Государственная программа субъекта Российской Федерации — увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс мероприятий, направленный на наиболее эффективное решение задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации.

Государственное прогнозирование — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с участием общественных, научных и иных организаций по разработке научно обоснованных представлений о возможных рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации, направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Государственное стратегическое планирование — деятельность органов государственной власти, с участием общественных, научных и иных организаций направленная на решение стратегических задач.

Государственное стратегическое планирование (стратегическое планирование в Российской Федерации) — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, общественных, научных и иных организаций по государственному прогнозированию, программно-целевому планированию и стратегическому контролю, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности.

Документ государственного стратегического планирования — документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая органами государственной власти и иными участниками государственного стратегического планирования в соответствии с требованиями, установленными нормативными правовыми актами.

Задача социально-экономического развития — ограниченный по времени комплекс взаимосвязанных мероприятий в рамках направления достижения цели социально-экономического развития.

Качественные показатели — субъективные показатели, не поддающиеся количественным измерениям, либо являющиеся производными от таких измерений.

Количественные показатели — физические, экономические, социологические, математические и иные показатели, предполагающие количественное измерение.

Концепция (Стратегия) долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий систему научно обоснованных представлений о долгосрочных целях, внешних и внутренних условиях социально-экономического развития Российской Федерации.

Корректировка документа государственного стратегического планирования — частичное изменение текста документа без изменения периода, на который разрабатывался документ государственного стратегического планирования.

Критическое (пороговое) значение показателя обеспечения национальной безопасности — количественная характеристика угрозы национальной безопасности.

Метод оценки критериев и показателей — психофизический метод оценки степени уверенности (5–7) эксперта в правильности того или иного критерия или показателя.

Методическое обеспечение государственного стратегического планирования — требования и рекомендации по разработке документов государственного стратегического планирования.

Методологическая база военного планирования в Российской Федерации — разработанная (уточненная) в ходе подготовки к очередному этапу военного планирования совокупность процедурных знаний, применяемых для обоснования (прогнозирования) на определенный временной период процессов ведения и обеспечения обороны, военного строительства, информационного противоборства и управления обороной Российской Федерации, системы обеспеченных ресурсами мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации.

Мировая военно-политическая система (ВПС) — совокупность субъектов военной политики, взаимосвязь между которыми осуществляется посредством военно-политических отношений. В структуре мировой ВПС могут выделяться региональные ВПС и внутригосударственные ВПС.

Мониторинг реализации документов государственного стратегического планирования — деятельность по комплексной оценке основных показателей, а также бюджетных обязательств.

Облик военной организации государства — совокупность количественных и качественных параметров (показателей), характеризующих возможности, состав, структуру, численность, техническую оснащенность, а также системы управления и всестороннего обеспечения военной организации.

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного планирования, определяющий задачи социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности на среднесрочную перспективу.

Отраслевой документ государственного стратегического планирования — документ, в котором определены цели, приоритеты и задачи развития и обеспечения национальной безопасности, в соответствующей отрасли или сфере социально-экономического развития Российской Федерации.

План обороны Российской Федерации — комплекс взаимосвязанных документов военного планирования в Российской Федерации, разрабатываемый в целях обоснования и нормативного правового закрепления системы согласованных по срокам и обеспеченных ресурсами военных, правовых, политических, экономических и иных мер, реализация которых позволит обеспечить оборону и безопасность государства.

Планирование ведения обороны Российской Федерации — процесс определения военной организацией государства системы мер по стратегическому сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, вооруженной защите жизненно важных интересов государства от внешних и внутренних угроз.

Планирование военного строительства в Российской Федерации — процесс определения системы мер по строительству и развитию военной организации государства, направленных на перевод органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов, привлекаемых к выполнению задач в области обороны частей производственного и научного комплексов страны, в определенные качественные состояния, позволяющие в условиях планового периода обеспечить оборону и безопасность государства.

Планирование информационного противоборства Российской Федерации — процесс определения комплекса мер, осуществляемых военной организацией государства в интересах обеспечения национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере и достижения политических, экономических, военных и иных целей.

Планирование обеспечения обороны Российской Федерации — процесс выработки решений и разработки на их основе системы мер, определяющих цель, задачи, мероприятия обеспечения деятельности военной организации государства при выполнении ею задач по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации.

Планирование управления обороной Российской Федерации — процесс определения основ управления деятельностью военной организации государства при выполнении ею задач обороны в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время.

Показатели внутригосударственной военно-политической обстановки — данные, позволяющие оценивать состояние и процессы, происходящие в военно-политической, военно-социальной, военно-экономической, научно-технической, технологической и иных областях жизни страны.

Показатели межгосударственной обстановки — данные, по которым можно судить о состоянии и перспективах развития международной ситуации и положения России в мире.

Потенциал государства — совокупность материальных и духовных сил государства и общества.

Принципы стратегического прогнозирования — основные правила, объединяющие в действительности известную совокупность идей, связанных со стратегическим прогнозированием.

Приоритет социально-экономической политики — предпочтительные направления и способ действий по достижению целей социально-экономического развития, исходя из целесообразности, рациональности и эффективности.

Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах научно-технологического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в долгосрочной перспективе.

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития Российской Федерации, в том числе субъектов Российской Федерации, на долгосрочный или среднесрочный период.

Прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный или среднесрочный период.

Прогнозирование социально-экономического развития — деятельность по разработке научно обоснованных представлений о направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, определению параметров социально-экономического развития Российской Федерации, достижение которых обеспечивает реализацию целей социально-экономического развития Российской Федерации и приоритетов социально-экономической политики с учетом задач национальной безопасности.

Программа социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации на среднесрочную перспективу и комплекс мероприятий по их достижению.

Программно-целевое планирование — деятельность, направленная на определение целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, приоритетов социально-экономической политики и национальной безопасности, а также формирование комплексов направленных на достижение этих целей и приоритетов мероприятий с указанием источников их финансового обеспечения.

Результат социально-экономического развития — фактическое (достигнутое) состояние экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое характеризуется количественными и (или) качественными показателями.

Система государственного стратегического планирования — совокупность участников государственного стратегического планирования, взаимоувязанных документов государственного стратегического планирования, характеризующих приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, и нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения государственного стратегического планирования.

Система документов государственного стратегического планирования — совокупность взаимосвязанных по стратегическим целям, задачам, срокам и источникам ресурсного обеспечения документов государственного стратегического планирования.

Стратегическая обстановка — вид военно-политической обстановки, представляющий собой состояние мировой (региональной, внутригосударственной) ВПС в определенный период времени в ходе военного конфликта между субъектами военной политики (фаза развития военно-политических отношений — военный конфликт). Стратегическая обстановка характеризуется особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения, факторами, влияющими на их ход и результаты.

Стратегические национальные приоритеты — важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляется устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности.

Стратегический прогноз рисков социально-экономического развития Российской Федерации и угроз обеспечения национальной безопасности — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о возможных стратегических рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации.

Стратегическое сдерживание — разработка и системная реализация комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства — агрессора (коалиции государств) в интересах обеспечения военной безопасности страны.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий стратегические национальные приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующий состояние национальной безопасности и уровень развития государства на долгосрочную перспективу.

Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели, приоритеты социально-экономической политики и задачи социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в долгосрочной перспективе.

Долгосрочное прогнозирование сценариев развития ВПО

Структура сценариев развития ВПО — последовательная совокупность действий элементов и субъектов ВПО и эволюция их устойчивых взаимосвязей как единой системы, обеспечивающих ее целостность и сохранение основных свойств при самых различных вариантах изменения внутреннего и внешнего характера.

Структура сценария — последовательная совокупность действий (актов, сцен, сюжетов).

Субъекты военной политики — государства, коалиции государств (военно-политические союзы), вооруженные силы государств, вооруженные формирования, не имеющие международного правового статуса, способные вырабатывать свою политику и генерировать различные мероприятия и действия, с помощью которых должны решаться политические задачи и достигаться поставленные политические цели.

Сценарий — детальный план (проект), существующий в виде документа (пакета документов) или набора идей относительно долгосрочных политических и иных целей.

Сценарий развития военно-политической обстановки — описание состояния ВПО как составной части сценария развития МО и следствие одного из сценариев развития ЧЦ, которая характеризует состояние всей системы человеческой цивилизации в определенный период времени как совокупность взаимоотношений субъектов и последствий влияния внешних и внутренних факторов развития.

Сценарий текущей и прогнозируемой ВПО — существующий и будущий детальный план с участием основных действующих субъектов развития ВПО.

Характер внешних угроз — разновидность типов угроз, зависящих от сферы их возникновения: политических, экономических, военных.

Характер войн и вооруженных конфликтов — структура относительно устойчивых связей, определяющих цели войн, средства достижения этих целей и масштабы военных действий.

Цель социально-экономического развития — достижение состояния экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое определяется участниками государственного стратегического планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями.

Человеческая цивилизация (ЧЦ) — локализованное по времени и пространству современное человеческое сообщество, объединяющее нации, государства и отдельные социумы. В данной работе рассматриваются две основные формы ЧЦ: **глобальная ЧЦ**, как совокупная современная общность людей проживающих на планете, **локальная ЧЦ** — часть современно глобальной цивилизации, объединяющая цивилизационно близких людей.

Шкалы количественных и качественных показателей — оценка того или иного показателя для измерения его значения.

ВВЕДЕНИЕ

Вассалы Франции искусно поставлены в положение белки,
долженствующей вертеть колесо милитаризма¹.

А. Свечин,
военный теоретик

На основе данного документа («Основы политики Российской Федерации
в области развития оборонно-промышленного комплекса на период
до 2020 года и дальнейшую перспективу») и с учетом финансовых
возможностей страны разрабатывается национальная программа развития
ОПК...².

Б. Кузык, В. Кушлин, Ю. Яковец,
эксперты

Анализ существующих и прогноз на долгосрочную перспективу будущих сценариев развития ВПО является исключительно важной политической, экономической и военной задачей, от решения которой во многом зависит безопасность государства, его экономическое и социальное благополучие. Более того, представляется, что в XXI веке военная безопасность предопределяет уже не только возможность сохранения государственного суверенитета и способность защищать национальные и государственные интересы в мире (как это было прежде), но и сохранение национальной идентичности и системы ценностей, существование самой нации. Борьба в XXI веке перерастает из межгосударственной в междивизиационную, ценностную плоскость, а собственно военная победа и оккупация перестали быть главными целями военных действий.

В настоящее время, если исходить из политической точки зрения, такой целью становится превращение правящей элиты, нации и общества в послушное сообщество лишенных собственной идентичности, но готовой беспрекословно выполнять те правила и нормы, которые

ему предписывает победитель. Если же говорить с точки зрения экспертной, то вполне определенно эту цель обрисовал профессор Трифкович, по справедливому мнению которого «антагонизм „Запада“ в основе своей не связан с текущим политическим курсом Российской Федерации, а отражает глубокую враждебность западных политических и медийных элит по отношению к России как таковой. Геополитически это выражается в борьбе островных, морских империй (Великобритании, а затем, после Второй мировой войны — США) с континентальной (Российской, олицетворяющей „хартленд“ Евразии), которая происходит согласно заветам Маккиндера и Спайкмена. Культурный же антагонизм заключается в желании западных элит не просто влиять на российскую политику, а необратимо изменить „режим“ и трансформировать Россию по лекалам западного постмодернизма».

С бытовой точки зрения эту цель можно описать следующим образом: Запад «разрешил» России поселиться в общей квартире (на Земле) на определенных условиях, а именно: можно ходить в места общего пользования только с разрешения хозяина и тогда, когда это ему удобно.

Нужно сидеть в самой тесной комнате, окна которой выходят во двор или вообще могут быть занавешены, не издавая никаких звуков, как правило, прикованным к батарее и т. д. В случае нарушения этих норм и правил «хозяин будет наказывать — запрещать прогулки, перестанет кормить, включит громкую музыку и т. п., а при повторении нарушений — отключит свет, воду и газ, а, может быть, и использует физическое насилие. Защититься от такой политики некими нормами международного права невозможно. США неоднократно применяли военную силу, ни разу не объявляя войны, и многократно игнорируя нормы ООН.

В этой связи можно говорить, что во втором десятилетии XXI века проблема прогноза развития сценариев ВПО в будущем приобрела особенно острый характер. Военные конфликты и войны на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и, наконец, на Украине показали, что в развитии ВПО в мире произошел существенный перелом в направлении резкого обострения существующих и появления новых потенциальных и актуальных угроз. Это связано с глобальными противоречивыми процессами, которые ведут к дальнейшему обострению ВПО: с одной стороны, к фактическому появлению в начале XXI века новых центров силы и изменению соотношения сил в мире не в пользу США, и к стремлению США во что бы то ни стало сохранить свое глобальное лидерство и способность влиять на развитие любых процессов в мире, — с другой.

Это стремление проявляется, как минимум, в двух основных формах:

- во-первых, в политике США по укреплению существующих и созданию новых военно-политических и торгово-экономических союзов и коалиций, ускоренному развитию двусторонних связей и т. д. с тем, чтобы консолидировать вокруг себя и под своим

контролем максимально возможные ресурсы — политические, экономические, военные, пространственные и т. п.;

- во-вторых, в политике США по противодействию тенденции многополярности все сильнее и заметнее становятся военно-силовые аспекты, включая ставку на военно-технологическое превосходство, расширение спектра способов использования военной силы (в том числе создания принципиально новых концепций типа «глобального обезоруживающего удара и др.).

Наконец, объективное усиление целого ряда государств и иных субъектов МО неизбежно ведет к усилению роли и значения новых субъектов ВПО. Если прежде, в начале XX века, характер ВПО в мире определяли несколько крупных государств (в период Первой мировой войны — Германия, Франция, Россия, Великобритания, США, Австро-Венгрия, Италия, Турция и др.). в середине XX века круг этих государств сузился фактически до СССР, США, Германии, Японии и Великобритании, то в начале XXI века необходимо констатировать, что на формирование ВПО в мире и будущие сценарии его развития влияют уже не только великие державы (среди которых также произошло перераспределение влияния), но и быстро развивающиеся государства:

- новые военно-политические гиганты: Индия, Индонезия, Бразилия, Вьетнам;
- крупные, с точки зрения военно-политической, государства: Египет, Турция, Иран, обе Кореи и ряд других.

Наконец, необходимо констатировать и признать, что на формирование ВПО в мире оказывают все более сильное влияние «акторы вне суверенитета» — транснациональные корпорации и банки, международные организации, а так же общественные, политические и военные негосударственные субъекты.

¹ Цит. по: Кокошин А. А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник. А. А. Свечин. М.: МГУ, 2013. С. 246.

² Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. М.: Экономика, 2011. С. 343.

ГЛАВА 1

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Долгосрочный сценарный прогноз развития ВПО и СО вытекает из строго логической последовательности, которая не предполагает исключения какого-либо предшествующего этапа¹.

А. Подберезкин

Развитие будущих сценариев ВПО в мире, как уже говорилось, происходит под влиянием трех основных групп факторов и характера взаимоотношений между ними. Прогноз их влияния по существу и будет во многом предопределять развитие ВПО в XXI веке. Речь идет об:

- основных субъектах ВПО (государства) и военно-политических союзах государств, их коалициях;
- негосударственных акторов ВПО (коалициях, общественно-политических силах, союзах, политических организациях и т. д.);
- глобальных тенденциях политического, экономического, научно-технического развития;
- наконец, об отношениях между этими субъектами и о тенденциях ВПО, причем не только военно-политических, но и гуманитарных, экономических и др.

Анализ и стратегический прогноз различных сценариев развития ВПО до 2030 и 2050 годов, таким образом, предполагает, что любой из этих сценариев должен рассматриваться, как минимум, «на пересечении» трех тенденций:

- во-первых, как будут развиваться и выглядеть субъекты ВПО в 2030 или 2050 годах с точки зрения не только их государственной, но и военной мощи, измеряемой не только с их количественной стороны (ВВП, танки, самолеты и т. д.), но и качественной. Речь идет об анализе и оценке практически всех государств и военно-политических коалиций по сотням параметров. Это означает учет десятков и сотен тысяч находящихся в динамике и в процессах качественных изменений факторов;
- во-вторых, как будут изменяться роли негосударственных субъектов ВПО, ныне

Долгосрочное прогнозирование сценариев развития ВПО

наращивающих свое влияние и играющих все более важную роль во внешних, внутренних конфликтах и войнах;

- в-третьих, как будут формироваться отношения между всеми этими факторами, субъектами и тенденциями развития человеческих и локальных цивилизаций.

Простейшая матрица, отображающая только основные факторы, формирующие ВПО в мире, может быть представлена, например, следующим образом (табл. 1).

Из матрицы видно, например, что значение, «доля» ВПО при формировании МО может быть небольшой (или не быть вообще) ибо значительной. Так, состояние ВПО на Ближнем Востоке во многом определяется МО, а именно уровнем политических, экономических и военных отношений России с Сирией и Египтом, а США — с Турцией и Израилем. В любом случае ясно, что:

- во-первых, сценарии развития МО и их варианты во многом **предопределяют сценарии и варианты развития ВПО**. Это означает, что при негативном сценарии развития МО не может быть в принципе позитивного сценария развития ВПО. Он может быть либо кризисным, либо враждебным;
- во-вторых, сами по себе сценарии развития ВПО зависят как от общего состояния

международной обстановки (МО), так и от основных факторов, определяющих эту обстановку — политических, экономических, дипломатических и пр. Это означает, что уровень и качество развития невоенных областей МО во многом влияют на военные области. И наоборот: военные области могут оказывать позитивное влияние на другие области развития МО. Например, ВТС безусловно укрепляет доверие;

- в-третьих, анализ и прогноз ВПО носит сугубо конкретный (временной, военно-технический, экономический и финансовый) характер и не может быть универсальным. Это означает, что нет какого-либо абстрактного сценария развития ВПО, применимого и к 2015, и к 2030 или 2050 годам, или характеризующего не только каждую страну, но сразу несколько стран или объединений;
- в-четвертых, экстраполяция существующего сценария развития ВПО на долгосрочную перспективу может быть очень ограничена в силу огромного числа факторов влияния вообще и переменных их величин, в частности.

Тем не менее, вывод о возможности и необходимости анализа существующих и прогноза будущих сценариев и вариантов развития ВПО не просто подтверждается, но и усиливает свое

Табл. 1. Матрица факторов, влияющих на формирование ВПО в мире в конкретный период времени (2014 г.)

Область формирования международной обстановки (МО) и военно-политической обстановки (ВПО)	Факторы влияния			
	Государственные субъекты МО	Негосударственные акторы	Глобальные тенденции мирового развития	Отношения между субъектами и факторами
Политические отношения	■			■
Экономические отношения	■			■
Военные отношения	■		■	■
Торговые отношения	■			■
Финансовые отношения	■			■
Гуманитарные отношения	■			■
«Доля» ВПО в отношениях при формировании МО	■		■	■

значение в условиях качественных перемен, происходящих в ВПО в мире и отдельных регионах во втором десятилетии XXI века. Очевидное усиление негативных тенденций в сценариях развития ВПО требует не только адекватной военно-технической реакции со стороны России, что совершенно понятно, естественно и необходимо, но и новых попыток размыть политический фундамент усиления конфронтации. Любые усилия в этом направлении (даже если они дают незначительный видимый результат) представляются не просто желательными, но и обязательными.

Основу таких усилий может составить поиск общецивилизационных интересов (потребностей) народов Евразии вообще и Европы, в частности. На базе таких общих интересов возможно и необходимо создание новых и активизация существующих механизмов обеспечения безопасности при понимании того, что США и ряд их союзников вполне удовлетворены имеющимся механизмом НАТО³. Надо отчетливо понимать, что негативные сценарии развития ВПО набирают силу. Учитывая особое значение политических и международных факторов МО на формирование ВПО, важно избежать недооценки политических, экономических, гуманитарных и иных аспектов собственно военных факторов. Так, если вернуться к опыту оказавшейся в условиях холодной войны послевоенной Европы, можно признать, что:

- в 1975 году, когда состоялось Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, вопросы безопасности и политики были «уравновешены» вопросами экономического и гуманитарного сотрудничества. Фактически произошел размен: Запад признал

принцип нерушимости границ, а СССР — необходимость руководствоваться «гуманитарной корзиной» с ее «сердцевиной» в виде формулы о правах человека;

- в эти же годы был выдвинут комплекс «общечеловеческих» (гуманитарных, экологических, биологических и пр. проблем) проблем, которые стали общей основой для политической и общественной дискуссии. В XXI веке таких проблем стало гораздо больше и разнообразия в их понимании — не меньше;
- в эти же годы стал актуальным тезис о пространственном измерении Европы «от Лиссабона до Владивостока». Надо понимать, что раздел Европы на «Европу» и «Россию» не выгоден России ни как государству, ни как нации, но этот раздел очень выгоден США и Великобритании. Поэтому в XXI веке целесообразно расширить понимание пространства Европы до пространства Евразии, что само по себе в известном смысле способно уравнивать позиции США и стран ЕС участием быстро набирающих силу стран Азии.

При этом расширение «пространства безопасности» на другие регионы Евразии и мира отнюдь не должны ограничиваться указанным проектом. В XXI веке отчетливо просматривается тенденция распространения пространственных характеристик ВПО на Арктику, океанские акватории, космическое пространство. Очевидно, что уже к 2030 год любой сценарий развития ВПО будет предполагать глобальный пространственный охват. Наконец, очень важно понимать, что любой сценарий развития ВПО предполагает многовариантность и возможность реализации.

Рис. 1.

Это положение можно продемонстрировать упрощенно на следующем рисунке (рис. 1).

Иными словами, в 2014 году мы не можем прогнозировать даже на краткосрочную перспективу один–два сценария развития ВПО. Можно говорить о наиболее вероятных сценариях развития ВПО и их вариантах, которые должны конкретизироваться в зависимости от точного числа участников, времени, политической обстановки и других, в том числе субъективных факторов (отношений лидеров, готовности идти на риск и т. п.). В этой связи особое значение приобретает анализ и прогноз ответных действий, реакции на будущие внешние и внутренние угрозы, прежде всего с точки зрения **минимизации рисков**.

Это означает, что мы должны быть готовы к ответной и несимметричной реакции на мак-

симально большое число сценариев развития ВПО и их вариантов, разрабатывая наиболее адекватные универсальные средства и способы, так как национальных ресурсов для ответа на все варианты всех сценариев ВПО не хватит. Так, невозможно для России участвовать в войне на отдаленных ТВД или готовиться к войне со всеми странами НАТО в одиночку, полагаясь только на обычные вооружения. Таким образом, общие условия и принципы анализа и долгосрочного прогноза развития сценариев ВПО должны включать достаточно значимые ограничения, включая ресурсные, быть «привязаны» максимально к конкретным социально-политическим, научно-техническим, экономическим и геополитическим реалиям, которые минимизировали бы их абстрактность до прикладного практического уровня.

1.1. Взаимосвязь сценариев развития международной и военно-политической обстановки³

... нужно достоверно и полноценно просчитать потенциальные угрозы военной безопасности. На каждую из них должен быть найден достаточный адекватный ответ⁴.

*В. Путин,
Президент России*

«Евразийская» идея порочна прежде всего потому, что создает иллюзию полезности «контроля» над большими сухопутными территориями⁵.

*В. Иноземцев,
политолог*

Проблема взаимосвязи развития сценариев МО и ВПО поднималась и описывалась уже не раз в этой и предыдущих работах автора достаточно подробно⁶. В данном разделе рассматриваемые конкретные сценарии развития ВПО и их варианты основываются (теоретически и методологически) на этой взаимосвязи и непосредственно вытекают друг из друга. Это означает, что существующие и будущие конкретные сценарии и их варианты развития ВПО являются логическим следствием развития соответствующих конкретных сценариев МО, их естественной, составной частью, а также следствием развития одного из сценариев человеческой цивилизации.

Это означает, что анализ существующих сценариев развития ВПО в мире и их прогноз на период до 2030 и 2050 годов предполагает изначально попытку систематизации таких сценариев (по аналогии с систематизацией по

группам и подгруппам сценариев МО), в силу их огромного количества и выделения из их числа наиболее вероятных вариантов. Без такой систематизации и логической привязки количество сценариев и их вариантов становится неограниченным, а значит бессмысленным с точки зрения анализа и прогноза. Кроме того, как уже говорилось выше, необходимо выделить условия и принципы, в соответствии с которыми выдвигаются эти сценарии, делающие их более конкретными и практическими, то есть более вероятными.

Подобные анализ и прогноз логично предполагают увязку существующих сценариев развития ВПО с уже существующими и прогнозными сценариями развития международной обстановки (МО) и человеческой цивилизации (ЧЦ)⁷. Ибо и развитие сценариев ВПО, и варианты стратегической обстановки (СО), и вся

военная политика государства формируются под прямым непосредственным и сильным влиянием конкретных сценариев МО. Последние формируют такие же конкретные внешние политические, военные, экономические и иные условия существования государств и еще более конкретные внешние и военные угрозы⁸.

Так, например, развитие ВПО на Украине и в Европе зависит от многих политических, финансовых, экономических и иных факторов, которые необходимо учитывать при формировании собственно военной политики. В частности, сложившейся в 80-е и 90-е годы XX века продовольственной зависимости России от Запада. «Обмен санкциями» как политический инструмент в данном случае должен учитывать эти реалии, хорошо отображенные на инфографике РБК (Рис. 2).

И наоборот, конкретные военные и военно-политические условия формирования сценария ВПО могут и часто оказывают обратное влияние на развитие сценария МО в ту или иную сторону. Так, безусловные военные успехи ополченцев на Украине весной–летом 2014 года вынудили Киев и его союзников пойти на переговоры с представителями Новороссии, заключить перемирие и смягчить набирающие темпы опасную эскалацию развития сценария МО в кризисном направлении. При этом надо понимать, что влияние происходящих в развитии сценариев ЧЦ

и МО процессов более глубокое и фундаментальное и более сильно сказывается, чем в сценариях развития ВПО и СО.

Случаи, когда изменения в сценариях развития ВПО радикально влияли на сценарии МО, в истории есть, но они немногочисленны. Так, Карл XII быстрым нападением и разгромом датчан вывел Данию из военно-политической коалиции России, Польши и Дании против Швеции. Такую же попытку попытался осуществить А. Гитлер, освободив из заключения Муссолини. Но, надо признать, что эти немногочисленные примеры в конечном счете все равно подтверждают общее правило: развитие сценариев ВПО следует из развития сценариев МО, а тех — из сценариев развития ЧЦ.

Надо признать, что специфические события и тенденции в развитии того или иного сценария ВПО оказывают частные, иногда значимые воздействия на события и тенденции в сценариях развития МО. В частности, война на Украине стала поводом для введения санкций против России на разработку месторождений нефти и газа в Арктике¹⁰, ограничений в добыче сланцевой нефти и газа, а в перспективе — на ее политику в Антарктике и в других регионах. Это влияние иногда не очень заметно (как в отношениях с Японией), иногда только символично (как в отношениях с Индией), а иногда неожиданно сильно (как в отношениях с Австралией). Поэтому такой «военно-

Рис. 2.⁹

политический реверс» должен внимательно отслеживаться. Особенно в тех случаях, когда он может привести к неприятным последствиям.

Конкретные сценарии развития ВПО, вытекающие даже из одного сценария развития МО, неизбежно будут отличаться друг от друга: даже если события развиваются в одно и то же время, в одном и том же месте, конкретные военно-политические условия могут (и будут) разными. Прежде всего, зависящими от множества субъективных факторов, часть из которых была неизвестна и не учитывалась, а часть — только что появилась¹¹. Поэтому нельзя просто экстраполировать сценарий развития МО на сценарий ВПО. Они могут отличаться, в том числе и серьезно, в ту или иную сторону.

В качестве примера можно использовать сценарий развития ВПО, сложившийся в Новороссии в сентябре 2014 года после инициатив В. Путина и П. Порошенко о прекращении огня. Дальнейшее развитие событий после этого могло развиваться, как минимум, по трем сценариям¹²:

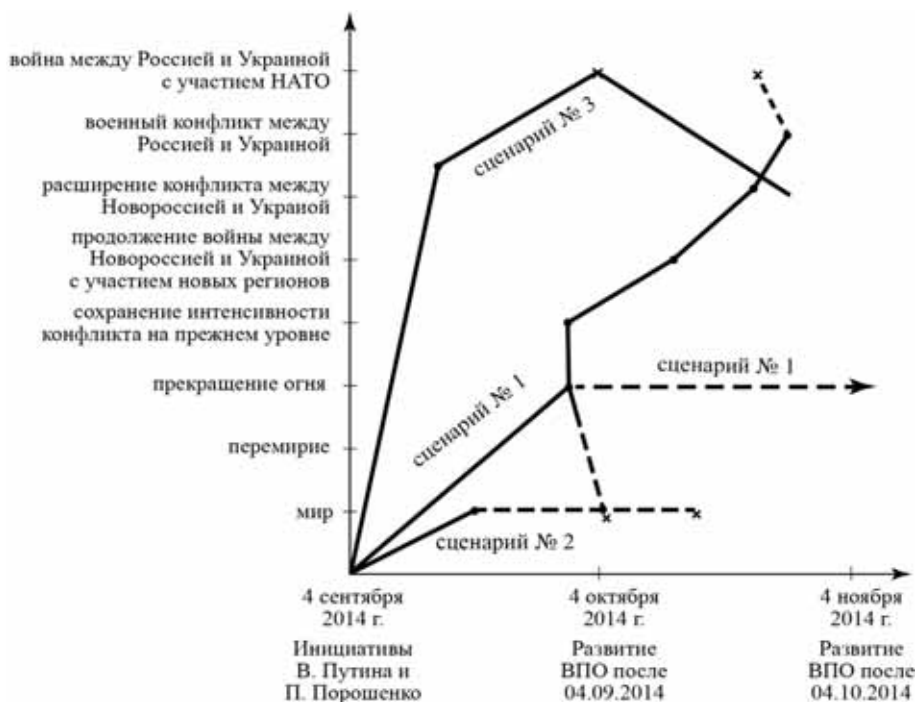
- сценарий № 1, который привел в целом к прекращению огня, мог «заморозить» конфликт на неопределенную перспективу;
- сценарий № 2 — привести к устойчивому миру;
- сценарий № 3 как превращение со временем сценария № 1 сценарий войны.

Все эти потенциально возможные и даже вероятные сценарии ВПО существуют в рам-

ках одного сценария развития МО, который был описан выше как «сценарий войны чужими руками». Его реализация, судя по всему, была в сентябре 2014 (конкретное время) скорректирована событиями в Сирии и Ираке (конкретными событиями в конкретном месте), а именно: бомбардировками США исламских радикалов.

Таким образом, развитие конкретных вариантов конкретных сценариев ВПО происходит под влиянием самых разных внешних и внутренних факторов внутри одного сценария развития МО или даже одного из вариантов такого сценария. Это означает, что прогнозировать точно развитие того или иного сценария ВПО невозможно даже в рамках одного из сценариев развития МО, что требует достаточно универсальных средств для ответной реакции. По сути дела, украинские сценарии и их варианты развития ВПО в августе–сентябре подтверждают этот вывод. Как средства, так и способы ведения вооруженной борьбы при всех сценариях оставались одни и те же: преимущественно артиллерийские системы, стрелковое оружие и бронетехника. Действия авиации, флота, по понятным причинам, фактически отсутствовали.

Таким образом, предполагается, что сценарии развития ВПО, которые являются производными от сценариев развития МО, могут иметь самые различные варианты в силу конкретных,

в том числе субъективных условий, опасностей и угроз. Реакция на эти внешние и военные угрозы со стороны России, выражаемая в том числе в развитии военной организации страны, ее ВС и ВиВТ, должна быть адекватной, то есть в данном случае универсальной. В случае их переоценки, такая неадекватная реакция ведёт к излишним тратам национальных ресурсов, а иногда и экономическому изматыванию и внутривнутриполитической дестабилизации. В случае недооценки внешних и внутренних угроз, вытекающих из анализа и прогноза развития сценариев МО и ВПО, — неизбежно ведет к потере способности защищать свой суверенитет и проводить эффективную внешнюю и внутреннюю политику¹³.

Наконец, такой анализ и прогноз развития сценариев ВПО должны строиться не только на творческой фантазии, но, прежде всего, на научных методах анализа сценариев развития МО и ВПО, среди которых можно выделить не-

- сколько обязательных и взаимодополняющих:
- метод анализа национальных и групповых интересов (потребностей) и формируемых на их основе целей
  - метод анализа соотношения сил;
  - метод анализа последовательной и полной цепочки событий (ивент-анализа);
  - метод моделирования и количественного анализа;
  - метод контент-анализа и ряд других.

Думается, что достаточно широкий набор таких методов и методик позволит точнее сформулировать сценарии и варианты развития МО и ВПО, что является принципиально важным для подготовки долгосрочных ответных мер. Так, если основные выводы, тенденции и факты совпадают по нескольким методикам (а еще лучше, — десяткам методик), то можно говорить о возможности построения долгосрочного прогноза развития того или иного вероятного сценария ВПО, вытекающего из сценария МО.

1.2. Проблема оценки развития военно-политической обстановки

Новая госпрограмма вооружений должна учитывать положения основных документов стратегического планирования в сфере обороны и безопасности, включая обновленную Военную доктрину, проект которой должен быть подготовлен к декабрю¹⁴.

*В. Путин,
Президент России*

США долгое время полагались на свое превосходство в ВиВТ... Для сохранения в будущем превосходства будет необходимо, чтобы военные разработали новые возможности совершенствования тактики, технологий и процедур, которые бы заменили те эффективные возможности, на которых основывалось превосходство США последние 20 лет...¹⁵.

Доклад научного Комитета МО США

Проблема адекватности оценки и прогноза того или иного сценария развития ВПО имеет исключительно важное значение в силу того, что субъективные факторы (предыдущий опыт, знания, материальная и иная заинтересованность и т. д.), всегда играющие важную роль в общественных, в том числе международных отношениях, абсолютизируются при рассмотрении их военно-политических аспектов.

Представляется, что даже возможности количественных оценок (количества ВиВТ, затрат, длительности и др.) нередко не оказывают влияния на процесс принятия решений, когда субъективно **осознанный интерес** становится

главной движущей силой, мотивом и основным «аргументом». Не секрет, что многие политические, экономические и военно-технические решения в СССР и России принимались именно при решающем влиянии субъективных факторов.

Можно сделать исключительно точные анализы и прогнозы, очень тщательные предложения в военно-политической области, которые будут перечеркнуты одним — двумя субъективными политическими решениями. Именно в этом заключается главная трудность и опасность анализа и стратегического прогноза — не попасть под влияние при подготовке и быть учтенным при принятии решений.

В каких странах у российских чиновников есть недвижимость и земля

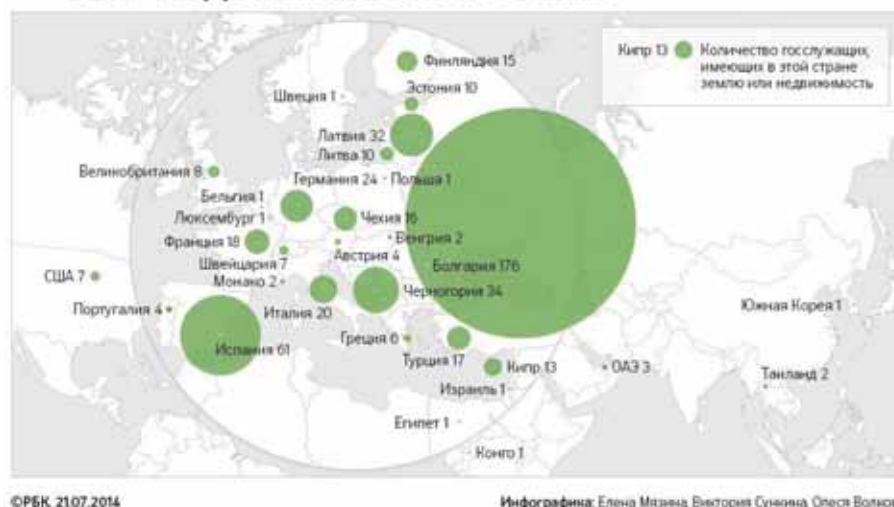

Рис. 3.¹⁶

В 2013–2014 годах в России активизировалась дискуссия и политическая активность в военно-политической области, которые сопровождались целой серией важных, хотя порой и запоздалых, ключевых военно-политических и организационных решений. Вообще, надо сказать, запоздалость реакции лиц, принимающих решения в СССР и России — старая болезнь правящей элиты, свойственная, наверное, историческому архетипу русского человека. «Медленно запрягает, да быстро едет», — эта поговорка точно отражает его характер. Однако эта черта, которую силовым образом преодолевали Иван Грозный, Петр I и Иосиф Сталин, абсолютно недопустима в XXI веке при принятии решений в военно-политической области, где требуется немедленная реакция, измеряемая днями.

Приведу пример. В ходе одного из совещаний бывший секретарь Совета безопасности и первый заместитель министра обороны РФ А. Кокошин заметил, что совершенствование систем управления, связи и разведки в этом десятилетии будет основным направлением военного строительства в мире. На это я ему заметил, что еще в 1988 г. мою книгу, посвященную этой теме, специальным решением запретили к публикации, а защиту докторской диссертации переносили несколько раз. Диссертация была защищена в 1989 году и называлась «Значение развития систем боевого управления, связи и разведки (С³1) в военной доктрине США»¹⁷. За 25 лет ее посмотрело 1,5 тысячи человек.

Но сегодняшняя запоздалая реакция высшего эшелона правящей элиты была вызвана двумя новыми принципиальными причинами, имеющими вполне объективный характер:

- во-первых, обострением ВПО в мире очевидным и неожиданным для многих усилением антироссийской направленности во внешней политике США и целого ряда государств, представляющих западную локальную цивилизацию. Войны и военные конфликты XXI века — от войны в Югославии и Ираке до войны в Сирии и на Украине — стали яркими примерами готовности Запада не только игнорировать нормы международного права (которые он пытался многие годы «объявлять незывлемыми»), но и откровенно использовать военную силу по своему усмотрению. Цепь революций в Грузии, Киргизии, на Украине и на Ближнем Востоке показала готовность Запада к резкому обострению ситуации и дестабилизации как средству «перезагрузки» человеческой цивилизации под свою систему ценностей;
- во-вторых, объективным процессом можно признать дальнейшее избавление правящей российской элиты от иллюзий протестантского идеологического либерализма, лежавших в основе внешней и военной политики России со времен М. Горбачева. Этот процесс начался еще в первом десятилетии XXI века, но именно во втором десятилетии — по мере усиления агрессивности внешней политики США и ЕС — он перешел в качественно

иную плоскость — отказа В. Путина от тех навязанных Западом норм и правил, которые выполнялись в предыдущие десятилетия. Собственно, последующая политика эскалации санкций США и их союзников во время украинского кризиса и была политикой «силового принуждения» России к соблюдению именно этих западных норм и правил. «Возвращение адекватности» в российской элите происходит медленно и болезненно. Она начинает понимать, что ей уже не нужно и даже вредно и опасно, но она еще не понимает ясно, что нужно, каковы приоритеты и как этого добиться потому, что эти вопросы и ответы на них лежат в русле политической идеологии. От коммунистической отказались, от либеральной начали отказываться, но новой еще нет.

Этот процесс осознания отнюдь не закончится к 2015 году. Переоценка интересов, приоритетов, даже ценностей, начатая по инициативе В. Путина, ведет неизбежно не только к более глубокому политико-идеологическому отходу от примитивного либерализма, но и к формальному его закреплению в политических, юридических и нормативных документах и кадрово-организационных решениях. Его заявление о подготовке новой редакции Военной доктрины России, принятие в июне 2014 г. ФЗ-172 «О стратегическом планировании», совещания и реорганизация ВПК, в том числе те, где были утверждены основные направления развития вооружений и военной техники до 2030 года, попытки «просчитать» потенциальные угрозы военной безопасности и другие шаги и действия свидетельствуют о том, что процесс переосмысления основных положений внешней и военной политики России отнюдь не закончился.

Нужно констатировать, что и во втором, десятилетии XXI века оценка сценария развития ВПО отнюдь не всегда может и бывает объективно адекватной, основанной на реальных данных и соответствующей национальным интересам. Нередко складывается ситуация, когда правящая элита неадекватно оценивает объективные реалии и не делает вывода даже из качественного анализа и прогноза развития ВПО. Другими словами, даже полная и качественная информация, анализ и достоверный прогноз отнюдь не гарантируют адекватную — своевременную и обдуманную — ответную реакцию правящей элиты, имея в виду принимаемые ею решения. Прежде

всего из-за мировоззренческой или идеологической позиции того или иного представителя (группы, слоя) правящей элиты.

Так, с точки зрения реальной политики и трагических последствий для России ультралиберального внешнеполитического курса М. Горбачева (Э. Шеварднадзе, А. Яковлева) — Б. Ельцина (А. Козырева, Е. Гайдара) очевиден провал односторонней ориентации на Запад и курса необоснованных уступок. Трагизм, ошибочность и провалы (даже преступления) подобной внешней политики признает отнюдь не вся отечественная элита. Совсем наоборот — многие ее представители не только не осуждают и не признают ошибочности и преступности этого курса, но и настойчиво предлагают его продолжения. Яркий пример — выступление В. Иноземцева, где он в очередной раз повторяет по сути идею сырьевого придатка (и постепенной десоверенизации?) Сибири: «На мой взгляд, идеальное геополитическое позиционирование России — двухполюсная модель. Один полюс — западные рубежи, к которым доставляется сырьё с Урала и Западной Сибири, а также промышленные центры вокруг Москвы, Санкт-Петербурга и Поволжья, где концентрируется высокотехнологичное производство, использующее местную рабочую силу. Другим полюсом может стать Дальний Восток, куда должно доставляться сырьё с месторождений Восточной Сибири и арктических регионов, чтобы перерабатываться в продукцию среднего уровня передела с участием иностранного капитала и (на первых порах) иностранной рабочей силы»¹⁸.

Примечательно, что в это же самое время А. Кокошин пишет: «Все больше важных акторов системы мировой политики — государств, — деятельно борются за увеличение своей субъектности, за наращивание потенциала реального суверенитета. Идеи универсальной и масштабной десоверенизации, продвигавшиеся и продвигаемые многими деятелями западных стран, в целом не отвечают современным реальностям. В значительной мере эти идеи ориентированы на то, чтобы служить определенным политическим инструментом для американской политической и предпринимательской элиты и элит ряда западноевропейских стран — американских союзников по НАТО»¹⁹.

Выбор, стоящий перед правящими элитами государств и принимаемые ими решения имеют очень широкий разброс как по политическим

и дипломатическим последствиям, так и экономическим затратам. Так, в конце 30-х годов XX века в СССР был сделан в целом адекватный анализ внешних угроз, вытекающий из последствий развития военного сценария МО и ВПО, который привел к целой серии политических и военных шагов по укреплению безопасности страны (от активных действий на Дальнем Востоке и против Финляндии до дипломатических шагов по выходу из политической изоляции). А также по подготовке всей военной организации страны к войне. Это выразилось, в том числе, и в фактической мобилизации промышленности, когда доля военных расходов по некоторым оценкам превысила 30% ВВП.

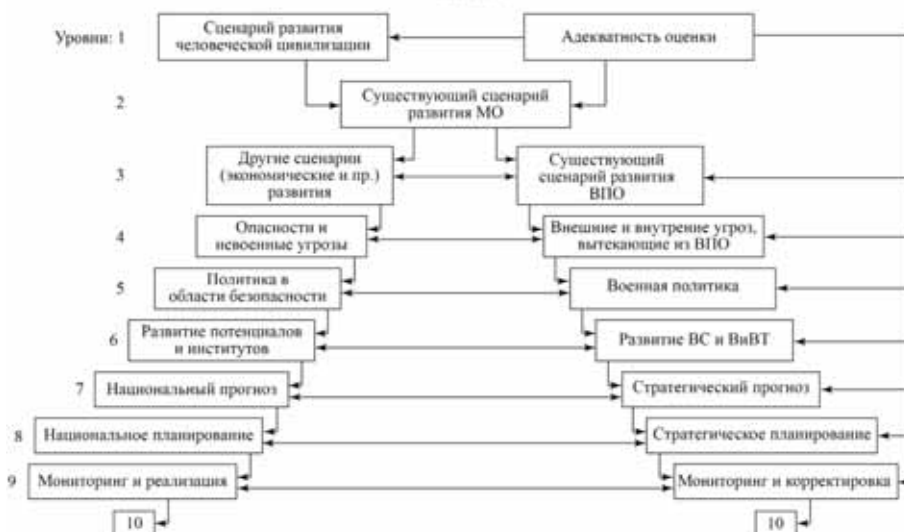
Другой пример — неадекватности, в анализе МО и ВПО, переоценки внешней угрозы со стороны СССР в 1970-е годы, привел к излишним военным расходам, превышавшим, по оценке в то время западных экспертов, 8% ВВП страны, что свидетельствовало о ее милитаризации и влияло на усиление отставания в социально-экономическом и научно-техническом развитии. В конечном счете, это привело к созданию разрыва в уровне развития человеческого капитала и институтов его реализации в СССР и ведущих странах Запада. Со всеми вытекающими из этого отставания экономическими, социальными и политическими последствиями²⁰.

Наконец, есть и третий пример неадекватности в анализе и прогнозе развития ЧЦ, МО и ВПО, и недооценки внешних и внутренних военных угроз: это политика М. Горбачева и Б. Ельцина, которая привела не только к развалу коалиций

(ОВД и системы двусторонних связей), но и самого государства, его военной организации и промышленности. В XXI веке проблема адекватности оценки ВПО представлена в двух аспектах:

- адекватности правящей элиты, когда субъективные факторы и интересы могут серьезно влиять на восприятия угроз — более объективная. Она заключается в том, что в XXI веке граница между силовыми военными и невоенными средствами политики фактически исчезла, либо стала настолько размытой, что в большей степени зависит не от реального положения вещей, а от политической или медийной трактовки. Так, если прежде начало войны ассоциировалось с ее объявлением (что требовалось по международному праву), либо фактическим участием вооруженных сил, то сегодня военные действия ведутся без первого (объявления войны) и второго (формального участия вооруженных формирований). Это, так или иначе, признают и российские эксперты. «Для анализа своевременной и достоверной оценки риска эскалации угроз военной безопасности важен мониторинг точек „бифуркации“ момента перехода возникших противоречий из менее опасного состояния в другое — крайне опасное. Момент перехода может быть оценен по совокупности трех критериев:
- наличия комплекса противоречий и их характера (возможность их разрешения невоенными мерами — потенциальная степень военной опасности), характеристики военно-политической обстановки — стабильная;

Логическая схема формирования сценариев и вариантов развития ВПО 2014 г.

- остро антагонистического характера противоречий (при наличии сопоставимой военной силы и высокой вероятности ее использования) — военно-политической обстановки — конфликтная ситуация, реальная военная опасность;
- наличия военной силы, высокой вероятности ее использования для разрешения противоречий вследствие политической воли и решимости военного руководс-

тва — прогноз военно-политической обстановки — массовые конфликтные ситуации, непосредственная военная опасность»²¹.

Именно поэтому важны приоритетность и последовательность, а также личностная адекватность в определении характера и будущего сценария развития ВПО, которые вытекают из более высоких по порядку и приоритетности сценариев развития ЧЦ и МО.

1.3. Выделение конкретных вариантов из сценариев развития военно-политической обстановки

За годы реформ с 1978 года по 2010 год объем ВВП (Китая — А. П.) вырос в 115 раз ... имеются также оценки ..., которые предполагают, что наращивание возможностей КНР по отношению США будет ... снижаться...²².

*А. Кокошин,
академик РАН*

... особенностью свечинской методологии было непризнание «диктатуры метода»... В то же время... в его «Стратегии»... выделено 190 вопросов, которые сгруппированы в 18 глав²³.

*А. Кокошин,
академик РАН*

В эпиграфах А. Кокошина даны примеры абсолютно противоречивых сценариев развития МО и его комментариев по поводу отношения к подходу А. Свечина, отрицавшего «диктатуру метода», с одной стороны, и систематизировавшего разные вопросы, — с другой. Это противоречие в анализе МО и ВПО отражает еще одну суть проблемы долгосрочного прогноза — многовариантность сценариев развития ВПО. По поводу анализа **состояния сценариев** уже говорилось выше, но проблема оказывается еще сложнее, когда речь идет о долгосрочном прогнозе этих сценариев ВПО и вариантов их развития.

Если, как говорилось выше, существуют большие объективные и субъективные трудности при анализе сценариев ВПО и вариантов их развития, то эти трудности в прогнозе многократно увеличиваются. Если для анализа существующего сценария или его варианта ВПО требуется анализ тысяч факторов — субъектов ВПО, основных трендов и, наконец, отношений между ними, — то для долгосрочного прогноза эти факторы превращаются в переменные величины, а, кроме того, к ним добавляются качественно новые, пока что не существую-

щие, переменные факторы (например, новые технологии).

Поэтому чтобы как-то систематизировать и упростить этот сверхсложный процесс, необходимо предложить некую модель, в которой рассматривается один из упрощенных вариантов сценария, а не весь сценарий. Необходимый анализ и стратегический прогноз развития сценариев ВПО до 2030 и 2050 годов изначально и в обязательном порядке предполагает создание:

- некоей системы, позволяющей систематизировать многочисленные и часто противоречивые сценарии ВПО;
- «встроить» эти сценарии в сценарии развития ЧЦ и МО, которые имеют приоритетный по отношению к сценариям ВПО характер;
- выделить основные факторы, влияющие на формирование ВПО;
- определить временные различия между современными (существующими) сценариями МО и ВПО и возможными будущими — в 2030 и 2050 годах;
- выделить из максимального числа возможных сценариев ВПО наиболее вероятные, требующие более внимательного изучения;

— наконец, выделить из всех сценариев ВПО их варианты.

Для того, чтобы предложить прогноз развития того или иного сценария ВПО на 2035 или 2050 год, необходимо не только проанализировать существующий сценарий развития ВПО в конкретное время и в конкретном месте, но и сделать попытку его экстраполяции. Важно понимать, что он может и, как правило, существенно будет отличаться в важных деталях, даже если речь идет о временном промежутке в 1–2 месяца и региональной привязке. Тем более, если речь идет о десятилетиях и разных регионах. Так, например, ВПО на Украине и вокруг нее в декабре 2013 года и в феврале 2014 года существенно отличались, а в августе 2014 года радикально характеризовались по-другому.

С учетом решений НАТО, принятых в сентябре 2014 года, ВПО не только в мире, но и в отдельных регионах, например, Арктике, Среднем Востоке, уже радикально отличалась от ВПО годичной давности и т. д. Поэтому очень важно прогнозировать развитие ВПО в будущем, исходя из развития наиболее устойчивых тенденций и базовых сценариев:

- развития ЧЦ и локальных цивилизаций и отношений между ними;
- развития сценариев МО, вытекающих из сценариев развития локальных цивилизаций, и вариантов (как минимум, трех) сценариев МО;
- развития сценариев ВПО, вытекающих из конкретных вариантов сценариев развития МО (т. е., как минимум, три варианта сценария ВПО из одного варианта сценария МО).

Это можно показать на логической схеме, следующим образом развивающей предыдущую схему.

Как видно из логической схемы (рис. 4), существует отчетливо выраженная приоритетность, последовательность и системность развития сценариев ВПО и их места как в сценариях ЧЦ и МО, так и их роль для последующих мероприятий в области военной политики. При этом важно отметить, даже подчеркнуть и повторить, что существующие или будущие сценарии развития ВПО имеют свои варианты, которые конкретизируют и детализируют базовый вариант в зависимости от конкретных исторических и иных условий. Без деления на отдельные варианты сценариев развития ВПО прогноз теряет смысл, приобретает слишком абстрактный характер.

Последнее замечание важно иметь ввиду потому, что любой сценарий ВПО — существующий, а тем более будущий, — не только изначально субъективен, отражает чью-то точку зрения или позицию, но и очень конкретен с точки зрения международной, исторической, социальной и т. д. Наличие вариантов такого сценария существенно уточняет его анализ, особенно, если речь идет о сценариях будущего развития ВПО. Поэтому, описывая те или иные сценарии развития ВПО, необходимо уточнять по возможности варианты развития этих сценариев в будущем. В частности, некоторые западные исследователи предлагают выделить, как минимум, три варианта таких сценариев, отражающих возможность развития сценария по трем направлениям:

- зона предполагаемых ожиданий;

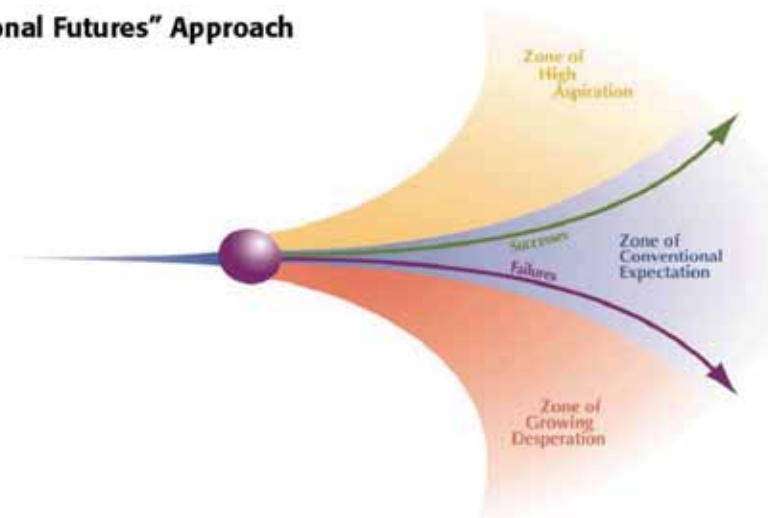
Рис. 4.

- зона растущего разочарования;
- зона растущих ожиданий.

Такой подход, безусловно, уточняет вероятность тех или иных сценариев развития в буду-

щем, прежде всего с точки зрения реализации той или иной стратегии, которая может быть реалистичной, провальной или очень успешной.

“Aspirational Futures” Approach

1.4. Системность анализа и прогноза сценариев развития ВПО

Утверждены основные направления развития вооружений и военной техники до 2030 года, сформирован перечень образцов..., но нужно достоверно и полноценно просчитать потенциальные угрозы военной безопасности²⁴.

*В. Путин,
Президент России*

Основная ошибка многих современных ... публикаций заключается в том, что война ими не рассматривается как сложное социальное явление, затрагивающая все сферы деятельности людей ...²⁵.

*Ю. Балувеский,
бывший начальник ГШ ВС РФ
М. Хамзатов,
советник НГШ ВС РФ*

Приведенная выше в эпиграфе цитата В. В. Путина, сделанная на заседании ВПК в сентябре 2014 г., отражает главную проблему в обеспечении безопасности России и суть существующего противоречия: с одной стороны, до 2030 г. уже утверждены «основные направления развития» ВиВТ, но, с другой, еще только требуется «просчитать военные угрозы». Это противоречие — принципиальное для анализа и прогноза ВПО. Различные сценарии и варианты развития МО и ВПО требуют различных политических, экономических и военно-технических решений, ибо возникающие в результате развития этих сценариев военные угрозы **абсолютно конкретны**, как с точки зрения необходимых ВиВТ, так и военного искусства.

Более того, если пытаться прогнозировать развитие сценариев МО и ВПО на долгосрочную перспективу, то неизбежно будешь сталкиваться с еще более крупной проблемой — взаимоотношениями между цивилизациями и локальными цивилизациями, которые предопределяют во многом развитие будущих сценариев МО и ВПО. Так, с точки зрения китайской и индийской цивилизаций, Первая и Вторая мировые войны были гражданскими войнами внутри одной христианско-европейской цивилизации. Только системность подхода в оценке сценария ВПО может дать точный ответ. «Холодная война» в этой связи может рассматриваться как война между локальными

христианскими цивилизациями во главе с их центрами — СССР и США. В этом смысле становится более понятным и современное состояние ВПО, которое можно охарактеризовать как продолжение «холодной войны». Просто вместо СССР центром цивилизации в Евразии стала Россия.

С этой точки зрения становится ясным и суть конфликта на Украине, а, главное, стратегическая цель США по отношению к России, которую можно сформулировать следующим образом: дезинтегрировать Российскую Федерацию на несколько самостоятельных государств по примеру СССР, ослабив российскую нацию и разделив контроль над природными ресурсами и транспортными коридорами. Системность в подходе позволяет и четче определить истинную приоритетность той или иной проблемы. Так, о геополитических приоритетах США во втором десятилетии XXI века свидетельствует, например, интенсивность телефонных переговоров с лидерами различных государств, из которой отчетливо видно, что Евразия и АТР являются ключевым регионом.

Подобная системность в подходе требует безусловной оценки не только таких невоенных факторов формирования ВПО, как состояние финансовой и торговой системы, но и цивилизационно-культурной традиции, идеологических и ментальных воззрений на потенциальных участников возможного военного противо-

стояния, соответствующей подготовки общественного мнения и политической ориентации элит. Так, по проведенным «Левадой-центром» соцопросам, в 2014 году в настроениях общественности по отношению к России в зарубежных странах складывается следующая ситуация, которая позволяет сделать предварительный вывод о возможности враждебной политики.

Как видно из этого опроса (рис. 6), только в США большинство в обществе враждебно относятся к России и готовы к проведению аналогичной политики (что не равнозначно прямым военным действиям). В большинстве же западных государств порядка 20% граждан могут являться основой для формирования такой политики. Системность прогноза развития различных сценариев ВПО в общественно-политической области одновременно говорит в пользу того, что в комплексе мер по защите России требуется уделить особое внимание формированию позитивного облика России за рубежом и созданию в этих странах групп общественно-политической поддержки, способных оказать реальное влияние на внешнюю политику таких стран.

К сожалению, развитие сценариев ВПО рассматривается в основном в двух плоскостях — развитии ВС и ВиВТ, во-первых, и возможных изменениях в военном искусстве и войсками, во-вторых. Приоритетность в создании ВиВТ и ВС, безусловно, имеет огромное политичес-

Интенсивность контактов на высшем уровне

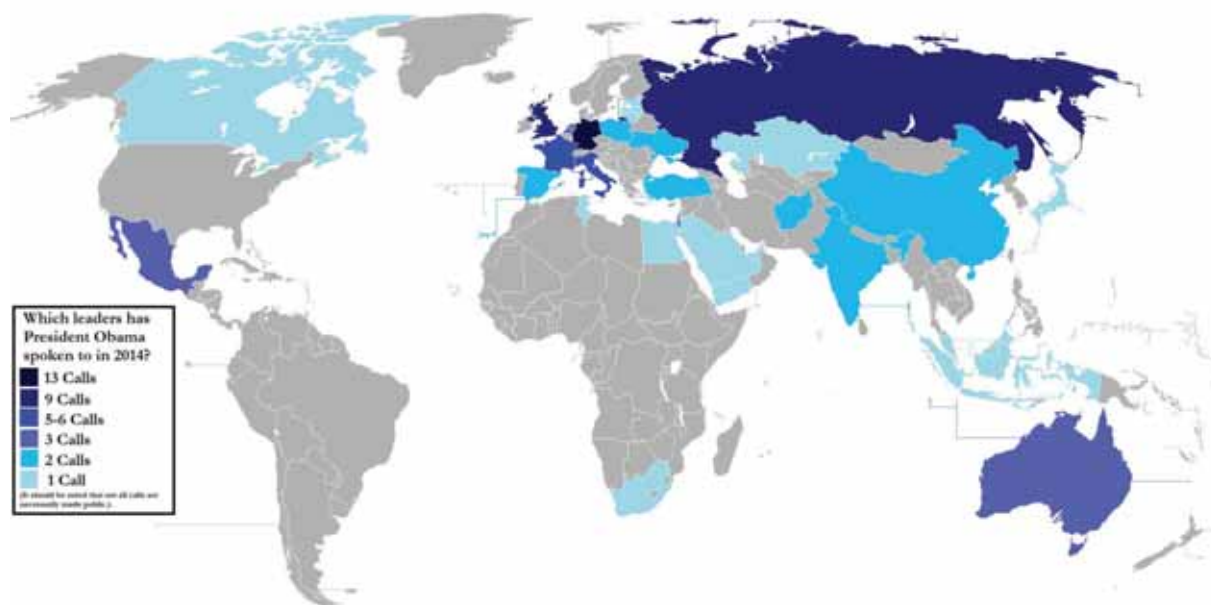

Рис. 5.²⁶

Рис. 6.²⁷

кое и экономическое значение, но отнюдь не она является решающим фактором формирования будущей человеческой цивилизации и сценариев ее развития. Не только ВиВТ является решающим фактором и для будущей МО, которая будет определяться прежде всего политическими, экономическими и научно-техническими реалиями.

К сожалению, отсутствие системного подхода для процесса принятия военно-политических решений в России неизбежно ведет к существенному отставанию в адекватности и качестве анализа и прогноза, а на низших уровнях очевидной неразвитости и неисполнительности (характерной для всей системы реализации принятых решений в России, когда даже по оценкам Администрации Президента РФ выполняются не более 25% решений). Речь идет, прежде всего, об отсутствии единой национальной стратегии, объединяющей все общественно-политические, экономические, научные, образовательные и пр. стратегии и доктрины, которые сегодня существуют «сами по себе», очень слабо связаны между собой. «Ритуальное» упоминание в таких стратегиях и доктринах Конституции РФ, Концепции социально-экономического развития, Стратегии национальной безопасности мало что дает по-прежнему, что на практике все эти документы и действия крайне слабо связаны между собой.

Существование национальной стратегии (как бы она ни называлась — «доктрина», «идея», «программа» и т. п.) необходимо для современного анализа и прогноза будущего сценария развития ВПО, как минимум, для того, чтобы давать теоретическую и политическую «точку отсчета», оценку происходящих процессов и предполагать возможные действия России. Так, если в Национальной стратегии признается право США навязывать РФ свою систему ценностей и нормы поведения (что признавалось правильным частью правящей элиты России и все еще признается таковым, но уже меньшей ее частью в виде «либеральной оппозиции»), то реакция РФ на будущие внешние вызовы и угрозы будет очевидно спокойной, ограничится поддержкой политики США.

Другое дело, если Национальная стратегия будет действительно национальной. В этом случае и ответная реакция, в том числе военно-политическая и военно-техническая, будет иной. Но в еще большей степени такая разница будет ощущаться в долгосрочной перспективе, когда расхождение векторов в политике окажется огромным.

Отсутствие единой национальной стратегии сказывается прежде всего на эффективности управления в государстве и, как следствие,

в Вооруженных Силах, ОПК и, соответственно, на анализе и стратегическом прогнозе. На Западе, с которым Россия сегодня находится в острой фазе противостояния, происходит все наоборот: на всех уровнях происходит очень быстрое совершенствование и растет эффективность управления, в том числе военного. На всех уровнях — от стратегического до тактического. Происходит настоящая революция в системе управления ВС, ВиВТ. На эти цели выделены огромные ресурсы, масштаб которых абсолютно несопоставим с российским. Во многом по аналогии с трендами в экономике. Так, по оценке главного редактора «НГ» К. Ремчукова, «...происходит, как называют ученые, вторая индустриальная революция, фактически, изменяются технологические основы производства: машинная индустрия окончательно уходит в сторону, на ее место выходят информационные технологии и все, что связано с компьютерной техникой с управлением производственными процессами через iCloud и аналогичными системами. Причем стоимость этих компаний, которые iCloud production, менеджмент производственного управления iCloud осуществляет, стоимость компаний калифорнийских — я просто поражаюсь — 32 миллиарда долларов, 18 миллиардов долларов. Мы даже не знаем об их существовании, потому что у нас все сырьевые компании не имеют такой стоимости»²⁸.

Как показали последние войны и конфликты, в особенности на Украине, системы обнаружения, наведения, связи и разведка стали решающим инструментом для ведения эффективной вооруженной борьбы. Как и способы управления войсками. Их роль в будущих сценариях развития ВПО стремительно усиливается и превращается в решающий фактор, который в полной мере до сих пор недооценивается. Особенно, если речь идет о взаимосвязи с такими социальными факторами, как контакты с гражданским населением, использованием возможностей гражданской экономики и т. д. В США, например, во всех подразделениях Корпуса морской пехоты, размещенных за границей (даже в небольших), выделяются специальные люди и ресурсы в целях создания «благоприятной внешней среды».

Эта глубокая системность — от эшелонов самого высокого уровня до отдельного военнослужащего — становится важнейшим фактором формирования любого сценария ВПО или его варианта. В качестве иллюстрации я привожу одну из многочисленных логических схем, в которой рассматривается последовательный и системный (политический, правовой, социальный, экономический, научно-технический) подход к политике в области безопасности.

Как видно из этого рисунка (рис. 7), описывающего первый этап реформ в области безопасности, руководству России необходимо, чтобы на комплексной и системной основе не толь-

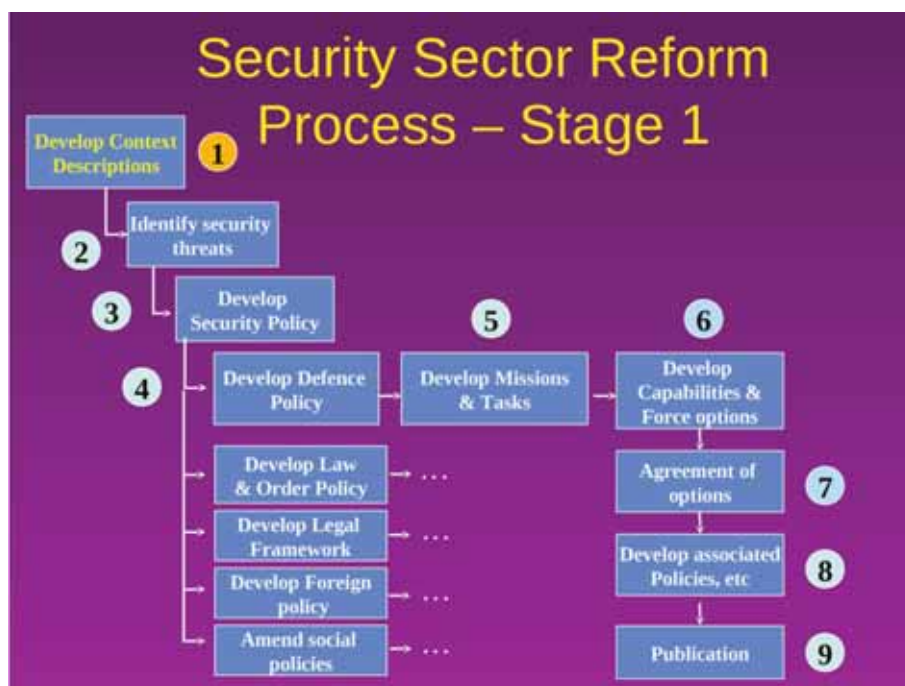

Рис. 7.

Рис. 8.

ко постоянно анализировались, обновлялись и прогнозировались самые различные сценарии и варианты развития ЧЦ, МО и ВПО, но и принимались соответствующие системные решения. От президентского уровня вплоть до низкого уровня информационно-аналитической работы соответствующих министерств, ведомств и институтов. Только в этом случае возможен адекватный системный и полный анализ существующей ВПО и возможного сценария его дальнейшего развития.

Это невозможно сделать силами только одного ведомства — Совбеза, МО РФ или Генштаба, РАН или МИД России. Требуется достаточно разносторонний и крупный коллектив исследователей, способный системно проанализировать и спрогнозировать перспективы развития сценариев ВПО и вытекающие из этого угрозы. Видимо при кураторстве, даже под руководством Совета Безопасности, который должен быть в состоянии интегрировать оценки дипломатов, разведчиков, экономистов, общественных и политических деятелей, различных ученых, экспертов, журналистов. Масштаб этой работы — огромен, но от его качества зависит не только эффективность использования значительной части национальных ресурсов, выделя-

емых на национальную безопасность и оборону, но и сама возможность существования нации и государства в XXI веке.

При этом изначально важно правильно построить модель такого анализа и прогноза, понимая, что очень трудно (если вообще возможно) учесть все факторы, влияющие на формирование ВПО и, тем более, на все многообразие сценариев и вариантов развития таких сценариев ВПО в будущем. Неизбежно приходишь к выводу о необходимости создания, как минимум, упрощенной модели варианта сценария развития ВПО, которая включала бы в себя основные существующие и возможные будущие факторы влияния. Другими словами, главной задачей такой модели было бы описание **системы** факторов развития сценария ВПО или одного из вариантов такого сценария²⁹. Естественно, это такая системная модель сценария ВПО будет представлять собой заведомо упрощенное представление о действительной ВПО, а тем более — еще более упрощенное представление о будущей ВПО³⁰.

При этом мы исходим из того, что при прогнозе вариантов сценариев развития ВПО нам даже теоретически не избежать этого метода исследования (то есть модельной системы

сценария ВПО). Такая модель может стать одним из первых этапов анализа и прогноза, предполагающего формализацию и математическое выражение процессов, формирующих ВПО в будущем. Такой прототип модели системы сценария развития ВПО может, например, иметь в перспективе следующий вид (рис. 8).

Дальнейшая формализация и детализация этой модели возможна до бесконечности. Важнейшими ее условиями однако являются:

- системность, учет всех факторов, формирующих не только ВПО, но и МО и ЧЦ;
- последовательность развития сценариев;
- иерархичность сценариев.

1.5. Систематизация современных сценариев развития ВПО (на примере России и США)

После распада Советского Союза у Америки не осталось равного по силам соперника. На рубеже XX–XXI веков США достигли пика своей мощи³¹.

... После 1990-х годов — периода открытого доминирования Соединенных Штатов в мировой экономике и мировой политике — наблюдается эрозия положения США как единственной сверхдержавы³².

*А. Кокошин,
академик РАН*

Систематизация основных сценариев развития ВПО в мире XXI века крайне важна потому, что сегодня существует широчайший (по сути неограниченный) круг таких сценариев, среди которых нередко искусственно выделяют по неизвестным критериям наиболее вероятные. Определение места сценариев развития ВПО имеет важное значение прежде всего с точки зрения адекватной оценки политического и военного значения роли военной силы в современных международных отношениях, что было предметом острых политических и научных споров в последние десятилетия XX века³³, когда возникла иллюзия того, что военная сила «потеряла свое значение».

К сожалению, эта политическая иллюзия сохраняет часть своего влияния до сих пор, что негативно воздействует на адекватность восприятия действительности российской правящей элитой. Эта субъективность безусловно заметна, когда рассматриваешь существующие многочисленные прогнозы развития сценариев ВПО в XXI веке. Так, в работе «Стратегический глобальный прогноз 2030 академик А. Дынкин пишет: «Военная мощь остается инструментом политики, но ее роль в прогнозной период будет относительно уменьшаться»³⁴. Западные политики, военные и эксперты также исходят из этой последовательности³⁵.

Целесообразно изначально выделить возможные и вероятные сценарии развития ВПО из

соответствующих сценариев развития ЧЦ и МО, о которых говорилось выше, объединив их в соответствующие группы и подгруппы по аналогии с соответствующими группами сценариев развития МО. Для того, чтобы избежать чрезмерной детализации и сохранить логику исследования предлагается (также, как и в случае с анализом сценариев МО) рассмотреть их на примере сценария развития отношений двух основных субъектов ВПО — России и США. При этом важно не недооценивать последствий для сценариев ВПО развития некоторых сценариев МО.

Можно выделить, как минимум, две глобальные тенденции, дестабилизирующие будущее состояние МО: внешняя задолженность США, которая может привести к обвалу промышленного производства, и ценной реакции в других странах — производителях промышленной продукции, которая, как показал кризис 2008–2010 годов, неизбежно последует. Российские исследователи отмечают эти две фундаментальные тенденции, имеющие долгосрочное значение: «Америка уже давно живет в долг и, производя 20% мирового ВВП, потребляет 40% всего производимого в мире. Общая задолженность США превышает 53 трлн долл., что в четыре раза больше годового ВВП США.

Финансовый кризис и снижение возможностей для кредитования американского рынка неизбежно приведет к падению массового спроса и сокращению потребления в США. Все

это, в свою очередь, вызовет сокращение производства и уменьшение мирового энергопотребления, а следовательно, сокращение спроса на главный энергоноситель — нефть. Это приведет к обвальному падению мировых цен на нефть,

если, конечно, страны — экспортеры нефти (в том числе и Россия) не объединятся и не начнут одновременное резкое снижение объемов торговли нефтью, чтобы удержать цены на нее на приемлемом для себя уровне»³⁶.

Табл. 2. Основные группы и подгруппы сценариев развития ВПО, вытекающие из соответствующих сценариев развития МО (на примере России и США), вероятность их реализации по состоянию на 2014 год

Субъекты сценариев МО и ВПО (США и РФ)	Соединенные Штаты Америки					
	Группы и подгруппы сценариев МО	Группы и подгруппы сценариев развития ВПО	настоящее время	прогноз до 2035 г.	прогноз до 2050 г.	
Российская Федерация Следствие конфронтационного сценария развития отношений локальных цивилизаций Запада и Востока	Группа позитивных сценариев развития МО (ГПСР МО)	союзнические отношения	Сценарии формирования военно-политического союзов Сценарии создания политических коалиции			
		партнерские отношения	Сценарии военно-политического сотрудничества в мире в отдельных регионах	+1	+1	+1
	Группа негативных сценариев развития МО (ГНСР МО)	враждебные сценарии	Сценарий формирования враждебной коалиции	+3	+5	+5
			Сценарий геополитической, экономической и военной изоляции и инфраструктур	+4	+5	+5
		откровенно конфронтационные	Сценарий создания «облачного противника в СНГ» Сценарий военной провокации в СНГ		+3	+4
	Группа нейтральных сценариев развития МО (ГНСЦР МО)	подгруппа сценариев игнорирования	Сценарий фактической военно-политической изоляции		+4	
подгруппа сценариев изолирования		Сценарий противодействия любой активности РФ в ВТС и военно-политической области				

область вероятных сценариев развития МО

Сокращение промышленного производства и экономический кризис в США — угроза для всей МО, — имеющая долгосрочное значение, которое, надо подчеркнуть, следует отнести **к конкретным условиям** развития МО. Эта угроза может проявиться и обостриться неожиданно, как это случилось в 2008 году, даже на фоне вполне благополучных прогнозируемых тенденциях в экономике США на 2014–2016 годы, когда рост ВВП может превысить 3%.

Это означает, что в случае неожиданного кризиса в США резко ухудшится не только экономическая ситуация в мире, но, прежде всего у ведущих партнеров США по ТАП: стран Евросоюза и по ТТП: Японии, Южной Кореи, Австралии. «С другой стороны, падение спроса в США в результате финансового кризиса неизбежно приведет к существенному снижению производства в Европе, Китае, Японии, Индии и других азиатских странах, которые во время повышательной волны пятого К-цикла превратились в мировую фабрику по производству потребительских товаров и IT-технологий для США. Это приведет к резкому сужению мирового рынка, росту протекционизма и усилению торговых противоречий между США, ЕС, Китаем, Японией, Индией, т. е. обострению МО³⁷.

Также, как и в прежней матрице, в которой рассматривался сценарий развития МО, попытаемся количественно оценить вероятность развития таких возможных сценариев ВПО от 0 до +5, где 0 будет означать абсолютную невозможность, а +5 — сильную вероятность того или иного сце-

нария. При этом в матрице предлагаются только отдельные группы и подгруппы сценариев МО и ВПО, а не сами сценарии, которые должны быть абсолютно конкретными — политически, исторически, а также с собственно военной точки зрения.

Более того, развитие тех или иных конкретных сценариев в перспективе 2035 года или 2050 годов предполагает их неизбежную эволюцию, в том числе и усиление, и ослабление, а в ряде случаев, — исчезновение.

Объединение сценариев в группы и подгруппы существующих и будущих сценариев развития МО и ВПО необходимо прежде всего для выделения наиболее вероятных (важных с практической точки зрения) сценариев из всех теоретически возможных сценариев развития ВПО, количество которых теоретически может быть неограниченным.

Как видно из расположения существующих и будущих сценариев развития ВПО (табл. 2), они являются следствием и производными от группы негативных сценариев развития МО. В свою очередь, эта группа является следствием развития конфронтационного сценария взаимоотношений локальных цивилизаций Запада и Востока. Это обстоятельство важно не забывать потому, что в нем скрываются фундаментальные и системные противоречия (ценностные, интересы цивилизаций, нации и государств, социально-культурные, геополитические и др.), которые формируют общие контуры всех вероятных сценариев развития МО и, как следствие, ВПО.

1.6. Военно-техническое развитие как противодействие негативным сценариям развития ВПО

Симметричные сокращения ядерных сил США и России больше не влияют симметрично на безопасность двух стран³⁸.

Т. Бордачев, К. Дарден

Типичное заблуждение авторов цитируемого доклада заключается в том, что безопасность может быть обеспечена международными договорами в т. ч. по ограничению и сокращению вооружений. Этого не было и никогда не будет. Правда, никто всерьез на это и не рассчитывал. Во второй половине XX века и в начале XXI века, похоже, утвердилось единственное средство, га-

рантирующее обеспечение безопасности государства, — технологическое и военно-техническое равенство, то есть способность создавать такие виды и системы ВиВТ, которые делают невозможным либо очень рискованным применение военной силы в качестве политического инструмента.

Международные и региональные системы безопасности могут быть эффективными средс-

твами обеспечения национальной безопасности только в ряде случаев, то есть они отнюдь не универсальны. Тем более, что их эффективность в значительной степени зависит от политики ряда великих держав, которые в последние десятилетия сознательно разрушают международно-правовую основу безопасности. Ни для Югославии, ни для Ирака, ни для Ливии, Сирии или Украины международная система безопасности не стала гарантией.

Таким образом, на фоне усиления негативных тенденций в развитии сценариев ВПО и их неутешительного долгосрочного прогноза остро возникает вопрос о реанимации традиционных и о поиске новых средств обеспечения национальной безопасности. Имея в виду множество нравственных, политических и религиозных, а также научных заблуждений относительно эффективности таких средств, практическая определенность имеет огромное, даже решающее значение. В итоге приходится признать, что противопоставить обостряющимся цивилизационным противоречиям интересы сотрудничества, изменив тем самым, общий негативный вектор развития сценариев ВПО, можно всего лишь в четырех случаях:

- **во-первых**, когда цивилизационные риски и общие интересы всей глобальной цивилизации (экономические, природные и т. д.) будут очевидно сильнее аналогичных рисков конфликта локальных цивилизаций: «метеоритная угроза», катаклизмы, эпидемии и др. проявления опасности для всей цивилизации должны быть не только теоретическими, но и реальными, актуальными угрозами;
- **во-вторых**, когда возникнут более серьезные угрозы со стороны других локальных цивилизаций (например, исламской), или внутри самой локальной цивилизации между отдельными нациями (Первая мировая война между Германией и Великобританией, например);
- **в-третьих**, когда внутренние угрозы (в т. ч. национальные, социальные и др.) окажутся значительно сильнее внешних угроз, либо когда природные и иные катаклизмы создают угрозу существования локальной цивилизации. Революции перевороты, приход к власти новых элит или социальных групп может делать внешнюю политику (далеко не всегда) менее важной, чем ход внутренних событий;

— **в-четвертых**, когда военно-техническое соперничество между локальными цивилизациями станет невыгодным и даже опасным, как это имело место, например, на рубеже 70-х годов XX века. Именно к концу 1960-х годов неконтролируемое наращивание ядерных сил СССР и США остро поставило вопрос о практической целесообразности и военно-политической опасности такой политики, что стало, в конечном счете, главным мотивом ослабления напряженности и смены сценария «подготовка войны» на сценарий «разрядки».

Как видно в первых трех случаях изменение негативного вектора развития сценариев ВПО практически не зависит от политической воли и политика государств: глобальные угрозы не рассматриваются как конкретные, а внутривнутриполитические катаклизмы не прогнозируются, а, значит, не занимают достойное место в стратегическом планировании.

Другое дело последнее, четвертое условие, которое не только имело прецедента в мировой истории, но и последствия которого до сих пор положительно сказываются на предотвращении угрозы глобальной войны. Причем характер этого условия в принципе не изменился: в настоящее время конкретным мотивом предотвращения развития негативного сценария может, как и прежде, стать провал политики США, ориентированной на технологическое и военно-техническое превосходство в основных направлениях НТП, а именно тех, которые будут определять место государства в соревновании на шестом технологическом этапе. Это — вполне конкретное соревнование на совершенно конкретных технологических направлениях. Также, как и в 40-е и 50-е годы XX века, в двух других комплексах технологий — в ядерной области и ракетостроении, — это соревнование будет предопределять условия для развития различных сценариев ВПО.

Победа в научно-техническом и технологическом соперничестве между ведущими странами-лидерами локальных цивилизаций может быть либо главным средством, обеспечивающим военную и политическую победу (как это является сегодня официально признанным в США), либо средством сдерживания, предотвращения опасной эскалации в негативном развитии сценариев ВПО. К сожалению, это средство в последние десятилетия было фактически един-

ственным реальным средством обеспечения национальной безопасности и предотвращения ряда крупных военных конфликтов.

Признание этого значения может быть и от обратного: то государство, которое уступило с военно-технической точки зрения своим оппонентам, неизбежно было вынуждено участвовать в навязанном ему конфликте или войне с заранее известным результатом. Югославия, не занимавшая своим оборонным потенциалом, Ирак, уделявший ему мало внимания, Ливия, игнорировавшая эти правила и другие государства-жертвы агрессии стали яркими примерами ошибочности расчетов на политические средства предотвращения конфликта.

Признание Россией значения качества технологического и военно-технического развития происходило в XXI веке по мере роста понимания необходимости отстаивания цивилизационной системы ценностей и национальных интересов. После разрушительных последствий экономических и военных реформ конца 1980-х — начала 2000-х годов, это признание означало, в конечном счете, признание необходимости успешного научно-технического и технологического соперничества с Западом по всем основным направлениям. Причем, если для Запада, особенно для США, этот приоритет

всегда был важнейшим с 40-х годов XX века и является важнейшим и в настоящее время, то для России в разные периоды времени (на рубеже 1980-х годов, в 1990-х годах, в начале 2000-х годов) этот приоритет таковым не являлся. Это означало, что, как минимум, по ряду причин такое соперничество России и США с каждым годом затруднялось:

- **во-первых**, по причине непоследовательности такой политики. Если для США все последние 60–70 лет ставка на научно-техническое превосходство являлась высшим приоритетом, то для СССР/России периодически появлялись годы, когда этот приоритет игнорировался. Последовательность в его соблюдении в истории СССР можно, наверно, отнести только к 30–70-м годам XX века;
- **во-вторых**, огромная разница между начальными научными, экономическими и промышленными потенциалами, которые в 1930-е годы можно было оценить в сотни раз, а в 1960-е — в десятки. Особенно разительно такой разрыв существовал в качестве НЧК, однако его преодоление к 1980-м годам означало по сути достижения военного равновесия³⁹;
- **в-третьих**, развал потенциалов СЭВ и СССР, с одной стороны, и интеграция Запада, с дру-

Логическая взаимосвязь между приоритетами н/т развития и эволюцией сценариев ВПО в XXI веке до 2050 годов

Рис. 9.

гой, сделала условия такого соревнования крайне неблагоприятными, практически невозможными для России, Особенно, когда часть ее элиты продолжает игнорировать значение этого приоритета;

- **в-четвертых**, переход человечества к шестому технологическому укладу свидетельствует и о том, что только в ряде отраслей ОПК такое соревнование успешно вести невозможно.

Именно приоритетность в развитии всех новейших направлений НТП, определяющих характер шестого технологического уклада, становится решающим для военно-технического соревнования. Эта взаимосвязь очень просто и достаточно логично может быть показана на следующем рисунке (рис. 9).

Как видно из данной логической схемы, достижение научно-технического и технологического пика, обеспечивающего военное превосходство, фактически лишает возможности другие локальные цивилизации участвовать в развитии мирных (оптимистичных) сценариев МО и ВПО. Именно поэтому результаты анализа технологического настоящего положения России и ее будущего во многом равносильны выбору между мирными и военными сценариями ВПО.

При таком анализ и прогнозе очень важна динамика изменений в области сопоставления уровне развития, что является вполне субъективным и управляемым в принципе процессом. Напомню, что в США после Второй мировой войны существовала практика, когда важнейшие документы обеспечения национальной безопасности базировались на сравнении и сопоставлении научно-технических и технологических потенциалов США и СССР по важнейшим 19–21 направлениям НТП.

Сравнение уровней развития потенциалов СССР и США

Название технологии	СССР	США
1. Микроэлектроника	—	+
2. Биотехнологии	+	—
...		
...		
...		
20. Ядерная энергетика	+	—

Итого: В 12 — технологических областях лидируют США; в 6 — СССР; в 2 — находятся на равном уровне

Рис. 10.⁴⁰

Табл. 3.

2030 Strategic Contexts	Desired Strategic Capabilities
— Homeland protection	— The capability to defend space assets or to be able to operate without existing space capabilities
— Peer or near-peer military competitors at the nation-state level	— Inherently self-defensible systems from cyber attack
— Regional adversaries	— The capability to field smaller, lethal, survivable forces for sea, air, and land
— Security partners and alliances	
— Failed or failing states	— World-wide, multidomain situational awareness
— Stateless threats	
— Transnational organized crime	— Rapid adaptation and generation of cheaper capabilities
— Transnational corporations	— Robust tracking and defense of weapons of mass destruction
— Favorable access to the commons	— Capable, autonomous systems
— Individual actors	— Enhanced human adaptability performance
— Humanitarian assistance and disaster relief	— Advanced manufacturing

Надо признать, что идея технологического лидерства никогда не ставилось в зависимость от политических или иных соображений. Комплекс программ по СОИ начала 80-х годов XX века и широкомасштабная система ПРО — яркие иллюстрации этой идеи. В настоящее время в США определенно и четко увязывают «стратегический контекст» с потребностями в ВиВТ, что хорошо видно из следующей таблицы⁴¹ (табл. 3).

Это хорошо видно на примере развития возможностей средств навигации⁴² (рис. 11).

Суть его такова: с начала 1980-х годов было известно, что нарастает научно-техническое и технологическое отставание СССР от развитых стран и необходимо принимать экстренные меры. В 1982–1984 годы была подготовлена огромная программа (под кураторством ЦК КПСС и ГКНТ), которая предусматривала опережаю-

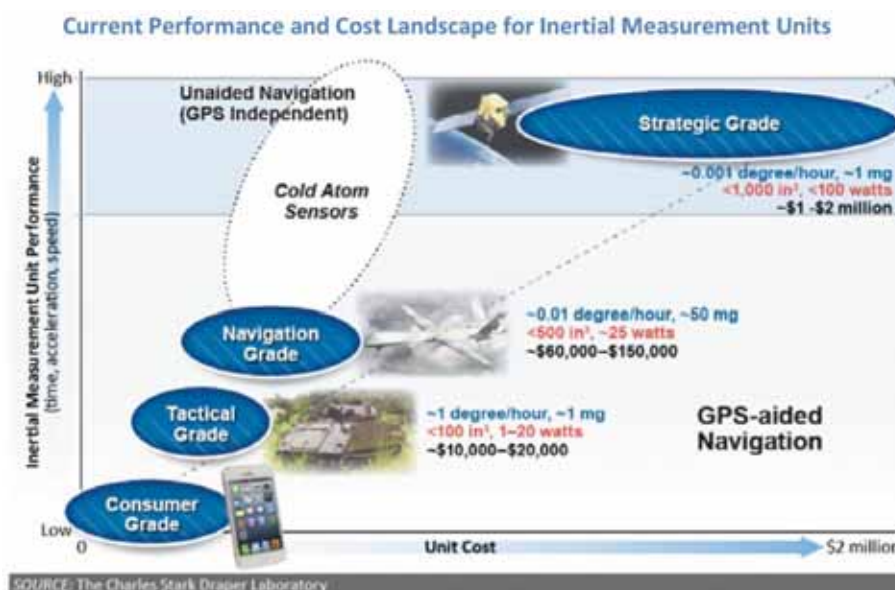

Рис. 11.

шие темпы развития ряда отраслей, определяющих НТП. Кстати, перечень этих отраслей удивительным образом совпал с теми программами «инноваций», которые были разработаны через ... 30 лет. Но в 1985 году известный Пленум ЦК КПСС по НТП не состоялся. Вместо него состоялся Пленум, избравший М. Горбачева и определивший на десятилетия другие приоритеты.

Очевидная проблема вновь «всплыла» в начале нулевых, когда у России появились ресурсы и была достигнута внутренняя стабилизация, но решить эту проблему (хотя она и была поставлена)⁴³ с того времени так и не удается. Правящая элита современной России, в отличие от прежних советских и российских элит, понимают критическое значение ликвидации технологического разрыва, опасность которого стала заметной уже до событий на Украине. Характеристику и сопоставление места России в мире дал в марте 2014 года. Д. Rogozin публично, опубликовав свою программную статью в «Российской газете», где, в частности, отмечалось: «Весь мир, и наша страна в том числе, вступают в эпоху шестого технологического уклада. Именно он по прогнозам специалистов через 25–30 лет станет доминирующим в экономике развитых стран. Технологический уклад — это определенный уровень развития производительных сил, совокупность сопряженных производств, имеющих единый технологический уровень и развивающихся во многом синхронно. Это важнейший термин теории научно-технического прогресса. Напомню, что сегодня основная часть производственных мощностей России находится на стадии четвертого технологического уклада, битву за который СССР в свое время успешно выиграл. И если в США уже около 60% производств действуют в рамках пятого уклада, то у нас эта цифра ограничивается пока всего 10%. Вот почему именно качественный прорыв сразу в шестой ТУ, минуя технологии пятого поколения, является для нас стратегически важным вызовом»⁴⁴.

Как видно из матрицы, группы и подгруппы сценариев ВПО отличаются и определенными особенностями: в сценариях ВПО минимизирована доля сотрудничества и ее роль в отношениях между государствами. И наоборот, более четко и выпукло представлены варианты реализма и противоборства, хотя, если речь идет о некоторых областях сотрудничества (назовем их «избранными»), то эти области могут сущес-

твовать параллельно с развитием конфронтационных сценариев. Так, находясь фактически в состоянии конфронтации с НАТО, Россия продолжает сохранять и элементы сотрудничества.

Такая «совместимость» — не удивительна. Достаточно вспомнить, что накануне Великой Отечественной войны, буквально за день до ее начала, не прекращались взаимные поставки сырья и техники Германии и СССР. Более того, элементы сотрудничества США и Германии существовали в течении всего периода Второй мировой войны.

Как видно из матрицы, формализующей основные группы и подгруппы развития сценариев ВПО, область таких сценариев сосредоточена между «минимальными партнерскими отношениями» (+1) и «максимально враждебными» сценариями в 2014 году (+3) с устойчивой тенденцией к ухудшению (+5). Из матрицы, например, видно, что в 2014 году параллельно сосуществуют и реализуются три сценария ВПО с главными участниками в лице США и России, однако вероятность и реалистичность, безусловно, остается за подгруппой враждебных сценариев (+3 и +4) с безусловной тенденцией к их усилению.

Все это может быть расценено и как первый, но скрытый переходный этап от завершающей стадии подготовки войны до ее фактического начала. На мой взгляд, военный конфликт на Украине — первая стадия фактической войны США против России, которая реализуется:

- чужими ВС, ВиВТ;
- без объявления войны;
- сопровождается всем невоенно-силовым набором действий, характерных для войны.

Как и в случае с группами и подгруппами сценариев развития МО, вероятные сценарии достаточно определенно выделяются из числа возможных сценариев в отдельную область, границы которой вполне обозначены по времени и по характеру военно-политических отношений (на рисунке матрицы — очерченной линией). При этом важно определить динамику развивающихся процессов и их направленность в будущем. В нашем случае она очевидно негативна. Если говорить коротко, то для существующего сценария характерно:

- сохранение минимальной возможности сотрудничества в некоторых областях, где остается пока что взаимный интерес, который, однако, достаточно быстро сокращается,

а именно в таких областях, как: а) региональные конфликты; б) ограничения ОМУ; в) сокращения ЯО; г) международный терроризм;

- одновременно быстро расширяется пространство конфликтности и соперничества. Эта тенденция. Вероятно, будет определять военно-политические отношения РФ и США в ближайшие годы и в более отдаленной перспективе. Ситуация может измениться после 2030 годов, когда реальностью станет неизбежно растущее противоборство новых центров силы с монополией на власть США. Под таким углом зрения можно рассмотреть некоторые конкретные вероятные сценарии развития ВПО, выделив их из великого множества потенциально возможных сценариев развития ВПО, которые будут рассмотрены ниже.

Наконец, необходимо помнить и то, что развитие стратегической обстановки (СО) также имеет определенное влияние на выбор и развитие сценариев ВПО. В военной истории бывали примеры того, как неожиданная и быстрая военная победа коренным образом меняла военно-политическую обстановку. Тем более это влияние будет заметнее в будущем, когда будут использоваться качественно новые ВиВТ и способы их применения. Иными словами, развитие военного искусства, средств ведения войны оказывает и будет оказывать серьезное влияние на развитие ВПО и МО, а в ряде случаев даже и на сценарии развития ЧЦ. Так, изобретение и испытания ядерного оружия, а затем и создание стратегических наступательных вооружений, радикально повлияло на развитие сценариев ВПО и даже МО после Второй мировой войны. «Берлинский», «Суэцкий», «Кубинский» кризисы, Корейская

Схема вероятного применения климатического оружия (НАТО)

Рис. 12.

и Вьетнамские войны и другие события находились, безусловно, под влиянием этого фактора.

В еще большей степени это влияние технологий и лидерства в области НТП будет ощущаться в XXI веке, когда именно уровень развития военных технологий (а не собственно систем и видов ВиВТ) будет определять боевую эффективность ВС государства. В широком контексте это относится прежде всего к качеству национального человеческого капитала⁴⁵, а в более узком — к науке, знаниям вообще. Они, по оценке Д. Рогозина, «... сами по себе становятся оружием зачастую не менее значимым, чем привычные виды вооружений»⁴⁶.

Кроме того, речь может идти, например, об использовании сил природы, в частности, климата. Эти способы пока что рассматривались только как гипотетические, однако по мере развития и обострения ВПО в мире к ней неизбеж-

но будут обращаться вновь. В частности, авторы одной из работ следующим образом видят эту картину⁴⁷ (рис. 12).

Таким образом, последовательное развитие ВПО, вытекающее из закономерностей развития ЧЦ, МО, а также изменения в возможных сценариях СО позволяют в целом создать некоторые логические модели групп, подгрупп и отдельных сценариев будущей ВПО и СО, которые можно использовать в целях стратегического прогноза и планирования в военно-политической области. Частные — военно-политические и иные — сценарии могут в определенной степени иллюстрировать логику и закономерности формирования будущих ВПО и СО, что уже само по себе немало, так как дает некоторые ориентиры для будущей военной политики. Поэтому целесообразно рассмотреть некоторые из возможных и вероятных сценариев развития ВПО в мире.

¹ Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО(У) / Аналитический доклад. 2014. Сентябрь. С. 15.

² Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. I. Роль идеологии в модернизации России. М. 2012.

³ Подберезкин А. И. Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. М.: МГИМО(У), 2013.

⁴ Латухина К. Просчитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября. С. 2.

⁵ Иноземцев В. Не потерять во времени // Литературная газета. 2014. № 36 (6478). С. 9.

⁶ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У), 2014.

⁷ Подберезкин А. И. Стратегия для будущего президента России: русский путь. ВОПД «Духовное наследия». М. 2000.

⁸ См. подробнее: Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

⁹ Инфографика: Виктория Сункина, Олеся Волкова. Данные International Trade Centre. Расчеты РБК // РБК. 2014. 13 августа.

¹⁰ Башкатова А., Сергеев М. Запад перекрывает России доступ к Арктике // Независимая газета. 2014. 12 сентября. С. 1–2.

¹¹ Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО(У). 2014.

¹² Эта логика была описана И. Поповым и М. Хамзатовым не раз в их работах, которые использовал автор. См., например: Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования. М. МГИМО(У), 2014. С. 28.

¹³ Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. Аналитический доклад. М.: ЦВПИ МГИМО(У), 2014. С. 121–130.

¹⁴ Цит. по: Латухина К. Просчитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября. С. 2.

¹⁵ Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030 / Report of the Defense Science Board. Wash., 2013. Oct. P. VIII.

¹⁶ Инфографика: Елена Мязина, Виктория Сункина, Олеся Волкова // РБК. 2014. 21 июля.

¹⁷ Подберезкин А. И. Значение развития систем боевого управления, связи и разведки (С31) в военной доктрине США / Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. ДА МИД СССР. 1989 / <http://viperson.ru/wind.php?ID=42208wpg=1400#blist>

¹⁸ Иноземцев В. Не потерять во времени // Литературная газета. 2014. № 36 (648). С. 9.

¹⁹ Кокошин А. А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики / Политические исследования. 2014. № 4. С. 39.

²⁰ Подберезкин А. И. Идеология опережающего развития человеческого потенциала. Т. I. М.: Европа, 2007.

²¹ Малышев В. П., Макиев Ю. Д., Богатырев Э. Я. Методологические подходы к анализу военно-политических рисков / Проблемы анализа риска. 2013. Т. 10. № 6.

²² Кокошин А. А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики / Политические исследования. 2014. № 4. С. 42–43.

²³ Кокошин А. А. Метод и методология научного исследования у Свечина. В кн.: Кокошин А. А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А. А. Свечин. М.: МГУ. 2013. С. 126.

²⁴ Латухина К. Просчитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября. С. 2.

Долгосрочное прогнозирование сценариев развития ВПО

- ²⁵ *Балуевский Ю., Хамзатов М.* Глобализация и военное дело // НВО. 2014. 12 августа. С. 9–10.
- ²⁶ Телефонные разговоры Барака Обамы с лидерами других стран в 2014 году / <http://mapinmap.ru/archives/2664>
- ²⁷ Кто друзья, а кто враги России? Опрос «Левада-центра» 1600 россиян в 2014 году / <http://mapinmap.ru/archives/2531>
- ²⁸ *Ремчуков К.* Минобороны России бросило вызов США // Независимая газета. 2014 21 июля. С. 1.
- ²⁹ *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.
- ³⁰ См., например: *Сунгуров А.* Моделирование в политической науке. М.: МГУ. 2005.
- ³¹ *Рогов С.* Доктрина Обамы. Властелин двух колец / М.: РСМД. 2013. 6 мая.
- ³² *Кокошин А. А.* «Полис». 2014. № 4 / www.viperson.ru/19.04.2014
- ³³ *Подберезкин А. И.* Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение Духовное наследие. РАУ-корпорация. М. 1996.
- ³⁴ Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. А. А. Дынкина. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 28.
- ³⁵ Col. Dr. Catalin-Marius Tarnacop. Arrangements and procedures to assess security risks and national defense requirements / NATO Studies Centre
- ³⁶ *Тупчиенко В. А.* Государственная экономическая политика / В. А. Тупчиенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 624.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ *Бордачев Т., Дарден К.* Щит и меч. Доклад по будущему российско-американских отношений. Выпуск № 4. 2014. Май. С. 19.
- ³⁹ *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. М.: Европа. 2007.
- ⁴⁰ Мониторинг и анализ технологического развития России и мира / ЦМАКП. 2014. № 6. 2 кв. С. 13.
- ⁴¹ Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030
- ⁴² Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030. Introduction. November. 2013. P. 20.
- ⁴³ *Подберезкин А. И., Булатов Ю. А., Мунтян М. А.* Современная Россия: на пути удвоения ВВП. М.: 2005.
- ⁴⁴ *Рогозин Д. О.* Прыжок в шестое поколение // Российская газета. 2014. 28 марта. С. 17.
- ⁴⁵ *Подберезкин А. И.* Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2. С. 7–24.
- ⁴⁶ *Рогозин Д. О.* Прыжок в шестое поколение // Российская газета. 2014. 28 марта. С. 17.
- ⁴⁷ Амурская государственная медицинская академия Кафедра мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф / Основы мобилизационной подготовки здравоохранения Благовещенск 2010 / http://www.amursma.ru/downloads/Zakr/2/Osnovy_mobilizatsionnoy_podgotovki_zdravookhraneniya_.pdf. С. 75.

ГЛАВА 2

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗВИТИЯ ДОЛГОСРОЧНЫХ ПОЗИТИВНЫХ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ ВПО

Чтобы покончить с идейной тяжеловестностью,
нужна идейная гимнастика¹.

*А. Свечин,
военный теоретик*

Центральное понятие в либерально-идеалистической парадигме —
всеобщее разоружение и коллективная безопасность².

*П. Цыганков,
политолог*

Очень важно понимать, что развитие сценариев ВПО в будущем не имеет исключительно негативной, опасной направленности. Теоретически существуют варианты сценариев относительно мирного развития ВПО, реализация которых на практике возможна однако **в исключительных случаях** в течение короткого периода времени и только под угрозой силового противодействия. Иными словами иллюзии, периодически появляющиеся у некоторых представителей человечества о мирном развитии цивилизаций и государств опасны, если они становятся руководством к действию для политиков. Как показывают примеры Николая II

и М. Горбачева, такие ошибки заканчиваются трагически.

Идеи В. И. Вернадского относительно создания «сферы разума» («ноосферы»), выдвинутые им в начале 1940-х годов³, а также другие похожие идеи, говорят о том, что появляется теоретическая основа для мирного развития отношений между локальными цивилизациями, то есть возможность развития позитивных сценариев МО и, как следствие, развития неконфликтных сценариев ВПО.

Теоретически возможные позитивные сценарии развития ВПО возможны в нескольких, достаточно редких вариантах, когда развитие

Рис. 1.

военных конфликтов и войн сдерживается угрозой применения таких сил (государств, коалиций, организаций) и средств (вооружений и военной техники) противодействия, которые делают риск применения военной силы чрезвычайно высоким, не соответствующим политическим и экономическим целям войны или конфликта. Другими словами в условиях нормального развития локальных человеческих цивилизаций (без очевидного резкого обострения кризиса) позитивные сценарии развития ВПО могут развиваться по нескольким вариантам, которые можно объединить в две подгруппы позитивных сценариев⁴.

Из этой схемы (рис. 1) следует, что не существует в принципе «несиловых» сценариев обеспечения безопасности и мирной эволюции ВПО, на которые рассчитывают некоторые эксперты и даже политики. Ошибка думать иначе, как показал пример М. Горбачева, дорого обходится нации и ее союзникам⁵.

Надо отчетливо понимать, что господствующая в западной локальной цивилизации либеральная идеология формирует для внешнего потребления политическую иллюзию, в соответствии с которой глобализация и ли-

берализация неизбежно ведут к укреплению институтов прав человека и в конечном счете к безопасности и миру, если, конечно же, следовать нормам и руководствоваться ценностями и интересами западной локальной цивилизации. Проблема заключается в том, чтобы другие локальные цивилизации, нации и страны сделали **выбор в пользу такого способа** существования. По сути дела, конфликт на Украине в 2014 году стал лишь поводом к проведению такой политики западной локальной цивилизацией, которая требует от России принятия норм, правил, ценностей, формулируемых Западом.

Поэтому возникает проблема, суть которой можно сформулировать следующим образом: невоенное развитие МО и ВПО возможно либо в случае безусловного принятия норм и правил поведения другой локальной цивилизации, либо силового (но не военного) активного противодействия такой политике, что, в конечном счете, сводится к идеологической, информационной и социокультурной борьбе. Итог этой борьбы зависит от того, какая из локальных цивилизаций сможет стать идеологическим и культурным лидером в мире⁶.

2.1. Сценарий развития МО «Общесцивилизационное благополучие» как долгосрочный сценарий развития ВПО

... Образ других народов или собственный образ ... зависит от того, как в детстве нас учили истории⁷.

*М. Ферро,
французский историк*

... Мы реально впали в «холодную войну», просто реально... Если раньше была риторика «холодной войны», то сейчас можно уже сказать, что наступили события характеризующие «холодную войну» с угрозой войны, с напряжением, со страхом людей...⁸.

*К. Ремчуков,
редактор «НГ»*

Конфликт западной и восточной локальных цивилизаций в области международных отношений не обязательно ведет к кризису, а тем более военному конфликту и войне. Одним из возможных, но наименее вероятных сценариев развития МО, в том числе отражающих реалии и перспективы отношений России и США, является следствием развития гипотетического сценария человеческой цивилизации (ЧЦ). Он является сценарием «общесцивилизационного благополучия».

Согласно этому сценарию, отношения между государствами строятся на основе строгого следования нормам международного права и принципам политической, экономической и гуманитарной справедливости, либо, как минимум, на декларациях этого при отсутствии конфликтов. Соответственно, ни одна из стран (или локальных цивилизаций) не претендует:

- на неравноправное, силовое распределение мировых ресурсов;
- на необходимый для этого контроль над глобальной МО и ВПО;
- на навязывание своей системы ценностей.

Сценарий «общесцивилизационного благополучия» полностью исключать из расчетов нельзя, так как неожиданные события и повороты в развитии ЧЦ могут привести к резкой смене парадигм. Так, во второй половине 40-х годов XX века достаточно неожиданно для всех была создана новая система международных отношений в области безопасности, которая основывалась на договоренностях держав — победителей и учрежденной в этих целях ООН. До этого такие попытки предпринимались накануне Первой Мировой войны и при создании Лиги наций, которые, также как и впоследствии ООН, не смогли исключить использование военной силы.

Этот сценарий развития ВПО, кроме того, предполагает, что:

- США откажутся от претензий на мировое лидерство и абсолютную справедливость свои действий (что противоречит, например, выступлению Б. Обамы в мае 2014 в Вест-Пойнте);
- США согласятся на принципы равной безопасности и уважения суверенитета;
- США согласятся на равное отношение к разным системам ценностей, идеологии и национальным интересам;
- США откажутся от формирования наступательных военно-политических коалиций и т. д.

Очевидно, что подобных действий США никогда не предпримут и от них этого, по большому счету, никто и не ждет. Более того, американская политическая элита особенно и не скрывает своей готовности идти на самые радикальные, даже военные методы, для сохранения своего контроля над развитием МО в мире. Так, в августе 2014 года в Конгрессе США был даже внесен проект билля 2277 под названием «Акт о предотвращении агрессии со стороны России», который официально закрепляет за Россией статус врага Америки и направлен на политическое, экономическое и силовое удушение нашей страны. «Билль 2277 – еще не объявление войны, но уже подготовка к ней?» — так озаглавил С. Миронов новую запись на своей странице в Фейсбуке.

Предлогом для возможного принятия «Акта» объявлена «защита» Украины и «других суверенных государств в Европе и Евразии», которым якобы угрожает Россия. Билль (закон) 2277 должен в ближайшее время пройти заключительное, третье чтение в Конгрессе. «Но по существу от принятия этого документа уже мало

что зависит, — пишет С. Миронов, — потому что США и без его официального утверждения делают все то, что расписано в 309-ти пунктах билля 2277 – активизируют свои военные базы, прессингуют ЕС, давят на международные институты, вводят санкции. Руководство НАТО открыто призывает членов Североатлантического альянса готовиться к войне с Россией»⁹.

Таким образом, этот гипотетический сценарий развития ВПО может остаться в качестве теоретически возможного сценария до тех пор, пока у США будут сохраняться планы на глобальный контроль, и даже стать со временем вероятным сценарием в том случае, когда правящие круги страны воспримут как данность изменение МО в мире. Сразу оговорюсь: США и их союзника в последние годы делают все для того, чтобы этот сценарий не реализовался, и ведут настойчивую и планомерную работу по развалу сложившейся системы международной безопасности и международного права. В настоящее время созданная ими система глобального управления вполне справляется с задачами глобального контроля США над миром

Эту ситуацию А. Айвазов справедливо оценил следующим образом: «До начала кризиса ядро американской мир-системы составляли страны G-7, к которому (на приставной стуль-

чик) в 1996 году пригласили Россию, учитывая ее ядерный потенциал, но мир продолжал быть однополярным миром по-американски. В 2007 году на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности выступил Президент России Владимир Путин и сказал: «Что же такое однополярный мир? Как бы не украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри. И это ничего общего не имеет, конечно, с демократией. Потому что демократия — это, как известно, власть большинства, при учете интересов и мнений меньшинства»¹⁰.

По сути дела, в 2007 году в Мюнхене В. Путин поставил под сомнение существующую в мире МО и, как следствие, ВПО, во главе которой стоят США. И последующее ухудшение отношений России и США в 2008–2014 годы в своей основе имело именно непризнание В. Путиным и Россией права США на мировое доминирование отрицание правомерности попыток универсализации системы ценностей западной локальной цивилизации. Такая позиция

Табл. 1. Упрощенная матрица интересов (потребностей) и ценностей наций и государств

Интересы и ценности	краткосрочные	среднесрочные	долгосрочные
I. «Общесцивилизационные» («биологические») интересы и ценности			
— биологическое выживание на планете;	+	+	+
— экология;		—	+
— ресурсы и др.	—	—	+
II. Национальные интересы и ценности			
— политические;	+	+	
— экономические;	+	+	
— военные и т. д.	+	+	
III. Социальные (классовые) интересы и ценности			
— экономические;	+		
— финансовые и т. д.	+		
IV. Групповые интересы и ценности			
— финансовые;	+		
— культурные	+		

Логика адекватного и искаженного представления правящей элиты

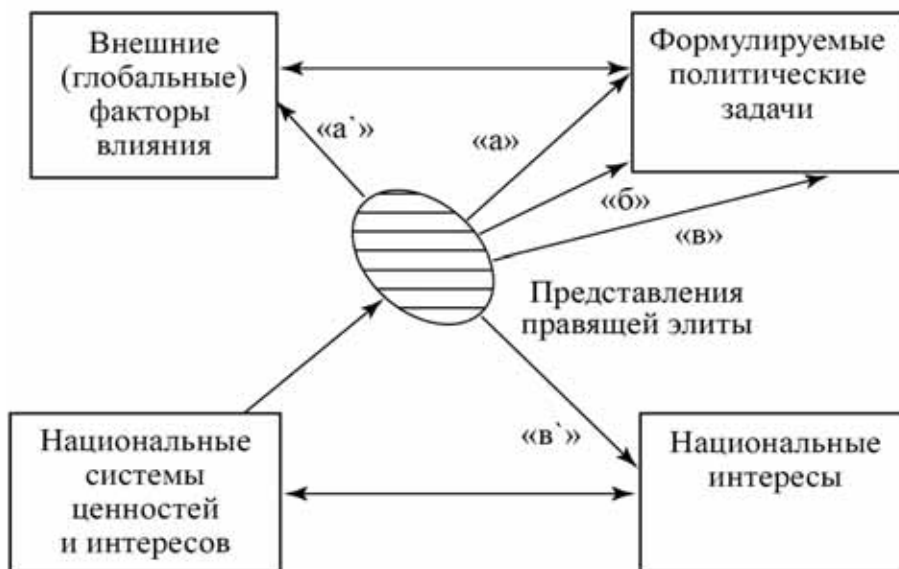

Рис. 3.

капитуляцию, неоправданные уступки и компромиссы (как во времена М. Горбачева — Б. Ельцина). Тем не менее, такой сценарий не только возможен, но даже вероятен, если правящая элита страны возьмет соответствующий политический курс.

В классическом понимании этот курс будет искажением реальных объективных ценностей и интересов локальной цивилизации, нации и государства, которое не может быть долгим:

субъективные ошибки правящей элиты неизбежно исправляются. В рисунке логика такого политического процесса может быть выражено следующим образом (рис. 3).

- «а» — вектор, ориентированный на внешние (глобальные реалии и факторы; искажающий реальные интересы;
- «б» — вектор, отражающий адекватно объективные интересы и ценности;
- «в» — вектор, ориентированный на нацио-

Рис. 4.¹²

нальные интересы, не учитывающий международные реалии.

Как видно из рисунка, в тот или иной конкретный период времени (а ВПО, — подчеркну, отражает конкретную ситуацию в конкретный период времени) правящая элита может по-разному интерпретировать, прогнозировать и планировать свою политику. Теоретически она может реализовывать в своей политике вектор «а» (абсолютный примат внешних ценностей в ущерб национальным) и «в» (абсолютный примат внутренней системы ценностей), однако практически это поведение самоубийственно. Позитивный сценарий развития ВПО очень близок к вектору «а», который в значительной степени ориентирован на учёт внешних реалий, сформированных в последнее столетие под влиянием США и их союзников. Такие периоды могут быть, как уже говорилось, кратковременными, а, кроме того, достаточно острыми, провокационными в развитии ВПО. Как образно показал один из сибирских ученых, они могут выглядеть следующим образом (рис. 4).

«А на следующий год разразился мировой экономический кризис, решать проблемы которого уже невозможно было в рамках однополярного мира и старого ядра Pax Americana. Поэтому сразу после начала мирового кризиса в ноябре 2008 года был созван Антикризисный саммит „большой двадцатки“ (G-20) в Вашингтоне. Но и в G-20 страны периферии оказались в меньшинстве, в то время как США и страны ядра американского цикла продолжали навязывать свою волю и тормозить переход к новой парадигме мирового развития. Тот же аналитик банка „Голдман Сакс“ Джим О’Нил к десятилетнему юбилею аббревиатуры БРИК выпустил свой новый прогноз, в котором показал, что мировое потребление должно переместиться из стран G-7 в страны БРИКС, доля которых к 2020 году вырастет с 23% до 62% мирового потребления, а „средний класс“ мира к 2030 году составит 5,2 млрд человек, из которых в БРИКС будет 52%, а в G-7 – только 15%»¹³.

2.2. Усиление многополярности как позитивный сценарий развития ВПО

Без руководящей, направляющей идеи все наши действия будут представлять собой ряд неосмысленных, бесцельных и бессвязных шагов ...¹⁴.

*Г. Леер,
военный теоретик,
профессор кафедры стратегии*

Объективный, но достаточно эклектичный процесс превращения изменений в соотношении сил между локальными цивилизациями в новую геополитическую реальность и международно-политические структуры приобрел во втором десятилетии XXI века масштабный динамизм. Фактически западная локальная цивилизация начала процесс стремительного формирования новой геополитической реальности — расширения НАТО и создание ТТП и ТАП, в которых безусловным политическим и военным лидером выступают США.

С другой стороны, в те же годы резко усилился процесс консолидации других центров силы, во главе которых стояли КНР, Россия, Бразилия и Индия. Процесс формирования новой, альтернативной НАТО военно-политической коалиции стал свершающимся фактом. Он про-

являлся в саммитах БРИКС и ШОС, решениях о дальнейшей интеграции, озвученном в сентябре 2014 г. мнении о возможном расширении ШОС за счет приема Пакистана и Ирана, создании новых интеграционных проектов и структур (газопроводов, банков БРИКС и ШОС, фондов и т. д.). Фактически это означает, что в противовес западному центру силы возникает другой, не менее мощный (хотя организационно, политически и технологически отстающий от первого центра в своем развитии) центр силы, имеющий целый ряд стратегических преимуществ:

- значительно больший демографический и человеческий потенциал;
- больше природных ресурсов;
- больше геополитических преимуществ.

Причем именно человеческий и социальный потенциал, преимущество в которых

Табл. 2. Характеристики традиционных и информационных видов оружия*

Традиционное оружие	Информационное оружие
— основано на использовании силы (кинетической, электромагнитной и ядерной), биологических и химических реакций;	— основано на использовании логики и информации;
— непосредственная цель — физическая;	— цель — информация или контроль;
— ресурсы специально разработаны для вооруженного конфликта;	— ресурсы, как правило, имеют гражданское назначение;
— доступ к наиболее опасным строго ограничен;	— дешевизна (низкий порог доступности, продолжает понижаться);
— базовое недорогое, наиболее продвинутое — крайне дорогое	— может быть относительно недорогим.
<i>Примеры традиционного оружия, улучшенного за счет возможностей ИКТ: ГПС, сетевые подразделения и т.д., средства удаленного контроля и др.</i>	<i>Примеры: черви, вирусы, удаленный контроль, кража паролей и др.</i>

* Rauscher K., Korotkov A. Working towards rules for governing cyber conflict. Rendering Geneva and Hague conventions in cyberspace // East-West institute. 2011. URL: <http://www.ewi.info/working-towards-mles-governing-cyber-conflict>

экономического международного проекта, но и безусловный толчок в развитии Восточной Сибири и Дальнего Востока России, дальнейшему переносу «центра экономической тяжести» из Европы в АТР.

«В настоящее время мир находится в такой же фазе своего развития, что и 100 лет тому назад, но теперь уже США, как лидер американского системного цикла накопления капитала пытается сохранить свое господство и мир по-американски, как это пыталась сделать 100 лет тому назад Британия. Создание ФРС США де-юре означала создание союза G-2 крупнейших экономик мира, а формирование Антанты означало присоединение к G-2 еще двух крупнейших экономик мира, которые обладали к тому же и мощным военным потенциалом. Противостояли им мощная в экономическом и военном плане Германская империя в союзе со слабыми в экономическом и военно-техническом плане Австро-Венгерской и Османской империями. Таким образом, фактически на стороне Антанты было подавляющее преимущество, как финансово-экономическое, так и военно-политическое, и у Германии с ее союзниками не было ни малейшего шанса победить в той войне»¹⁹.

«Но если 100 лет тому назад эти военно-политические „разборки“ велись внутри „ядра“ британского цикла накопления капитала за лидерство, и у Антанты с союзниками было подав-

ляющее преимущество по всем направлениям, то сейчас противостояние происходит между „ядром“ (G-7) и „периферией“ (БРИКС) за отказ от неэквивалентного обмена и право присваивать прибавочную стоимость там, где она создается. Сейчас возник примерный паритет сил между G-7 и БРИКС: первые имеют финансово-экономическое и военно-техническое превосходство, но у последних есть существенное преимущество, так как они находятся на подъеме, в то время, как страны G-7 переживают самый серьезный кризис своего развития со времен Великой депрессии»²⁰.

Есть и еще один «уравнитель шансов» — доступ развивающихся стран к новым технологиям, видам и системам Вит, который невозможно ограничить в эпоху глобализации. Так, несмотря на все запреты, КНДР проводит запуски баллистических ракет, а Иран испытал аналог российской системы ПВО С-30. Еще большие перспективы для этого открывают новые виды и системы оружия, в частности, информационное.

По данным конгресса США, в настоящее время более 120 стран занимаются разработками информационного оружия²¹. Это стало не столько ответом на неспособность поддерживать баланс сил в области обычных вооружений и, в особенности, оружия массового поражения, сколько обычным для военных стремлением

использовать технологическое превосходство. В XXI веке уже в большинстве стран разрабатываются оригинальные концепции ведения информационных войн.

Как убедительно показал в своей работе Мартин Либики, один из признанных классиков теории информационной войны, традиционные меры сдерживания в информационном пространстве малоэффективны вследствие дешевизны и доступности для террористических и преступных группировок информационного оружия, а также сложности выявления источника угрозы²². Поэтому создаются не только качественно новые информационные ВиВТ, но и стремительно разрабатываются новые способы их применения.

При этом важно отметить, что процесс создания информационных ВиВТ идет параллельно с другими ВиВТ. Традиционные вооружения в современном мире сосуществуют с информационными, — пишет Е. Зиновьева. Переход к новым, информационным методам ведения войны не происходит в одночасье. В таблице 2 приведены черты традиционных и информационных форм оружия²³.

Таким образом, процесс распространения информационного оружия находится вне контроля. Это означает, что информатизация порождает новые угрозы и для государств-лидеров, усиливая асимметричную составляющую современных конфликтов, в результате чего уязвимыми оказываются развитые в технологическом плане государства²⁴.

2.3. Сценарий создания системы военно-политической безопасности на основе «российского ядра» в Евразии

В качестве наиболее существенного риска ... в Moody's называют «геополитическую поляризацию» в регионе: Армения, Белоруссия и Казахстан сохраняют тесные связи с Россией, тогда как Грузия, Молдавия и Украина все активнее сотрудничает с Евросоюзом²⁵.

Т. Едовина

В дипломатии наступательная инициатива ... лучший способ защиты государственных интересов²⁶.

А. Громыко,

министр иностранных дел СССР

Формирование новых центров силы в мире изначально предполагает, что в них будут сосуществовать как центробежные, так и центростремительные тенденции. Для России очевидно выгодно, чтобы центростремительные тенденции в рамках широкой коалиции ТС–ШОС–БРИКС набирали силу и быстрее превращали этот аморфный союз в реальную военно-политическую коалицию, способную противостоять Западу. Прогнозируя развитие ВПО в мире на долгую перспективу, необходимо исходить изначально из набора возможных средств, имеющихся у государства вообще и у России, в частности, для укрепления и в конечном счете обеспечения своей национальной безопасности. Этот набор возможных средств достаточно ограничен. Еще более ограничен набор для тех вероятных средств, которые входят в этот теоретически возможный набор. Логически этот набор можно изобразить следующим образом (рис. 6).

Принципиально важно отметить, что такой выбор стоял перед государствами практически всегда в истории человечества. В ранние периоды количество вариантов сводилось к двум — подчиниться или бороться. Позже их спектр расширился, но остался достаточно ограниченным. В XXI веке России предстоит принять такой принципиальный выбор, который еще не сделан. При М. Горбачеве и Б. Ельцине фактически выбор был сделан в пользу варианта II. 1, позже В. Путин обозначил выбор сценария № 1, но на каком из вариантов этого сценария остановился, остается неясно.

Один из реалистических сценариев развития ВПО является сценарий создания евразийской системы военно-политической безопасности на основе формирования мощной политико-экономической и военно-политической коалиции в Евразии.

Любая система безопасности — мировая, региональная, национальная, — имеет прежде всего пространственно-геополитическое из-

Рис. 6.

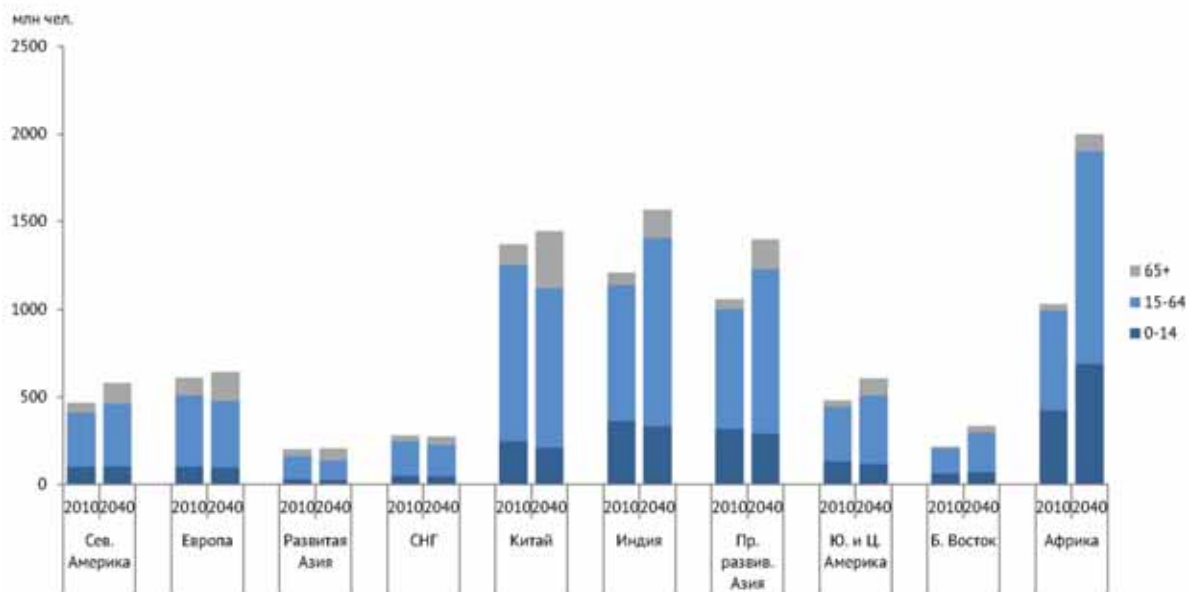
Рис. 7.

мерение²⁷. Даже расширение воздушно-космического пространства до глобального ТВД не отменяет этой характеристики потому, что конечные объекты безопасности и субъекты ВПО расположены на поверхности земли и воды. Так, оценивая демографические ресурсы (а также мобилизационные ресурсы планеты во втором десятилетии XXI века и через 30 лет), мы видим, что количественно и, главное, качественно к 2040 году они будут составлять большинство населения мира и, соответственно, самые массовые вооруженные силы (рис 8–9).

Геополитика, география и внешняя торговля, которая по темпам развития будет опережать темпы роста ВВП, неизбежно будут предопределять

и развитие международных военно-политических отношений. Эту закономерность не отменяет даже то обстоятельство, что имели место мировые (глобальные) войны, а в послевоенный период некоторые государства и блоки пытались заявить о своей «глобальной ответственности». И в случае мировых войн, и в процессе строительства военных организаций всегда сохранялся главный, основной потенциальный ТВД, от результатов военных действий на котором зависел исход войны и военное планирование. В ходе Первой и Второй мировых войн таким ТВД была западная часть Евразии — Европа, хотя военные действия шли и на Тихоокеанском ТВД, и в Африке, и в Азии.

Динамика доли трудоспособного населения от 15 до 64 лет в общей численности населения по регионам мира, %
(основные регионы концентрации активного человеческого капитала и мобилизационных ресурсов)

Источники: ИНЭИ РАН, ООН, 2013

Рис. 8.²⁸

Равновесные цены нефти в различных регионах мира, Базовый сценарий

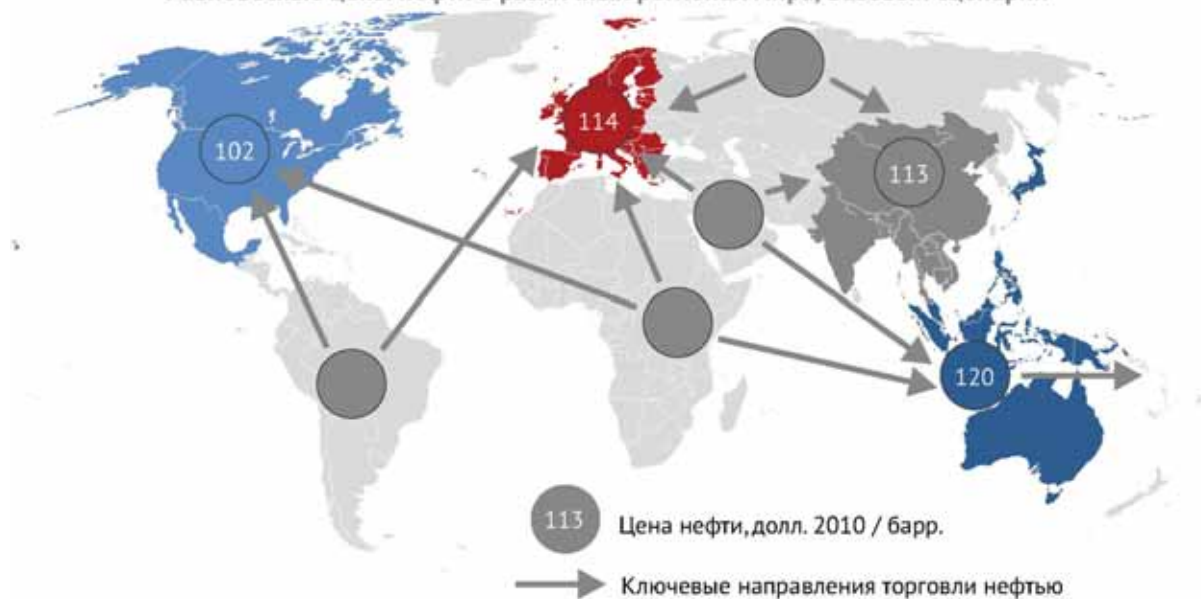

Рис. 9.²⁹

Более того, есть основания полагать, что численность погибших во время Второй мировой войны в Азии могла быть сопоставима с военными потерями в Европе, но это отнюдь не отменяет вывода о решающем значении ТВД в Европе. В настоящее время, а тем более в долгосрочной перспективе 30–50 лет есть все основания полагать, что главным и решающим

ТВД станет Евразия, причем, как и во времена Крымской войны, Первой и Второй мировых войн военные действия охватят все части Евразии и прилегающих акваторий, включая Арктику. В этой связи любой стратегический прогноз и планирования должны начинаться с геополитического анализа и перспектив развития ВПО в Евразии.

Стратегический военный прогноз и стратегическое военное планирование в России должны исходить из очевидного факта: будущая военно-политическая обстановка (ВПО) будет лишь частью международной обстановки (МО), а также следствием сложившейся к тому времени системы международной и региональной безопасности. При этом надо исходить из того, что сегодня:

- не существует системы европейской и евразийской безопасности, для всех, а реально существующая система — Североатлантическая — направлена на обеспечение интересов только части государств;
- маловероятно, учитывая позицию Запада, что удастся сложить единую и справедливую систему безопасности в Евразии «от Лиссабона до Владивостока»;
- существует возможность создания системы безопасности в Азии либо с участием КНР и России, либо отдельных систем безопасности. В мае 2014 года тенденции были таковы, что потенциальная возможность создания системы безопасности в Азии, в основе которой лежали бы отношения КНР и России, выглядели вполне реальными.

В Азии необходимо создать новую архитектуру безопасности при участии России, заявил председатель КНР Си Цзиньпин на пленарном заседании Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии СВМДА, который проходит во время визита и при участии президента РФ Владимира Путина. В своем выступлении лидер КНР, в частности, обратил внимание на необходимость совместной борьбы против «трех зол» и констатировал, что, «несмотря на растущие угрозы и вызовы, Азия остается перспективным и динамичным регионом». Си Цзиньпин подчеркнул, что «безопасность должна быть универсальной», и пояснил, что безопасность одних стран не может обеспечиваться за счет безопасности других. «Споры нужно решать только мирными средствами, исключая возможность применения силы или угрозы ее применения», — подчеркнул председатель КНР. Он добавил, что Совещание заинтересовано также в развитии отношений в сфере экономики и экологии. «Народы Азии испытывают сильное чаяние к международному миру и стабильности», — подытожил Си Цзиньпин³⁰.

Ко второму десятилетию XXI века в мире сложилась единственная реальная военная

система безопасности, основанная на системе ценностей, общих и национальных интересах и военной мощи западных государств. В ее основе лежит система военно-политических союзов, коалиций и договоренностей с США. Это — простая констатация факта, признание того, что ни нарождающиеся новые центры силы — Китай, Индия, Россия, Бразилия, — ни существующие системы международной и региональной безопасности не могут пока что стать реальными альтернативами сложившейся системе обеспечения безопасности под эгидой США. Как, необходимо признать и то, что США и большинство их союзников такая ситуация абсолютно устраивает и они не планируют изменение парадигмы безопасности, основанной в XX веке на этой системе.

Именно этим объясняется нежелание США и их союзников развивать прежние международные институты (ООН, ОБСЕ и др.) и создавать новые институты международной и региональной безопасности, которые могут стать альтернативой уже существующей под эгидой США системам.

И, наоборот, отчетливо прослеживается стремление США не только укрепить контролируемую систему безопасности, но и расширить ее возможности за счет увеличения ее функций, вовлечения новых членов и укрепления обязательств. Отчетливо стал заметен тренд «геополитической поляризации», обозначенный еще в XX веке З. Бжезинским. Если во времена «холодной войны» расхождения между государствами и коалициями трактовались как идеологические и ценностные, то в XXI веке, когда идеологические и ценностные противоречия отошли на второй план, отчетливо проявилась другая, подлинная сущность — геополитическая, когда идеологические, ценностные и даже экономические противоречия становятся лишь аргументами, «отблесками» более глубоких, геополитических противоречий господства и контроля. По этому поводу директор Института региональных проблем Н. Миронов справедливо заметил: «„Черно-белая“ шахматная (по Бжезинскому) картина мира ничего общего не имеет с идеологией либерализма и его базовыми принципами правового государства, представительной демократии, политического плюрализма, конституционного устройства власти на основе диалоговых, парламентских форм выработки решений. Защита свободы и конституции в устах

апологетов украинских и критиков российских реформ — это всего лишь ширма, прикрытие и обоснование конъюнктурных политических интересов»³¹.

Следует признать (и события 2008 года в Грузии и 2014 года на Украине это подтвердили), что во втором десятилетии XXI века в мире существовала единственная полноценная система обеспечения безопасности для определенного круга государств во главе с США. Они объединены единой системой геополитических интересов господства, маскируемых защитой либеральных ценностей, совпадением экономических и иных интересов. Эта система безопасности объективно не заинтересована в появлении новой всеобъемлющей системы безопасности, которая могла бы стать альтернативной. Более того, эта система препятствует малейшему движению в этом направлении.

Известно, что важнейшим условием, определяющим стратегическое военное планирование на долгосрочную перспективу, является прогноз будущей военно-политической обстановки (ВПО) в мире³², вытекающий из прогноза геополитической обстановки. В этом смысле можно констатировать, что в начале XXI века начался процесс геополитической поляризации, который характеризуется не только появлением и усилением новых центров силы в мире, но и нарастание между этими центрами силы геополитических противоречий. В таких условиях преобладающими становятся тенденции консолидации вокруг этих центров силы других государств и организаций, формирование новых и развитие существующих коалиций.

Естественно, что эти тенденции вступают в откровенное противоречие с усилиями по созданию всеобщей или региональной системы безопасности, изначально (как это было с инициативой России по созданию европейской системы безопасности) обесценивают все усилия. Такой военно-политической контекст современной международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) дополняется радикальными изменениями в ВиВТ, а также способах их использования (военном искусстве). Прежде всего, речь идет о том, что резкое усиление военно-политического значения систем ПРО и ПВО в конце XX века привело к тому, что само представление о безопасности и мерах ее обеспечения в мире, регионах и отдельных странах стало стремительно меняться.

Так, глобализация привела к тому, что 60–70 процентов торгового оборота (поставок сырья, промежуточных продуктов переработки, средств производства, транспорта, реализации и т. д.) формируются за счет глобальных промышленных цепочек³³. В некоторых отраслях России, например, фармацевтике, эта доля достигает 80% и изменить ее быстро невозможно. Возникает ситуация импортной зависимости и взаимозависимости, которая в политическом и военном плане выгодна тем странами-лидерам, которые создают эти «производственно-транспортные цепочки» и в наименьшей степени от них зависят. Очевидный и яркий пример в ходе политического конфликта на Украине — отказ банковских систем «VISA» и «MasterCard», где доля российских клиентов не достигала 5%.

В растущем геополитическом противостоянии безопасность государств уже не может быть обеспечена только традиционными средствами обеспечения военной безопасности. Логика такова: наряду со средствами вооруженной борьбы (которые будут продолжать модернизироваться) и созданием качественно новых видов и систем ВиВТ, появляются силовые (но не военные) средства противодействия. Речь идет, прежде всего, о том, что сами средства обеспечения безопасности в XXI веке стремительно меняются, во-первых, и появляются новые, во-вторых. Происходит очевидный процесс выделения невоенных средств ведения силовых действий — информационно-пропагандистских, гуманитарных, культурно-образовательных, сетевых, организационных, политико-дипломатических, экономических, финансовых и т. д., — которые становятся главными инструментами обеспечения или дезинтеграции национальной безопасности.

В это же время происходит дальнейшая диверсификация традиционных и новых средств вооруженной борьбы, среди которых выделяются в качестве ведущих такие, как силы для специальных операций, «частные армии», гражданские вооруженные формирования и т. д.

Отдельно следует сказать о появлении и стремительно растущем значении высокоточного оружия и средств воздушно-космической обороны (ВТО и ВКО), которые должны обеспечить «силовой фон» для применения силовых и вооруженных невоенных акций. Без гарантированного «прикрытия» с воздуха применение любых силовых средств — как вооруженных, так и гражданских, — бессмысленно. Эти же средс-

тва нападения и обороны способны гарантировать достижения политических целей конфликта на стадиях, когда они еще не переходят в масштабные вооруженные операции. Таким образом, в XXI веке способность обеспечения национальной безопасности и суверенитета государств зависит от двух основных силовых групп: невоенных и собственно военных, среди которых выделяются отдельные способы и средства, которые можно изобразить на следующей логической схеме.

Если говорить коротко, то суть этих изменений свелась к возникновению во многом тождественности между понятием «безопасность» (которое в XX веке несло преимущественно политическую нагрузку) и способностью гарантировать, пример, эффективную ВКО. Такое же тождество, по сути, возникло и между понятием «суверенитет государства» и «эффективная ВКО». События в Югославии, Афганистане, Ираке и Ливии продемонстрировали наглядно, что политические цели войны достигались преимущественно при помощи применения высокоточных систем оружия, которые поражали в приоритетном порядке:

- цели политического руководства и административного управления;
- средства ПВО и военного управления;
- средства, обеспечивающие коммуникацию, связь и распространение информации, включая СМИ;
- собственно военные цели и объекты промышленности.

Таким образом, возникла тесная взаимосвязь между способностью обеспечить военную безопасность от воздушно-космического нападения с понятием «национальный суверенитет» и региональной и международной безопасностью. Система международной или региональной безопасности, которая не гарантирует защиты от воздушно-космического нападения (то есть высокой степени военно-политической интеграции ВС и военно-политического руководства), стала в XXI веке простой фикцией. Это наглядно проявилось в ходе воздушно-космических операций против Югославии, Афганистана, Ирака и Ливии: они входили в систему международной безопасности под эгидой ООН, Лигой арабских государств и других организаций.

¹ Свечин А. Методы стратегического мышления / В кн.: Стратегия в трудах военных классиков / Ред. совет серии С. В. Степашин и др. М.: Финансовый контроль, 2003. С. 27.

² Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2007. С. 323.

³ Подберезкин А. И. Ответственность «впередсмотрящих» // Техника молодежи. 1983. № 6.

⁴ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У), 2014.

⁵ Подберезкин А. И. Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». РАУ-корпорация. М. 1996.

⁶ Там же.

⁷ Торкунов А. В. История и историческое сознание / По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 183.

⁸ Ремчуков К. Минобороны России бросило вызов США // Независимая газета. 2014. 21 июля. С. 1.

⁹ Миронов С. М. Антироссийский билль США / Пресс-релиз. 2014. 22 августа.

¹⁰ Айвазов А. Pax Americana на пороге смерти / Эл. ресурс: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/93246/>

¹¹ Деловая газета «Взгляд» / <http://vz.ru/infographics/2009/10/27/342471.html>

¹² Петухов О. Н. Сайт Томского политехнического университета / http://portal.tpu.ru/SHARED/o/ONPETUKHOV/Study/Strategic-planning/Tab/Lectures_on_the_discipline_of_Strategic_Planning_outcome.pdf. С. 36.

¹³ Айвазов А. Pax Americana на пороге смерти / Эл. ресурс: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/93246/>

¹⁴ Леер Г. А. Безыдейность / В кн.: Стратегия в трудах военных классиков. М.: Финансовый контроль. 2003. С. 562.

¹⁵ Подберезкин А. И. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2. С. 7–8.

¹⁶ Айвазов А. Pax Americana на пороге смерти / Эл. ресурс: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/93246/>

¹⁷ Там же.

¹⁸ Газопром. Сила Сибири / <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/ykv/>

¹⁹ Айвазов А. Pax Americana на пороге смерти / Эл. ресурс: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/93246/>

²⁰ Там же.

²¹ Крутских А. В., Сафронова И. Л. Международное сотрудничество в области информационной безопасности / URL: <http://www.cryptography.ru/db/msg.htmr2mid=1169389>

Долгосрочное прогнозирование сценариев развития ВПО

- ²² См.: Libicki M. Cyberdeterrence and Cyberwar. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009 / URL: <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG877>
- ²³ Зиновьева Е. С. Международная информационная безопасность. М.: МГИМО(У), 2013. С. 60–61.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Едовина Т. Кризис вокруг Украины скажется на кредитных рейтингах стран СНГ // Коммерсант. 2014. 14 мая. С. 8.
- ²⁶ Цит. по: Громыко А. А. Полет его стрелы. М.: Научная книга. 2009. С. 302.
- ²⁷ Подберезкин А. И. Международная безопасность как следствие разных идеологических парадигм мирового развития. Книга 2 / Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У). Т. II. 2012.
- ²⁸ Институт энергетических исследований российской академии наук. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года / <http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf>. С. 9.
- ²⁹ Там же. С. 46.
- ³⁰ Китай призвал Россию и других соседей создать новую архитектуру безопасности в Азии и вместе бороться против «трех зол» / Эл. ресурс: «NEWSru.com :: В мире» 21 мая 2014 г. / <http://www.newsru.com/world/21may2014/colldefense.html>
- ³¹ Миронов Н. М. Тирания меньшинства // Независимая газета. 2014. 14 мая. С. 2.
- ³² См. подробнее: Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.
- ³³ Миронов В. Обходимся своим // Российская газета. 2014. 14 мая. С. 4.

ГЛАВА 3

СЦЕНАРИИ УСИЛЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ

Долгосрочные тренды мирового социально-политического развития человеческой цивилизации зачастую не учитываются в военно-политическом прогнозировании¹.

*Я. Новиков,
Генеральный директор
ОАО Концерн «Алмаз-Антей»*

Соединенные Штаты становятся мировым политологическим центром. В 50-х — 80-х годах большинство политических теорий и концепций, обретавших мировой статус..., производились в США².

*Э. Баталов,
политолог*

Очевидно, что в XXI веке в мировой военно-политической обстановке произойдут радикальные изменения. Они могут свершаться даже скорее, чем идущее развитие и производство ВиВТ. Новые угрозы, в том числе и качественно, принципиально новые, могут востребовать как новых средств ведения войны, так и разработку иных способов их использования, в то время как производство современных ВиВТ рассчитано, по крайней мере, на предстоящие 15–20 лет. И это не может не вызывать опасений. Если сегодня, например, мы начинаем масштабную и долгосрочную программу строительства авианосных ударных группировок (включая инфраструктуру, корабли сопровождения, авиацию, подготов-

ку летчиков, создание баз и т. д.), результаты которой в полной мере будут получены через 20–30 и даже 40 лет, то важно понимать, для чего это делается, какие задачи — политические и военные — будут решаться и каким угрозам все это будет противостоять³. Новые военно-политические угрозы становятся важнейшим фактором влияния на формирование ВПО в мире и отдельных регионах, требующих внимательного анализа и долгосрочного прогноза⁴.

Обострение прежних и возникновение новых угроз в XXI веке требует своего объяснения, которое не может быть вызвано тактическими, краткосрочными причинами, некими случайностями или отдельными трендами мирового

Долгосрочное прогнозирование сценариев развития ВПО

развития. К сожалению, в основе этих негативных глобальных причин находится классический конфликт локальных цивилизаций в борьбе за контроль над территориями (природными ресурсами, транспортными коридорами, рынками) и за возможность влиять на формирование системы ценностей и норм поведения в мире. Одна цивилизация стремится навязать свое понимание мира другим, а другие — защитить свои ценности и интересы. Рассмотрим коротко три этапа развития российской локальной цивилизации под этим углом зрения в качестве гипотезы для основных сценариев развития ВПО в мире в XXI веке. Эта рабочая гипотеза имеет большое теоретическое и методологическое значение для построения всех будущих сценариев развития ВПО.

Изначально следует оговориться, что в целях упрощения модели не рассматриваются предыдущие этапы развития российской локальной цивилизации за все предыдущие тысячелетия, так как это потребует много времени и места и не имеет сегодня решающего значения. «Оговарюсь, что к началу первого, „имперского“ периода, „российское ядро“ цивилизации успешно продвинулось на восток, закрепилось на юге и было значительно „выдавлено“ с запада (напомню, что в первом тысячелетии н. э. славяне на западе были рассеяны на восток от линии нынешней Словении и Берлина).

В любом случае, в XIX веке Россия представляла собой мощное ядро российской цивилизации, успешно развивающееся и продвигавшееся на юг в направлении Средиземного моря и Афганистана и на восток, в направлении нынешнего АТР, что хорошо видно на карте».

«Выдавливание» России из Афганистана и Крыма Западом активно началось во второй половине XIX века, в результате чего была «продана» Аляска и проиграна война западной коалиции в Крыму. В последующие годы США и Великобритания активно продолжали эту политику, которая, казалось, достигла успеха в 20-е годы XX века. Фашистская Германия развязала, однако, гражданскую войну против Англии и Франции в рамках одной локальной цивилизации, что было бы совершенно непонятно (на какие средства, почему, как и т. д.), если бы не признание прежнего стремления западной локальной цивилизации уничтожить «российское ядро» восточной цивилизации. Также, как в свое время это было сделано с Константинополем и Византийской империей.

После короткого периода борьбы за сохранение контроля в рамках западной локальной цивилизации в 1940–1945 гг., западная локальная цивилизация вновь вернулась к политике «выдавливания» России из Евразии и ее дезинтегрирования, которая на этот раз получила название «холодной войны». В результате такой политики Западу удалось консолидировать свои

Рис. 1.⁵

Геополитические изменения в Евразии за последние десятилетия
(ВПО в 80-ые годы XX в.)

Рис. 2.⁶

силы прежде всего в Европе, создав для этого мощный инструмент — военно-политический блок НАТО.

Победа в «холодной войне» в 90-е годы XX века означала лишь победу на ее трех этапах — дезинтеграции Организации Варшавского Договора и взятии под контроль восточноевропейских стран, отделении Прибалтики и отделения Белоруссии, Украины и среднеазиатских государств. Наступил заключительный, четвертый этап «холодной войны», который неизбежно приобретет уже немирные внешние формы внешних и внутренних войн, — дезинтеграции и раздела России. В этих целях необходимо:

- во-первых, создать по периметру границе России максимально враждебное окружение, продвинуть инфраструктуру НАТО и ЕС вплотную к границам РФ;
- во-вторых, создать проблемы и кризисы внутри России, прежде всего, в ее правящей элите и обществе.

За последние годы в этой долгосрочной стратегии, реализуемой с начала 1980-х годов, проявились явные признаки, характерные для перехода относительно мирной фазы «холодной войны» в ее горячую, вооруженную стадию. По

сути дела, происходит трансформация конфронтации в военное противоборство. Эти опасения были отражены в выступлении В. В. Путина на заседании Военно-промышленной комиссии 10 сентября 2014 года. В нем, в частности, отмечалось, что утверждены основные направления развития вооружений и техники до 2030 года, сформирован даже перечень конкретных образцов, определяющих облик перспективных систем вооружения. Но также признавалось, что нужно достоверно и полноценно просчитать потенциальные угрозы военной безопасности. «На каждую из них должен быть найден достаточный адекватный ответ», — обозначил Путин, напомнив, в качестве примера, что несколько лет назад США вышли из договора о противоракетной обороне и сейчас вовсю идет создание системы ПРО у наших границ — и в Европе, и на Аляске. Другой пример Президента РФ: «Разрабатывается теория так называемого глобального обезоруживающего удара», — продолжил он, добавив, «**что новых угроз очень много**». «Очень много» в оценке Президента России, требует конкретизации. В том числе и решение о наращивании сил НАТО в Восточной Европе. И далее: «Кризис на Украине, который и был, собственно говоря,

**Геополитические изменения в Европе за последние десятилетия
(ВПО во втором десятилетии XXI в.)**

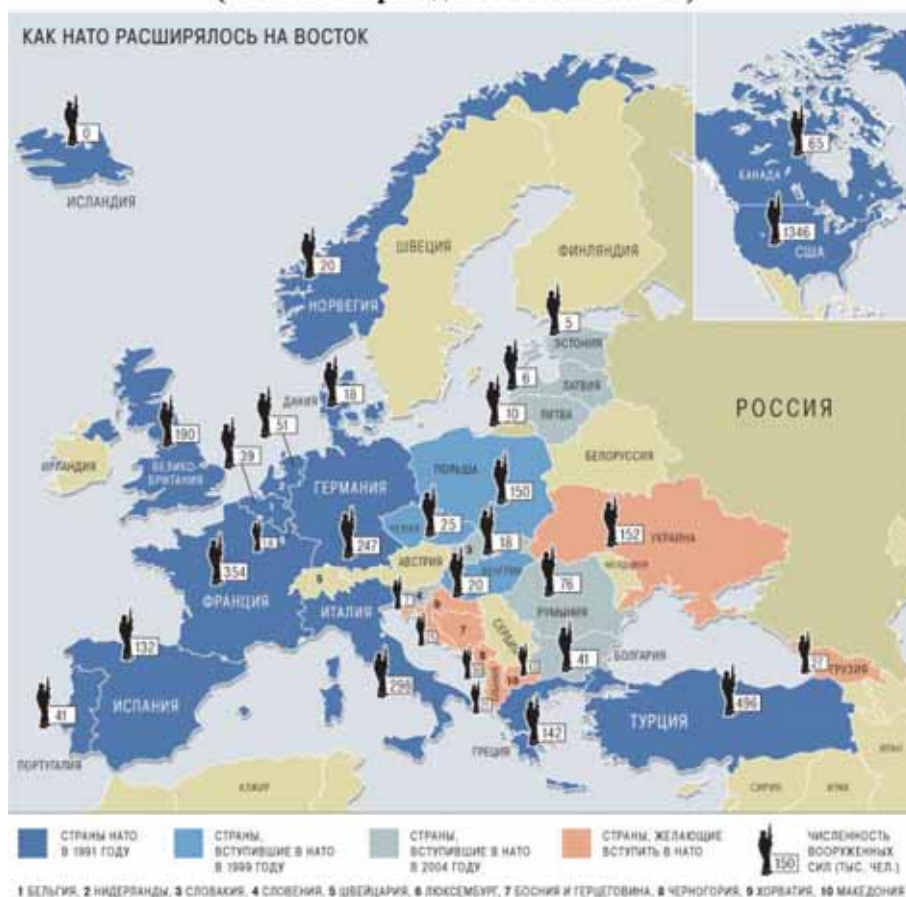

Рис. 3.⁷

спровоцирован и создан некоторыми нашими западными партнерами, сейчас используется для реанимации этого военного блока», — был убежден президент РФ осенью 2014 года⁸.

Процессы деполаризации мира, концентрации силы в новых мировых центрах, а значит появление и новых центров принятия политических решений, которые сопровождаются неуклонным перемещением вектора мирового развития с Запада на Восток, неизбежно встречают резкое и негативное отношение со стороны правящей элиты США. Это негативное отношение, иногда являющееся следствием национального менталитета (а, значит, устойчивым), будет провоцировать в стратегическом плане различные формы противодействия со стороны США, включая и военно-силовые. Объективный процесс набирающей силы поляризации, таким образом, будет встречать негативную и не всегда адекватную реакцию США, которая уже реализуется в военно-политическом курсе страны. В статье в «Foreign Policy», например, утверждается, что «Подъем

Китая» стал возможным благодаря бездействию США. У Китая была стратегия, у Америки ее не было⁹.

Более того, пытаясь обосновать необходимость противодействия процессу деполаризации, ведущие политологи США (Г. Киссинджер, З. Бжезинский и др.) обосновывают сохранение США «на вершине» центра мирового развития бесконечно долго, может быть, вечно. Логика, вытекающая из подобной политической философии, неизбежна: несмотря на все объективные процессы в изменении соотношения сил в мире, США должны найти способы предотвратить такое развитие событий. Как справедливо отметил С. Лавров, «демократическое устройство мира не вписывается в политику нынешнего Запада... международная система находится в движении, основы зашатались, их раскачивают, и весьма активно...»¹⁰. И далее: «Мир меняется, становится полицентричным, доля США и Европы в глобальном ВВП сокращается, появились новые центры экономического роста и финансовой мощи, куда приходит и политическое влияние.

Тенденцию не остановить. Можно ей сопротивляться, что, увы, и пробуют делать, но против течения грести трудно. Из-за этого и происходят многие кризисы»¹¹.

Как видно из короткого, но очень точного анализа С. В. Лаврова, США пытаются остановить развитие объективных тенденций, что неизбежно вызывает кризисы. Эти кризисы — политические, экономические, гуманитарные и др. — ведут к разным обострениям ВПО в мире и отдельных регионах, которые только очень узкой гранью отделяются от военных конфликтов и войн. Собственно говоря, многочисленные примеры обострения МО и ВПО, которые привели к кризисам и войнам, стали характерным явлением для конца XX и начала XXI века. Эти взаимосвязи отчетливо проявились в следующих случаях:

1. Стремление сохранить влияние в Европе и на Балканах привело к кризису в Югославии и военному конфликту;
2. Попытка взять под контроль развитие ситуации на Среднем Востоке — к войне против Ирака;
3. Стремление закрепиться в Центральной Азии — к войне в Афганистане;
4. Политика усиления слабеющего влияния на Севере Африки и Ближнем Востоке — к во-

оруженным конфликтам на Севере Африки и Ближнем Востоке;

5. Ставка на Украину, как «подмандатную территорию» — к войне на Украине.

Эти и множество других примеров свидетельствуют только об одном — усилении вероятности развития сценариев геополитической конфронтации, прежде всего, между локальными цивилизациями или их видами — суннитами и шиитами в исламской локальной цивилизации; протестантами и православными в христианско-европейской цивилизации.

Вариантов таких сценариев развития глобальной конфронтации существует достаточно много уже в настоящее время, но особенно опасен один из них — искусственное сдерживание западной локальной цивилизацией меняющегося соотношения сил и влияния в мире не в ее пользу. Такое силовое (а другого и не может быть в принципе) сдерживание неизбежно ведет к расширению спектра использования военной силы в качестве инструмента политики в международных отношениях и ведет к искусственному обострению сценариев развития ВПО.

В этой связи предлагается рассмотреть некоторые существующие сценарии ВПО, развитие которых в долгосрочной перспективе существенно повлияет на будущую ВПО в мире.

3.1. Сценарий геополитической военно-политической поляризации

Центристы (В. Путин) апеллируют к идее национального развития, но не способны сформулировать последовательную концепцию или стратегию для воплощения в жизнь этой идеи¹².

*Р. Саква,
английский политолог*

... События последних двух десятилетий и задачи созидания новой России поставили наше общество перед необходимостью определения новой российской идентичности¹³.

*А. Торкунов,
профессор МГИМО(У)*

Дестабилизация целых регионов планеты может быть не следствием политики Запада, как иногда считается, а **стратегической целью**. Создание хаоса резко усиливает возможности для внешнего влияния. В этом смысле стратегия сценария геополитической поляризации может стать для Запада вполне прагматичным

(хотя и циничным) сценарием развития МО в XXI веке. Такой сценарий развития военно-политической обстановки (ВПО) как геополитическая поляризация является следствием негативного развития международной обстановки (МО) и сценариев противоборства локальных цивилизаций. Этот сценарий ВПО, таким

образом, является вполне логичным продолжением существующей в начале XXI века политики Запада силового навязывания другим локальным цивилизациям, нациям и странам своей системы ценностей и глобальных приоритетов. Насильственно продвигать системы ценностей, как известно, можно только в условиях конфронтации. Лучше всего глобальной.

Этот сценарий предусматривает, что, несмотря на постепенное изменение сил в мире не в пользу Запада, западной локальной цивилизации удастся сохранить лидирующую роль и контроль над развитием основных процессов и ситуацией в ключевых регионах. Даже если эта цель предполагает создание ситуации хаоса в отдельных странах и целых регионах. Ибо такой хаос предоставляет внешним силам уникальную возможность создания системы влияния и его контролирования. Так, до уничтожения С. Каддафи и войны с Ливией этот регион достаточно успешно развивался и обеспечивал быстрый рост ВВП и высокие социальные стандарты для населения. В Тунисе, например, среднегодовые темпы роста ВВП составляли 4,4%, которые упали до 1,6% после войны в Ливии¹⁴.

Главным инструментом в будущей военно-политической борьбе будут средства информационного воздействия, превосходство в которых будет опираться на сохранение технологического

превосходства США и ЕС, а также гуманитарно-информационных технологии ведения психологической борьбы и войны. Такой подход вполне естественен. Сценарий глобальной военно-политической поляризации в конечном итоге предполагает борьбу западной локальной цивилизации против всех других локальных цивилизаций, которая не может вестись всегда в военно-силовой форме. С разными локальными цивилизациями в разное время противостояние может даже переходить в стадии сотрудничества, но информационно-идеологическое противоборство не исчезает, более того, оно может в эти периоды даже усиливаться, приобретая все признаки вооруженной борьбы. Логическая последовательность сценария ВПО выглядит следующим образом (рис. 4).

Как видно из этого рисунка, сценарий ВПО, предполагающий геополитическую поляризацию, основывается на формировании общего военно-политического союза западной цивилизации и противостоянию и препятствию созданию коалиций и союзов другими локальными цивилизациями. Примечателен в этой связи пример с Грузией, которую держат под контролем Запада, с одной стороны, и не включают в состав, — с другой. Как пишут ученые МГИМО(У), «Запад не готов прилагать больших усилий к тому, чтобы удерживать Грузию

Рис. 4.

Рис. 5.

Табл. 1. Значения показателя статуса государства по параметру «Наука и образование»

Статус государства	Оценка, баллов	Характеристика
Сверхдержава	8–10	Государство (страна) является лидером в передовых научных разработках по широкому спектру, имеет развитую систему образования, всемирно известных ученых
Великая держава	5–7	Государство проводит важнейшие научные исследования, превышающие мировой уровень, в отдельных областях его наука и образование оказывают заметное воздействие на мировое развитие
Региональная держава	2–4	Государство восприимчиво к внедрению передовых научных разработок, имеет научно-образовательные школы в отдельных направлениях знания
Малое государство	1	Наука строится преимущественно на внешних заимствованиях, образовательные услуги импортируются

Примечание. Исторический пример Германии показывает стратегическую важность дешевого и качественного образования в достижении стратегических позиций в области обороны, экономики и технологии. Дешевые и качественные университеты, созданные в процессе наполеоновских войн, завоевали репутацию лучших в Европе, заложили основу для качественного скачка германской промышленности и технологического доминирования, сохранившегося до сегодняшнего дня.

в зоне своего влияния. Ни США, ни НАТО не готовы взять на себя юридически обязывающие гарантии безопасности Грузии. Ей самой предлагают изобрести, каким образом исключить Абхазию и Южную Осетию из таких гарантий, если Грузия все же станет членом НАТО. Грузия перестала получать и масштабную финансовую помощь. Украинский кризис пока не внес существенных коррективов в эту стратегию Запада. Соответственно, разочарование в результатах многолетнего сотрудничества с США и НАТО может нарастать»¹⁵.

С другой стороны, ЕНД и близкие к нему силы сохраняют потенциал реванша, особенно если на такой реванш будет запрос со стороны

США. Разумеется, возвращение Грузии к прежней модели отношений с Россией будет губительным для этой страны, но нельзя исключать, что при углублении разногласий между Москвой и Вашингтоном такой сценарий станет желательным для США. Поэтому российско-грузинская нормализация и активная политика по трансформации подходов грузинского общества к российско-грузинским отношениям должны оставаться одним из приоритетов России¹⁶, отмечают исследователи МГИМО(У).

В конечном счете, сценарий развития ВПО «Геополитическая поляризация» предполагает, что соотношение сил между западной локальной цивилизацией и другими локальными

цивилизациями будет очевидно в пользу Запада. Более того, само такое превосходство должно:

- а) политически влиять на отношения с другими странами;
- б) препятствовать созданию объединенной антизападной коалиции.

Вопрос о подсчете — количественном и качественном — соотношения военных сил до сих пор остается открытым, хотя очевидно, что любое соотношение должно быть, как минимум, сопоставимым, то есть отличаться друг от друга величины могут на десятки процентов и как максимум, — в разы. Это можно проиллюстрировать примером из работы «Глобального рейтинга интегральной мощи 100 стран»¹⁷ (рис. 5, табл. 1).

Для экспертной оценки фактора «Наука и образование» в рамках общего подхода разработана шкала, представленная в табл. В качестве дополнительных показателей развития науки, технологии и образования были выделены следующие:

- уровень развития в стране критических технологий в сопоставлении с ведущими странами мира;
- комплексность научно-технического развития страны (полнота спектра современных производств, наличие космической, самолетостроительной промышленности);
- степень развития информационных технологий;
- соответствие национальных образовательных стандартов мировому уровню;
- процент грамотности населения;
- обязательность среднего образования;
- количество обучающихся в высших учебных заведениях на 1 тыс. человек населения страны в сопоставлении с ведущими постиндустриальными странами;
- уровень образования в стране, проверяемый по результатам стандартных тестов.

Для определения совокупных возможностей Вооруженных Сил 100 ведущих стран мира в соответствии с общей методологией стратегической матрицы была сформирована система показателей, имеющих статистическую основу и учитывающих экспертные оценки.

В рамках третьего поколения «Глобального рейтинга ИПМ» выявлению позиций государств в мировом балансе военной силы было уделено особое внимание на фоне снижения порога использования военной силы.

Уровень развития вооруженных сил на современном этапе можно определить исходя из оценки параметров, представленных на рис.

Эта задача решалась путем разработки специальных критериальных шкал, определяющих уровень развития государства в диапазонах «сверхдержава», «великая держава», «региональная держава», «малое государство» (рис. 6).

Уровень развития силовой компоненты государства, соответствующий, например, понятию «сверхдержава», можно определить такими характеристиками, как:

- собственное производство подавляющего большинства систем вооружения и военной техники;
- наличие ядерного оружия, межконтинентальных баллистических ракет при общем количестве ядерных боезарядов не менее 1000–1500 единиц;
- численность вооруженных сил более 1 млн человек;
- наличие возможностей массированного использования систем высокоточного оружия;
- оснащенность передовыми системами управления и связи.

В полной мере уровню военной сверхдержавы в настоящее время соответствуют только США. Пока близка к этому уровню Россия, но по таким показателям, как производство вооружений во

Рис. 6.

Табл. 2. Значения показателя статуса государства по параметру «Вооруженные силы»

Статус государства	Оценка, баллов	Характеристика
Сверхдержава	8–10	Вооруженные силы страны оказывают определяющее воздействие на формирование мирового баланса сил
Великая держава	5–7	Армия страны значима в мировом балансе сил и оказывает существенное влияние на военный баланс своего континента
Региональная держава	2–4	Государство оказывает значительное влияние на баланс сил в одном регионе
Малое государство	1	Государство уступает по силе своим соседям по региону

всем спектре современных систем, численность вооруженных сил и оснащенность высокоточным оружием, передовыми системами управления и связи, она существенно отстает от США.

Для великой военной державы характерно меньшее число стоящих на вооружении ядерных боезарядов (порядка 100–500 единиц), отставание от сверхдержавы в развитии систем управления и связи, ограниченные способности применения высокоточного оружия. В таких странах может быть не налажено национальное производство некоторых критически важных систем оружия (например, стратегических бомбардировщиков, самолетов ДРЛО и управления,

современных авианосцев, подводных лодок с атомной силовой установкой, боевых кораблей других основных классов и т. п.).

Военная региональная держава, как правило, не имеет ядерного оружия (хотя может иметь средства его доставки), существенно отстает в развитии систем управления и связи, большая часть вооружения импортируется.

Для наглядности представления результатов оценки военного потенциала все показатели развития вооруженных сил (ВС) были сведены в три большие группы.

Первая группа — общие показатели развития вооруженных сил, в которую вошли данные

Табл. 3. Значения показателей, характеризующих общее развитие ВС

Статус государства	Оценка, баллов	Характеристика		
		Военные расходы, млн долларов	Численность ВС, тыс. человек	Оценочная численность резервистов и военизированных формирований, тыс. человек
Сверхдержава	8–10	Свыше 60 000 (макс. значение — 552 568)	Свыше 1000 (макс. значение — 2185)	Свыше 500 (макс. значение — 20 449)
Великая держава	5–7	10 000–60 000	300–1000	100–500
Региональная держава	2–4	500–10 000	50–300	50–100
Малое государство	1	Менее 500	Менее 50	Менее 50

Табл. 4. Значения показателей, характеризующих общее развитие сухопутных войск

Статус государства	Оценка, баллов	Характеристика			
		Основные боевые танки (ОБт)	Легкие танки и боевые бронированные машины (ББМ), включая боевые машины пехоты (БМП), бронетранспортеры (БТР), боевые разведывательные машины (БРДМ) и др.	Орудия полевой артиллерии (ПА), самоходные артиллерийские установки (САУ), реактивные системы залпового огня (РСЗО)	Ударные и многоцелевые вертолеты
Сверхдержава	8–10	Свыше 3000 (макс. значение — 23 000)	Свыше 4000 (макс. значение — 38 763)	Свыше 10 000 (макс. значение — 26 254)	Свыше 1000 (макс. значение — 1321)
Великая держава	5–7	1000–3000	1000–4000	2000–10 000	300–1000
Региональная держава	2–4	300–1000	300–1000	1000–2000	100–300
Малое государство	1	менее 300	менее 300	менее 1000	менее 100

Табл. 5. Значения показателей, характеризующих общее развитие ВМС

Статус государства	Оценка, баллов	Характеристика			
		Подводные лодки	Авианосцы	Боевые корабли основных классов (за исключением авианосцев)	Боевые самолеты ВМС, в том числе самолеты палубной авиации
Сверхдержава	8–10	Свыше 50 (макс. значение — 71)	Свыше 5 (макс. значение — 11)	Свыше 50 (макс. значение — 96)	Свыше 500 (макс. значение — 1138)
Великая держава	5–7	10–50	2–5	20–50	200–500
Региональная держава	2–4	5–10	1–2	10–20	100–200
Малое государство	1	Менее 5	0	Менее 10	Менее 100

Табл. 6. Значения показателей, характеризующих общее развитие ВВС

Статус государства	Оценка, баллов	Характеристика (боевые самолеты)
Сверхдержава	8–10	Свыше 1500 (макс. значение — 3063)
Великая держава	5–7	700–1500
Региональная держава	2–4	150–700
Малое государство	1	Менее 150

и т. д.

Табл. 7. Военные расходы, численность ВС, мобилизационные ресурсы

№ п/п	Страна	Военные расходы		Численность л/с ВС		Оценочная численность резервистов и военизированных формирований		всего, тыс. чел.	балл	Общий балл	рейтинг
		млн Долл.	балл	тыс. чел.	балл	оценочная численность резервистов, тыс. чел.	военизированные формирования, тыс. чел.				
Коэффициент важности		0,5	0,4	0,1							
СНГ											
1	Россия	32215	5,8	1027	7,6	20000	449	20449	10,0	6,9	4
2	Беларусь	572	1,5	73	1,8	290	110	400	6,8	2,1	52
3	Молдова	19	1,0	6	1,1	66	2	68	2,6	1,2	95
4	Украина	1802	1,9	130	2,5	1000	85	1085	7,6	2,7	39
5	Азербайджан	936	1,6	67	1,7	300	15	315	6,1	2,1	55
6	Армения	296	1,3	42	1,4	0	0	0	1,0	1,3	88
7	Узбекистан	94	1,1	67	1,7	0	20	20	1,2	1,3	86
8	Казахстан	1164	1,7	49	1,5	0	32	32	1,3	1,6	72
9	Киргизия	39	1,0	11	1,1	0	10	10	1,1	1,1	99
10	Таджикистан	87	1,1	9	1,1	0	8	8	1,1	1,1	98
11	Туркмения	209	1,2	22	1,2	0	0	0	1,0	1,2	94
Европа без СНГ											
12	ЕС	288625	8,7	2025	9,7	2707,2	401,962	3109,162	7,8	9,0	2
13	Австрия	3603	2,5	35	1,3	195	0	195	5,2	2,3	45
14	Албания	198	1,2	14	1,1	0	0,5	0,5	1,0	1,1	96

по военным расходам, численности ВС и мобилизационным ресурсам (табл. 2).

Вторая группа показателей характеризует уровень развития сил общего назначения ВС исследуемых государств. Эта группа делится на две подгруппы, отражающие уровень развития сухопутных (табл. 4) и военно-морских сил государства (табл. 5), и два отдельных показателя, один из которых отражает уровень развития военно-воздушных сил (табл. 6). Другой показатель выступает своеобразным поправочным коэффициентом, позволяющим на базе экспертных оценок учесть степень новизны вооружения и военной техники (ВВТ), уровень боевой подготовки и боевой готовности для сил общего назначения в целом.

Ядерный потенциал оценивается показателем, отражающим количество имеющихся на вооружении ядерных боеголовок, и группой показателей, характеризующих средства доставки ЯО. Полученные результаты (табл. 3–6) свидетельствуют, что благодаря беспрецедентным военным расходам, превышающим расходы всех остальных стран мира, США существенно опережают другие страны мира по общим показателям развития ВС.

На втором месте по этому показателю стоит Европейское сообщество. Его совокупные военные расходы в 9 раз превосходят российские, а общая численность ВС превышает 2 млн человек. Третью строчку военного рейтинга занимает Китай, превосходящий все страны по численности ВС. Россия занимает 4-е место.

Далее первая десятка по общим показателям развития ВС выглядит следующим образом: на 5-м месте расположилась Индия, на 6-м (достаточно неожиданно) — Южная Корея, 7-е место — у Франции, 8-е — у Великобритании, 9-е занимает Италия, 10-е — Турция.

Мировой рейтинг сухопутных войск (табл. 4) демонстрирует ожидаемое лидерство США. Поскольку показатель боеготовности вынесен нами отдельно в оценку общего потенциала сил общего назначения, то по общей численности приписываемых России вооружений она идет на 2-м месте. На 3-м — ЕС, на 4-м — Китай. 5-е место достаточно неожиданно у Украины, 6-е — у Израиля. Далее следуют Египет (7-е место), Турция (8-е место), Сирия (9-е место) и КНДР (10-е место).

В рейтинге военно-морских сил (табл. 5) первую десятку среди 100 ведущих стран составили: США, ЕС, Россия, Китай, Великобритания, Франция, КНДР (с феноменальным количеством подводных лодок — 43 без учета 20 специального назначения, используемых для разведывательных целей), Индия, Япония, Южная Корея.

Превращение «своей» системы ценностей и интересов «своей» локальной цивилизации в глобальную систему ценностей и глобальные интересы (так, как это произошло с либеральными идеями, мировой валютой, нормами международного права и т. д.) возможно, только захватив монополию на интерпретацию системы ценностей, интересов и правовых норм. Это, собственно говоря, и объясняет такую негативную реакцию США и ЕС в вопросе о конфликте на Украине по отношению к России, которая

Рис. 7.¹⁸

Структура современной информационной войны (вариант).

Рис. 8.¹⁹

должна поставить под сомнения правоту этого монопольного толкования.

Такое монопольное право на толкование ценностей предполагает такое же монопольное право на толкование интересов (потребностей) и норм поведения в мире, в том числе и международно-правовых норм. Это отчетливо было видно в 2014 году в ходе конфликта на Украине, где содержательная сторона той или иной проблемы не имела значения — важна была трактовка, пусть самая дикая, того или иного факта.

Создание монопольного права на «смыслы» и их трактовка, нормы поведения и правила отношений необходимы главенствующей локальной цивилизации для вполне корыстных экономических выгод — создания финансового механизма, контролирующего использования человеческих ресурсов с безусловной выгодой для себя. Один из экономистов России, профессор Ю. Алексеев показал эффек-

тивность таких механизмов на следующем графике (рис. 7).

Очевидно, что даже переоценивая роль финансового капитала, автор иллюстрирует невольно мысль о том, что контроль над мировыми финансами многократно увеличивает мощь того, кто их контролирует в ущерб контролируемым. Такие же правила действуют и в политике, где «контрольный пакет» означает, что владелец получает все. Гуманистические законы справедливости в международных отношениях не работают. Тем более они бессмысленны в военно-политических отношениях, когда нормы поведения могут рассматриваться в лучшем случае в качестве информационного повода.

С военно-политической точки зрения геополитическая поляризация будет означать приоритетное развитие средств и способов ведения информационной войны, которую российские эксперты представляют следующим образом (рис. 8).

3.2. Сценарии расширения военно-политических функций консолидации с ЕС

... страны, замкнутые континентальными пространствами, были и остаются самыми бедными в своих частях мира²⁰.

*В. Иноземцев,
политолог*

В Вашингтоне надеются, что участниками коалиции (против «Исламского государства») станут не менее 40 государств²¹.

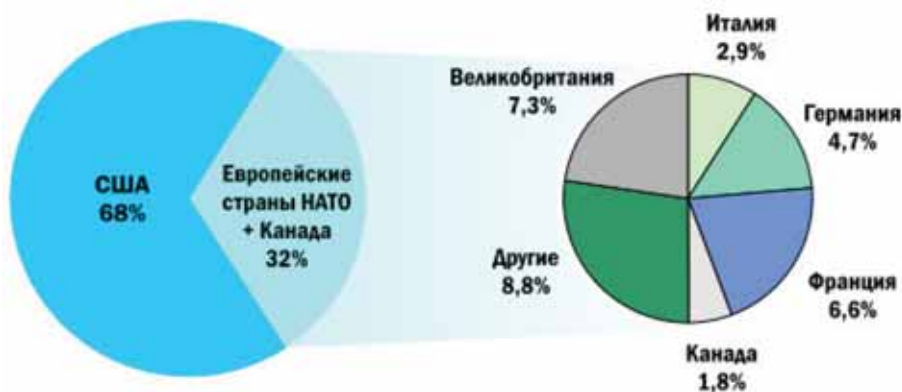
*П. Тарасенко,
обозреватель*

Стремление США сохранить контроль над ситуацией в мире и развитием ВПО в условиях объективно развивающихся противодействующих тенденций неизбежно требует от них использования коалиционной стратегии, то есть создания максимально широкой военно-политической коалиции во главе с США. Такая стратегия позволяет США:

- консолидировать экономические, политические и военные ресурсы большого числа государств, прежде всего НАТО и ЕС, в своих интересах;
- противопоставить растущему не в их пользу изменению в соотношении сил «совокупную» контролируемую мощь Запада, которую можно использовать в политических,

Диспропорции расходов на оборону стран-членов НАТО

2007

2012

Рис. 9.²²

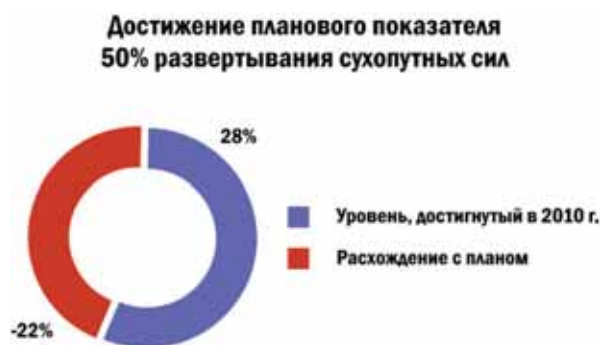
экономических и иных целях. Фактически все войны США в XX и XXI веке (за редким исключением) были коалиционными;

- сильнее привязать к себе партнеров и союзников политико-дипломатически с тем, чтобы помешать созданию любой другой коалиции или союза.

Сценарий военно-политических поляризацій является составной частью, вариантом развития негативного геополитического сценария, предусматривающего в то же время консолидацию ресурсов союзников и партнеров США в глобальном масштабе, но прежде всего в рамках Трансатлантического (ТАП) и Транстихоокеанского (ТТП) партнерств.

Если говорить о Европе, то этот процесс объясняется относительным игнорированием со стороны некоторых стран-членов НАТО общих потребностей блока в последние годы. Это хорошо видно на примере изменения относительной доли ведущих стран НАТО в общих объемах военных расходов.

Эта тенденция увеличения доли США в военных расходах объективно противоречат двум другим трендам — падению доли ВВП США в мире и относительному сокращению их военных расходов в последние 2–3 года (которые последовали после сверхбыстрого, почти на 100% роста военного бюджета США в начале XXI века). Соответственно, эта динамика не может не сказаться на росте боевой эффективности НАТО, которому в США придают огромное значение. По существу, происходит отставание от выполнения «плановых» показателей, что хорошо видно на следующей диаграмме.

Сценарий усиления геополитической поляризации, частным вариантом которого является военно-политическая поляризация, становится в начале XXI века одним из доминирующих сценариев развития ВПО в мире. Он, в частности, предполагает, что:

- роль международных организаций и авторитет международного права существенно слабеют;
- возрастает значение военно-политических и иных коалиций и союзов, включая региональные ассоциации и объединения, а также согласованных их действий в разных областях;
- происходит постепенная кристаллизация участников МО вокруг определенных центров силы, представляющих противоборствующие тенденции
- постепенно ослабевает тенденция односторонних военных и военно-политических действий отдельных акторов — государств, организаций, — уступающих постепенно место согласованным действиям групп государств.

Так, вооруженный конфликт на Украине в первой половине 2014 года в полной мере продемонстрировал наличие этих тенденций:

- ослабление роли ООН, ОБСЕ и других организаций (ИКАО, ЮНЕСКО и т. д.);
- возрастание роли НАТО, ЕС «шестерки» и двусторонних отношений США, в том числе в информационной, экономической и другой деятельности;
- консолидация позиций западных стран вокруг позиции США;
- снижение активности односторонних действий.

Более того, если судить о характере военной активности участников ВПО в начале XXI века, то эти тенденции полностью подтверждаются. В частности, если в 2002 году численность

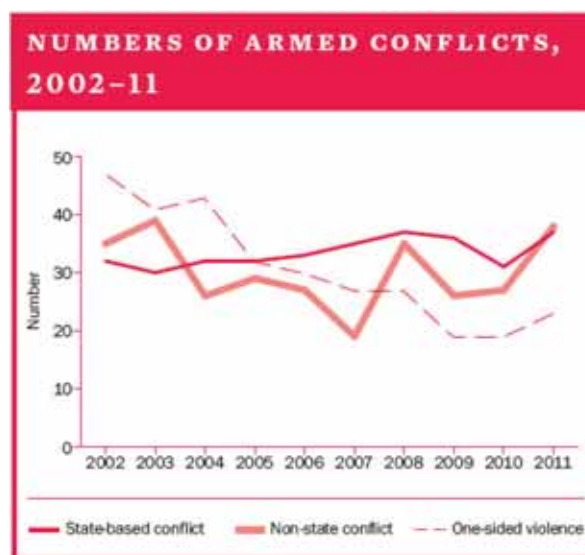

Рис. 10.²³

односторонних акций существенно (на 40%) превышала численность международных конфликтов, то в 2012 году, наоборот, увеличилось и количество акций, предпринимаемых негосударственными акторами (как правило, по инициативе враждебных государств). Это хорошо видно из статистики, подготовленной СИПРИ (рис. 10).

Эти существенные изменения коренным образом повлияли на состояние и перспективы международной и региональной безопасности — важнейшая характеристика состояния и перспектив ВПО в мире²⁴. Характеризуя современное состояние, следует признать очевидное: создание системы евразийской безопасности «от Лиссабона до Владивостока», которое долгое время декларировалось в качестве главной цели, остается и будет в будущем не более, чем политичес-

ким лозунгом, о котором вспоминают каждый раз по соответствующему случаю, но который в ближайшей перспективе не станет реальной политикой в Европе и Евразии.

На деле США консолидирует Запад, создавая исключительно «для себя» систему безопасности, основанную на НАТО, которая в XXI веке расширяется уже не только в Европе, но и в Центральной и Юго-Восточной Азии. Эта система безопасности, созданная США после Второй мировой войны, надо признать, вполне эффективно защищала американско-британские интересы в мире в последние 60 лет, и ни у США, ни у Великобритании нет оснований ее менять в угоду созданию какой-либо иной системы.

Более того, существующая мировая финансово-экономическая система очевидно наиболее выгодна двум крупнейшим мировым финансо-

Табл. 8. Валовой внешний долг, млн долл. США, 2012 г.²⁵

№№	Страна	Значение	
1	Соединенные Штаты Америки	15,680,472	
2	Соединенное Королевство	9,471,208	
3	Германия	5,718,982	
4	Франция	5,370,709	
5	Люксембург	2,711,909	
6	Италия	2,499,602	
7	Нидерланды	2,493,906	
8	Испания	2,278,705	
9	Ирландия	2,163,912	
10	Швейцария	1,563,179	
11	Бельгия	1,423,730	
12	Канада	1,331,262	
13	Швеция	1,039,336	
14	Австрия	808,140	
15	Норвегия	723,066	
16	Российская Федерация	631,784	

вым центрам — Нью-Йорку и Лондону, — которые извлекают максимальную выгоду, управляя мировыми финансами и контролируя основные международные финансовые институты. Так, например, основной внешний государственный долг сохраняется за США и Великобританией, которые «позволили» участвовать в этом процессе Германии и Франции на более скромных условиях.

Как видно из приведенных данных (табл. 8), англо-американский финансовый контроль в мире позволяет США и Великобритании кредитоваться за счет мировой экономики. Очевидно, что подобная ситуация не может устраивать другие страны, прежде всего те, масштабы и темпы роста экономики которых позволяют им претендовать на свою роль в мировых финансово-экономических процессах. Речь идет, прежде всего, о странах БРИКС, которые начали играть все более активную не только экономическую, но и политическую роль. Причем в разных регионах фиксируется разное напряжение между старыми и новыми центрами силы — от наиболее сильного противоречия, назревшего в АТР, до относительно скрытого напряжения в Африке.

Отсутствие эффективных политических механизмов обеспечения безопасности в XXI веке означает, что в действительности для ряда стран такие механизмы созданы и действуют (НАТО–ЕС), а для некоторых — еще только находятся в стадии формирования (ШОС–БРИКС). Так, в «АТР фактически отсутствуют эффективные механизмы обеспечения безопасности на фоне сохраняющегося исторического соперничества между странами региона. Здесь существует не менее десяти застарелых территориальных споров, сохраняются тенденция отхода от режима нераспространения и ядерная проблема на Корейском полуострове. Беспорядки вызывают и односторонние планы создания системы ПРО в Северо-Восточной Азии (СВА)»²⁶ — справедливо фиксирует ситуацию известный специалист М. Титаренко. И далее он продолжает: «Несмотря на обилие международных, региональных и субрегиональных организаций, перед восточноазиатскими странами остро стоит проблема институализации региона. Создание структурированного сообщества сдерживают серьезные разногласия в регионе. Главный вопрос заключается в том, кто будет определять правила игры в этой ди-

намично развивающейся зоне АТР и какими должны быть эти правила»²⁷.

В частности, в рамках «двадцатки», чье значение постепенно становится больше, чем «восьмерки». Как пишет Н. Яковенко, «...при этом аналитики обращают внимание и на то, что если в рамках „восьмерки“ Россия вела партию, по сути дела в одиночку, то в „двадцатке“ — совершенно очевидна активная и солидарная линия стран единомышленников, партнеров, наконец, союзников. Более того, действиям стран Запада в попытке изолировать Россию и не допускать на саммит „двадцатки“ в Австралии, партнеры по БРИКС дали жесткий отпор и осудили практику санкций против России и неприемлемость попыток решать, кто вправе участвовать в саммитах „двадцатки“, а кто нет. На эту ситуацию эксперты отреагировали однозначно: ожидаемый сюрприз для Западной группы стран. Более того, наблюдатели выражают удивление относительно того, что Западные политики не просчитывают такой очевидной реакции со стороны членов БРИКС»²⁸.

По мере изменения соотношения экономических, а теперь уже и политических сил не в пользу Запада, все большее значение приобретает сохранение за США мирового лидерства в области наукоемких технологий и военной мощи, а также тех военно-политических союзов и двусторонних отношений, которые позволяют США говорить о руководстве ими глобальной военно-политической коалицией. Иными словами, сохранение рычагов управления мировыми финансами, торговлей и экономикой во многом зависит от способности обеспечить такой контроль военно-силовой поддержкой, существованием такой системы безопасности для стран-лидеров, которая обеспечивала сохранение геополитического и военно-политического статус-кво в мире.

Угрозу, даже гипотетическую, такому геополитическому статус-кво западные страны рассматривают в качестве прямой и непосредственной угрозе контролируемой ими системы безопасности в мире и способности управлять мировыми финансами, торговлей и экономикой. Кризис на Украине отчетливо показал, как этот механизм действует на практике: достаточно было поставить под сомнение готовность Украины стать на крайне невыгодных условиях частью этого пространства, как были «включены» все механизмы — политические, военные,

Рис. 11.²⁹

финансовые для того, чтобы «исправить» эту ситуацию. «Исправление» этой ситуации предполагается в рамках развития сценария военно-политической консолидации, когда на разных уровнях и в разной степени зависимости от США создается система военно-политических отношений, подконтрольная именно США. Одним из таких примеров может стать политика субрегионального военного сотрудничества в Европе.

Соответственно, надо признать, что без политической и военной интеграции евразийских государств (не вошедших в НАТО или систему военных союзов, создаваемых США), обеспеченной сознательной информационной и культурно-образовательной (идеологической) политикой, обеспечение безопасности в Евразии и проект евразийской интеграции превратится в простое соглашение о торговле. Тем более, что масштабы экономической интеграции в Евразии не являются такими уж впечатляющими. Они очевидно не смогут предопределить геополитическое будущее Евразии сами по себе. Тем более, они не смогут автоматически превратить Россию в центр евразийской интеграции — «российское ядро» всего интеграционного процесса, что хорошо видно из следующих данных (рис. 12).

ДОЛЯ РОССИИ В ЭКСПОРТЕ И ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЯХ СТРАН СНГ (%)

Рис. 12.³⁰

3.3. Сценарий «борьба за контроль над Евразией»

Наши цели являются не только экономическими, но и стратегическими ... ТТП — это абсолютная декларация долгосрочных стратегических обязательств США в АТР³¹.

*Т. Донилон,
помощник Президента США*

В XXI веке ВПО в Евразии стала фактически определять ВПО во всем мире... и в еще большей степени будущую ВПО³².

*А. Подберезкин,
проректор МГИМО(У)*

Сценарий ВПО «борьба за Евразию» является одним из основных вариантов сценария геополитической поляризации, который отличается от других вариантов этой группы следующими признаками:

- **во-первых**, этот сценарий является наиболее острым с военно-политической точки зрения вариантом, фактически исключающим знаковые компромиссы. Так, усиление глобального противостояния отнюдь не означает, что во всех регионах и всегда эти процессы будут доминировать в XXI веке, однако применительно к Евразии и всему обозримому периоду это утверждение будет верным;
- **во-вторых**, этот сценарий имеет более долгосрочный, стратегический характер. Причем не только с геополитической, но и с исторической точки зрения. Это означает, что в отличие от других сценариев геополитической поляризации, сценарий «Борьбы за Евразию» имеет глубокие исторические и нравственно-ценностные корни, уходящие в историю борьбы локальных цивилизаций Запада и Руси еще первого тысячелетия;
- **в-третьих**, сценарий «борьба за Евразию» предполагает противоборство по всему пространству Евразии, включая прилегающие морские акватории, Арктику, транспортные коридоры. Его цель — контроль над этими пространствами и транспортными коридорами;
- **в-четвертых**, этот сценарий, «догоняющей» политики, искаженных представлений, господствовавших в последние годы в СССР и в 1990-е годы в России о роли Евразии и восточных регионов страны, усиления значения АТР в мире. Это исправление в политике правящей элиты России наиболее остро затрагивает формирование ВПО во всей Евразии, когда искусственно преувеличенное значе-

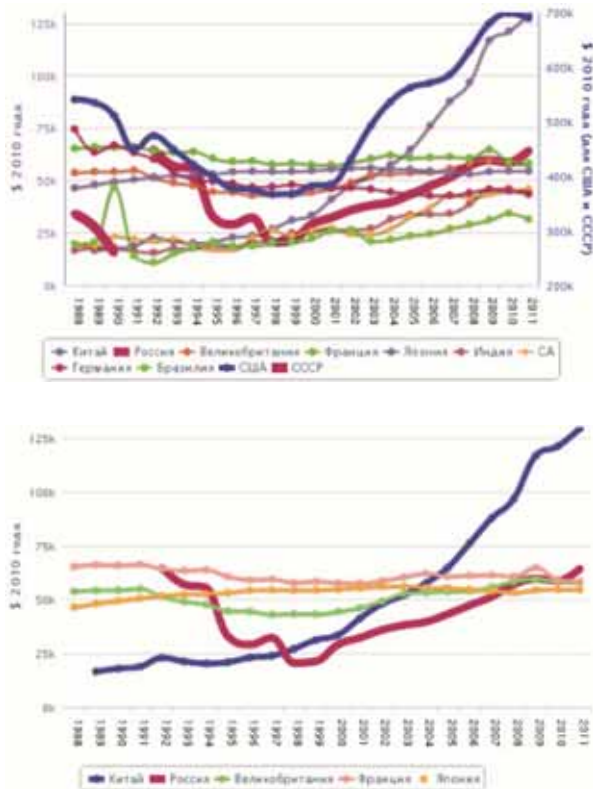
ние Западной Европы привело к откровенному игнорированию интересов восточных регионов страны, Азии, АТР, да и собственно всех бывших советских республик.

Некритическое отношение к прежней политике отражает существовавшую долгие годы инерцию мышления, в которой западной цивилизации и вопросам безопасности, в том числе в области ВПО, уделялось гипертрофированное значение. В качестве примера можно привести цитату одного из авторов, которые дают следующую неадекватную оценку прежней политике: «Оценка центральноазиатского региона в источниках по внешней политике России. С момента образования СНГ развитие отношений со странами-участницами данного объединения, в том числе республиками Центральной Азии, неизменно провозглашалось приоритетной задачей российской дипломатии. Еще до принятия основополагающих документов в данной сфере МИД России действовал на основании провозглашенной А. Козыревым „концепции трех концентрических кругов во внешней политике России“, согласно которой СНГ входило в ближайший круг внешнеполитических интересов Москвы»³³.

«Аналогичный подход прослеживался и в Концепции внешней политики Российской Федерации 1993 г., в которой отмечалось, что СНГ является главным направлением внешнеполитической деятельности Москвы. Связи России с данной группой стран предполагалось вывести на уровень полномасштабных межгосударственных отношений, обеспечивающих их равноправное сотрудничество во всех областях на основе взаимности. При этом Россия изначально допускала возможность развития разноскоростной интеграции в регионе, уделяя приоритетное внимание взаимодействию с Белоруссией, Украиной и одним из государств

Центральной Азии — Казахстаном»³⁴. И далее: наиболее подробная за всю историю оценка целей и принципов внешней политики Москвы на постсоветском пространстве была представлена в утвержденном Б. Н. Ельциным в 1995 г. «Стратегическом курсе России в отношениях с государствами-участниками СНГ» и т. д.

Естественно, что влияние на военно-политическую обстановку при реализации этого сценария будут оказывать те же три группы факторов ВПО а также взаимосвязь и взаимозависимость между этими группами факторов³⁵. При этом очень важное значение будет иметь специфика развития субъектов ВПО в Евразии и отношения, которые формировались между ними в последние десятилетия, включая значение таких новых субъектов МО, как ШОС, БРИКС и ТТП³⁶. Основные тренды и тенденции, формирующие современную ВПО в Евразии, были описаны прежде достаточно подробно³⁷.

Влияние этих глобальных трендов на сценарии ВПО «борьба за Евразию» может проиллюстрировать нарастающая в общем спектре конфликтных проблем борьбы за природные ресурсы проблема дефицита пресной воды которая, как ожидается, будет более острой в Евразии уже в 20-е годы XXI века, чем борьба за энергетические ресурсы.

Рис. 13.³⁸

В силу разного рода объективных и субъективных причин — и это хорошо показали события на Украине 2013–2014 гг. — вопросы безопасности в Евразии станут в ближайшие годы наиболее приоритетной проблемой, которую можно решить исключительно с помощью евразийской интеграции. И не только экономической и торговой — о чем много говорится, — но и военно-политической. Прежде всего, в области ПВО, а в перспективе — ВКО. Альтернативы этому процессу с точки зрения обеспечения безопасности государств Евразии просто нет, хотя пока что он и не находится в системе политических приоритетов. Если согласиться с утверждением, что существование эффективной ВКО равнозначно наличию суверенитета, то нужно признать, что без ВКО понятие «безопасность» теряет всякий смысл.

Таких важнейших причин несколько. И связаны они с изменением в соотношении мировых сил, новой ролью Евразии, развитием ВВТ и новейших технологий, радикальными изменениями основных грузопотоков и мировой торговли. Но главной причиной остается геополитическая ситуация в мире, где роль Евразии вообще и региона, который З. Бжезинский назвал «Европейскими Балканами», стремительно возрастает. Можно по-разному относиться к З. Бжезинскому, в том числе полагая, что его взгляды устарели и не отражают современного понимания американской элитой международных реалий, но представляется, что именно он лучше других показал роль этого региона в современном мире, откровенно и ясно

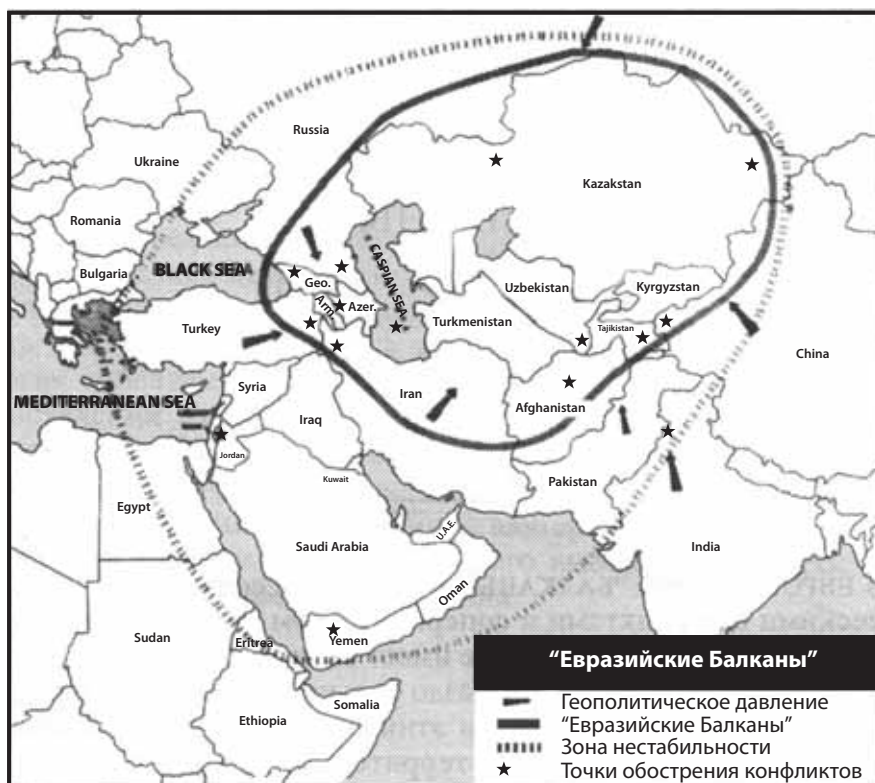

Рис. 14.

изложив существующую, а не декларативную американскую стратегию в Евразии.

В частности, в своей известной книге, название которой политологи часто приводят не полностью, — «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» — он откровенно писал: ... «„Евразийские Балканы“ гораздо больше по своим размерам, еще более густо населены и этнически неоднородны. Они расположены на огромной территории, которая разграничивает центральную зону глобальной нестабильности, ... и включает районы Юго-Восточной Европы, Средней Азии и части Южной Азии, района Персидского залива и Ближнего Востока.

„Евразийские Балканы“ составляют внутреннее ядро огромной территории, имеющей удлинённую форму (см. карту — рис. 14) и весьма серьезное отличие от внешней окружающей зоны: они представляют собой силовой вакуум. Хотя в большинстве государств, расположенных в районе Персидского залива и Ближнего Востока, отсутствует стабильность, последним арбитром в этом регионе является американская сила. Нестабильный регион внешней зоны является, таким образом, районом гегемонии единственной силы и сдерживается этой гегемонией...

„Евразийские Балканы“, расположенные по обе стороны неизбежно возникающей транспортной сети, которая должна соединить по более правильной прямой самые богатые районы Евразии и самые промышленно развитые районы Запада с крайними точками на Востоке, также имеют важное значение с геополитической точки зрения. Более того, „Евразийские Балканы“ имеют серьезное значение с точки зрения исторических амбиций и вопросов безопасности по крайней мере трех самых непосредственных и наиболее мощных соседей, а именно России, Турции и Ирана. Китай также дает знать о своем возрастающем политическом интересе к региону. Однако „Евразийские Балканы“ гораздо более важны как потенциальный экономический выигрыш: в регионе, помимо важных полезных ископаемых, включая золото, сосредоточены огромные запасы природного газа и нефти»³⁹.

Примечательно, что к «зоне нестабильности» З. Бжезинский относит не только страны Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, но и часть европейских районов России (Поволжье) и восточные области Украины. Эпицентром же этого турбулентного региона он справедливо выделяет Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан. Другая причина, объективно

способствующая заинтересованности евразийских государств в создании ВКО, — изменение удельного веса в экономике, торговле и политике стран Евразии и АТР. В том числе и для России. В. Никонов считает, например, что «...в ближайшие пять–десять лет доля рынков стран АТР в России будет, как минимум, сопоставима с европейской, на которую сейчас приходится половина нашей внешней торговли»⁴⁰. Подобные радикальные сдвиги не могут не отразиться на всем комплексе военно-политических отношений в Евразии. Её отдельные регионы уже объявлены приоритетными для национальной безопасности России, США и других государств. Не случайно именно в этом контексте можно рассматривать идею ЕвроПРО. Как пишет академик А. Арбатов, «...очевидно, что ЕвроПРО НАТО, запланированная без участия России и вопреки ее возражениям, не является базой для сотрудничества... А российская ВКО ... будет плохо совмещаться с общей (или сопряженной) системой ЕвроПРО России — НАТО»⁴¹.

Эти процессы происходят на фоне активизации военной политики практически всех евразийских государств. В более широком контексте это относится и к странам АТР, где военные расходы за последнее десятилетие выросли на 100%. Стремительно меняются ВВТ и концепции их использования, растут риски и стратегические неопределенности, усиливается конфликтность практически на всем континенте — от Центральной до Юго-Восточной Азии.

Объективно процесс евразийской интеграции противостоит двум влиятельным существующим в мире военно-политическим реалиям. **Во-первых**, очевидному военно-технологическому превосходству США в XXI веке, которое правящие круги этой страны рассматривают как условие существования этого государства в мире. «Сегодня у Соединенных Штатов нет равных в военной мощи...», — заявил в «Стратегии национальной безопасности США»⁴² в 2002 году Дж. Буш. Надо сказать, что сохранение технологического и военного превосходства США в мире никем не ставится под сомнение в правящей элите страны. Ни демократами, ни республиканцами. Споры идут о том, каким образом развить это превосходство, на каких направлениях и с какой эффективностью. И в этом суть научно-технической политики страны, где приоритеты НИОКР и технологий уже многие десятилетия остаются главными приоритетами.

Во-вторых, США осуществили формирование военно-политической коалиции в Евразии с участием широкого круга государств, обеспечили стремительный рост поставок ВВТ в эти страны, создание объединенной системы ПРО от Австралии до Аляски. США стремятся вовлечь в свою политику (естественно, на своих условиях) многие государства — от Японии и Филиппин до Вьетнама и Монголии, создавая благоприятные условия для проекции своей военной силы на континенте. В частности, как отмечает профессор С. Небренчин, «...переход к постиндустриальной экономике знаний знаменует начало азиатского цикла накопления капитала, а это означает новый виток геополитического противоборства вокруг Евразии, где уже сейчас протекает около 80% войн и вооруженных конфликтов. При этом в эпицентре столкновения глобальных интересов оказывается все постсоветское пространство»⁴³.

Этот процесс развивается стремительно, а его последствия (в том числе военно-политические) проявляются достаточно быстро. Динамика изменений измеряется годами, а не десятилетиями. Так, по оценке китайских экспертов, например, «в 2012 году политико-экономическая ситуация в АТР претерпела глубокие изменения, что существенно сказалось на глобальной политической, экономической, дипломатической обстановке и в сфере безопасности. Судя по ситуации в этом регионе, мир, процветание и сотрудничество остаются главной тенденцией развития, но во внутренней и внешней политике ряда стран внутри и вне региона произошли некоторые изменения, в результате чего обстановка в регионе стала усложняться, а неопределенности — увеличиваться»⁴⁴.

Похоже, что стремительное развитие событий в Евразии и АТР намного опережает прежние оценки, подход к которым формировался в предыдущие десятилетия. Возможно, что правящие элиты евразийских государств просто не успевают осознать то, что происходит в мире, оставаясь в плену инерции мышления. К сожалению, это относится не только к экономическому аспекту отношений, но и к военно-политическому. Известный китайский эксперт Ли Шэньминь по этому поводу написал в конце 2012 года: «США в слепой самоуверенности направили острие атаки против двух держав — России и Китая. Однако в ближайшие годы Америка как государство-империя будет слабеть, и для за-

медления этого процесса ей придется все больше опираться на Европу, Японию и другие страны. Пока сложно предсказать, каким окажется через 20–30 лет результат сотрудничества, конкуренции, игр и борьбы между крупнейшими государствами и группировками мира. Однако уже сейчас ясно одно: с момента начала мирового финансового кризиса и до 20–30-х годов нынешнего века, а возможно и до его середины, мировая архитектура будет находиться в состоянии сильной турбулентности и даже потрясений»⁴⁵.

Средства воздушно-космического нападения в новых геополитических условиях становятся главным инструментом военной политики, а концепции их использования — новыми направлениями в развитии военного искусства. Это — характерная черта, ставшая реальностью еще при ведении военных действий в Югославии и Ираке, но она особенно отчетливо проявилась в войне против Ливии, где основными средствами поражения стали авианалеты и крылатые ракеты морского базирования.

В силу этого средства ПРО и ПВО стали основой потенциалов обороняющихся держав, от качества которых зависело, сможет ли тот или иной режим защитить себя и суверенитет страны. Наличие или отсутствие таких средств изначально рассматривается в качестве главного условия обеспечения безопасности государства. Сильная ПВО Сирии, в отличие от слабой ПВО Ливии, позволила ей сопротивляться внешнему давлению не несколько недель, а более двух лет. Сильная ПРО Израиля позволила ему нейтрализовать потенциал ХАМАСа в течение нескольких дней, фактически сведя на нет политические расчеты на террористические пуски.

Эта же тенденция превращает средства ВКО в политический инструмент и предмет переговоров. Причем в политический инструмент евразийской интеграции. Так же, как в свое время в Европе ядерное оружие и базы США стали главным политическим инструментом при создании НАТО. Учитывая, что удельный вес воздушно-космических средств нападения и обороны в общих военных потенциалах замещает в ряде случаев традиционные средства, можно сделать вывод: они неизбежно станут предметом обсуждения не только на экспертном, но и на самом высоком политическом и военном уровнях. Речь, конечно, идет не только о проблематике ЕвроПРО, но и в целом о ВКО как в евразийском, так и двусторонних аспектах.

Причем не только в традиционном понимании — ограничение ВВТ, — но и в широком контексте, а именно: создание системы региональной безопасности, военно-политического и военно-технического сотрудничества, возможного формирования новых коалиций и союзов, например, в области создания объединенных или даже единых систем ПВО и ПРО. Наравне с набирающими силу в Евразии интеграционными процессами, военно-политическая интеграция в области ВКО может стать главным интеграционным стимулом, оттеснив на второй план даже соображения экономической выгоды.

Возможные переговоры по проблематике ВКО можно условно разделить на:

- функциональные, посвященные отдельным видам наступательных и оборонительных вооружений, например, стратегическим неядерным крылатым ракетам (СКР) или гиперзвуковым летательным аппаратам, а также роли ядерного оружия вообще, в частности, нестратегического;
- двусторонние, посвященные развитию или ограничению ВТС с отдельными государствами Евразии. Классический пример — отказ России от поставок в Иран ЗРК С-300, закупка систем ПВО Сирией, Вьетнамом и другими странами. Это уже признается на Западе. Как отмечает Федерация американских ученых в своем докладе, посвященном обзору позиции «НАТО в области сдерживания и обороны (DDPR)», нестратегические ядерные силы не являются ни причиной, ни решением вопроса европейской безопасности, однако недостаток политического руководства ведет к тому, что эти системы обладают легитимностью, которой они не должны обладать⁴⁶.

«Недостаток политического руководства» выражается в том, что отсутствует сам предмет переговоров — ограничение неядерных стратегических вооружений. Это, в свою очередь, неизбежно ведет к тому, что другие страны начинают (или усиливают) собственное производство таких систем. Так, в течение ряда лет в России фактически не велись работы по ГЗЛА и ударным БЛА, однако, учитывая действия США, руководство страны было вынуждено принять решение о создании холдинга, который будет заниматься разработками гиперзвуковых технологий, в том числе и в сотрудничестве с Индией»⁴⁷.

Эти тенденции практически иллюстрируются тем, что сегодня в США реализуется проект создания высокоточных неядерных систем вооружений, при помощи которых можно поражать любую точку земного шара в течение одного часа (Prompt Global Strike) после получения приказа. Понятно, что создать ВКО всей территории страны (стран) или континента для защиты от десятков тысяч высокоточных КР и ЛА будет малореально, и Россия будет вынуждена отвечать своими СНВ, что, собственно, и было отражено в новой редакции Военной доктрины страны 2012 года.

Важно подчеркнуть, что растущая активность США в военной области вообще, и в области ВКО в Евразии, в частности, являются частью их общей евразийской стратегии дестабилизации и дезинтеграции стран Евразии, которая прикрывается рассуждениями о внедрении в этих странах американской системы ценностей. Так, в докладе помощника госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии Р. Блейка-младшего говорится: «Расширение нашего взаимодействия с правительствами стран Центральной Азии направлено не только на безопасность и экономические вопросы, но неизменно включает в себя откровенные и открытые дискуссии о необходимости политической либерализации, предоставления большей свободы гражданскому обществу, а также о необходимости уважать общепризнанные права человека»⁴⁸.

Процесс евразийской интеграции в узком понимании — как торгово-экономическая интеграция трех стран (плюс, возможно, Киргизии

и Таджикистана) — пока что обходит вниманием проблему создания единой системы воздушно-космической обороны (ВКО) на всей Евразии (ограничиваясь на данном этапе созданием объединенной системы ПВО СНГ), либо, хотя бы, на первом этапе, — на территории постсоветских государств.

Между тем, реалии таковы, что с экономической точки зрения адекватные военные усилия каждого из евразийских государств по отдельности невозможны, так как их потенциалы несопоставимы с возможностями США и их союзников. Это хорошо иллюстрирует сравнение военных расходов США и других стран в 2011 году, из которого видно, что в абсолютных величинах военно-экономические возможности России сопоставимы с возможностями Франции, Великобритании или Японии (71,9 млрд долл. — Россия; 62,5 млрд — Франция; 62,7 млрд долл. — Великобритания и 59,3 млрд долл. — Япония), при том, что относительно ВВП расходы этих государств ниже, чем российские (рис. 15).

Безусловными мировыми лидерами по военным расходам являются США (711 млрд долл.) и Китай (143,0 млрд долл.), чьи доли в мире составляют 41% и 8,2% соответственно. Если же учесть военные расходы других союзников США — Германии, Саудовской Аравии, Италии, Южной Кореи, Канады и Турции, — то становится ясно, что военные возможности России (даже с учетом расходов КНР) никогда не будут в ближайшие годы даже сопоставимы с расходами ведущих развитых государств⁴⁹.

SIPRI Yearbook 2011 - World's top 15 military spenders

Rank	Country	Spending (\$ Bn.) ^[1]	% of GDP	World Share (%)	Spending (\$ Bn. PPP) ^[2]
—	World Total	1,630	2,6	100	1562,3
1	United States	711,0	4,7	41	711
2	China ^Y	143,0	2,0	8,2	228
3	Russia ^Y	71,9	3,9	4,1	93,7
4	United Kingdom	62,7	2,6	3,6	57,5
5	France	62,5	2,3	3,6	50,1
6	Japan	59,3	1,0	3,4	44,7
7	Saudi Arabia ^Z	48,2	8,7	2,8	58,8
8	India	46,8	2,5	2,7	112
9	Germany ^Y	46,7	1,3	2,7	40,4
10	Brazil	35,4	1,5	2,0	33,8
11	Italy ^Y	34,5	1,6	2,0	28,5
12	South Korea	30,8	2,7	1,8	42,1
13	Australia	26,7	1,8	1,5	16,6
14	Canada ^Y	24,7	1,4	1,4	19,9
15	Turkey ^Y	17,9	2,3	1,0	25,2

Рис. 15.

Пытаться соревноваться, имея соотношение в экономических и военных силах 10:1, в принципе бессмысленно. Безопасность будет необходимо обеспечивать асимметричными мерами по наиболее приоритетным направлениям. Таковым

направлением, безусловно, является создание ВКО, способное нейтрализовать как ядерный, так и неядерный стратегический наступательный потенциал. Доля расходов на ВКО в общих расходах на оборону может составлять 15–20%.

3.4. Усиление роли геополитики как синтеза интересов и ценностей локальной цивилизации

Будущее России неразрывно связано с Евразией. Не только в том ее географическом и геополитическом понимании ..., но и в историческом, этнополитическом и ценностном аспектах⁵⁰.

*В. Путин,
Президент России*

... сказывается, что не только евразийская стратегия и внешняя политика России, но и национальная стратегия должны исходить из приоритетов развития восточных регионов России⁵¹.

*А. Подберезкин,
профессор МГИМО(У)*

В XX веке стремительно развивается процесс синтеза интересов и систем ценностей отдельных локальных цивилизаций — западной, исламской, китайской, российской, индийской. Это означает: к вероятности конфликта между странами добавляются противоречия геополитических интересов и ценностей локальных цивилизаций. Как известно, в основе современной системы международной безопасности лежат геополитические интересы и расчеты, в первую очередь учитываемые при развитии любых сценариев ВПО и конкретных стратегий отдельных стран и других акторов МО, а также защита и продвижение систем ценностей локальных цивилизаций и отдельных наций.

По большому счету, геополитические интересы совпадают с системами ценностей локальных цивилизаций и наций, выступают «в комплексе», неразрывно, как единое целое. Причем эта взаимосвязь геополитических интересов и систем ценностей развивается, становится все более тесной, формируя, в конечном счете, общую политико-идеологическую основу стратегии и конкретной внешней политики. Войны и военные конфликты последних десятилетий отчетливо показали, что такая взаимосвязь геополитики (интересов) и систем ценностей стала фактом и решающим фактором формирования политического курса стран, входящих в локальные цивилизации в XXI веке.

Яркий пример такого синтеза — военный конфликт на Украине, который прежде всего является:

- цивилизационным конфликтом выбора вектора развития — «европейской» или «русской» локальных цивилизаций и их систем ценностей, что отчетливо проявилось в социальных и политических отношениях элит не только на Украине, но и в России, Евросоюзе, США и других странах;
- геополитическим конфликтом в борьбе за Евразию, где Украина, в силу географического, исторического и политического значения играет ключевую роль. С этой точки зрения Украина рассматривается в США уж более 25 лет как самый главный приоритет восточно-европейской политики.

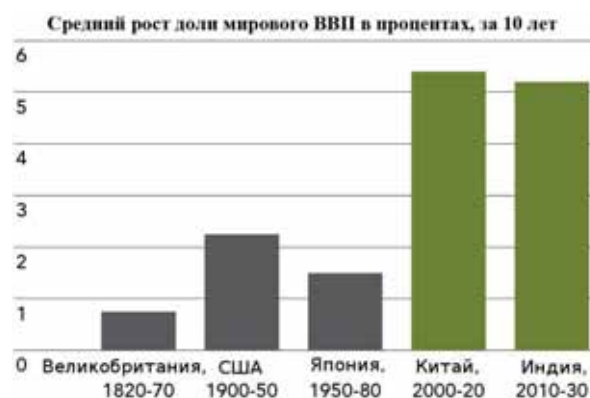
Соотношение военно-политических сил в мире, позиции ведущих государств оказывали решающее влияние на политику тех или иных стран еще до формирования Вестфальской системы. По мере развития человеческой цивилизации роль геополитических факторов возрастала вплоть до приобретения ею доминирующего значения во Второй мировой войне, а в последствии — для доминирующих моделей безопасности⁵². Нарастающее влияние глобальных факторов и трендов мирового развития объективно ведет к усилению геополитических расчетов.

Так, по мнению директора Московского центра Карнеги Д. Тренина, «ситуация в Арктике — нагляднейший пример того, как изменение климата влияет на геополитику. Весь этот гигантский регион, прежде постоянно скованный льдами, теперь открывается для коммерческого судоходства и разработки энергоресурсов. У международного сообщества появляется ряд новых возможностей, но оно сталкивается и с проблемами, ждущими решения. Вопрос сейчас звучит так: приведут ли эти вызовы к сотрудничеству мирового сообщества или обернутся опасным соперничеством в Арктике? Ключевые игроки в регионе — пять литоральных государств (Дания, Канада, Норвегия, Россия и США) и прилегающие к нему страны (Исландия, Швеция и Финляндия) — пытаются воспользоваться новыми возможностями в Арктике»⁵³.

С появлением ядерного оружия и стратегических средств его доставки, геополитика стала не только фундаментом, но и частью внутренней политики даже небольших государств, которые были вынуждены учитывать ее в принятии политических решений. Война в Корее, Вьетнаме, революции на Кубе и в Никарагуа, конфликт из-за Мальдивских островов, на Гренаде и в других районах мира являются яркими иллюстрациями этой тенденции. Таким образом, в XXI веке глобализация и интересы локальной цивилизации привели к гегемонии геополитики, когда любые, даже незначительные события в политике, в экономике и социальной областях, рассматриваются под углом зрения синтеза геополитических интересов и ценностей локальной цивилизации.

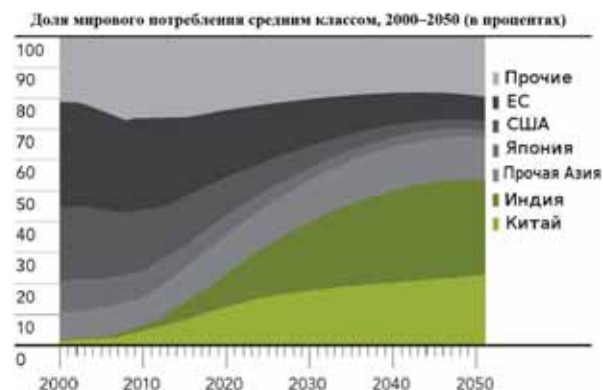
Есть все основания полагать, что по мере усиления новых центров силы проявятся и их геополитическое значение в мире и качественно новая роль в формировании мировой и региональной ВПО. Это видно из данных глобального прогноза, представленных Национальным Советом разведки США в декабре 2013 года, где отчетливо видны глобальные последствия развития ЧЦ. На схеме ниже показано, что Великобритании понадобилось 155 лет, чтобы удвоить свой подушевой ВВП при населении приблизительно 9 миллионов человек в 1870 году. США и Германия потратили на это от 30 до 60 лет при населении в несколько десятков миллионов человек. Индия и Китай подходят к этому уровню темпами, каких никогда не наблюдалось: в 100 раз больше жителей, чем в Великобри-

тании и в десять раз меньше времени. К 2030 г. Азия при таких темпах развития может стать мировым центром влияния, как это уже было до 1500 года.

... но это не совсем «назад в будущее»

Мир изменится по-разному. К 2030 году большинством во многих странах станет средний класс, а не бедные, которые в течение всей истории человечества составляли основную массу населения.

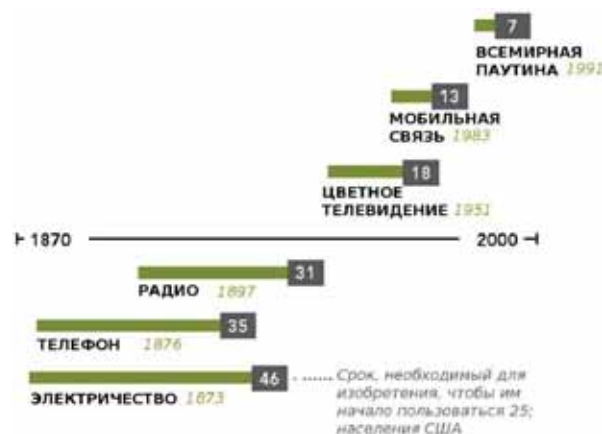

Глобальное население в городских зонах быстро увеличивается. Ежегодно к городскому населению добавляется 65 миллионов человек, что эквивалентно семи городам, равным Чикаго, или пяти городам размером с Лондон.

... темпы технологических изменений ускорятся

Освоение новых технологий американцами будет происходить еще быстрее. Скорость освоения в развивающихся странах также увеличится, позволяя этим государствам перепрыгивать через этапы развития, которые в свое время пришлось пройти развитым странам⁵⁴.

Уже во втором десятилетии XXI века, например, военные расходы в отдельных регионах становятся все более сопоставимыми с расходами прежних лидеров — США и стран За-

падной Европы, что хорошо видно из оценок СИПРИ⁵⁵ (Табл. 9).

Эти изменения свидетельствуют о том, что в перспективе 20–30 лет военные расходы Азии, Ближнего Востока, Восточной Европы и даже Африки станут сравнимыми с военными расходами США и стран Евросоюза. Более того, к 2020 годам, то есть уже фактически в среднесрочной перспективе, ядерные потенциалы некоторых стран будут политически сопоставимы с ядерными потенциалами США, Великобритании и Франции. А возможные технологические прорывы могут привести к тому, что военные потенциалы целого ряда государств окажутся к 2020 г. вполне сопоставимыми с американскими, английскими и французскими.

Таким образом, к 2020 годам будет складываться качественно новая ситуация в мировой и региональных ВПО, которая станет неизбежным следствием развития сценария дальнейшего усиления роли геополитики для других государств. Если вернуться к известному рисунку

Табл. 9. World Military Spending, 2012

Region	Spending (\$b.)	Change (%)
Africa	39,2	1,2
North Africa	16,4	7,8
Sub-Saharan Africa	22,7	-3,2
Americas	782	-4,7
Central America and the Caribbean	8,6	8,1
North America	708	-5,5
South America	65,9	3,8
Asia and Oceania	390	3,3
Central and South Asia	59,8	-1,6
East Asia	268	5,0
Oceania	28,2	-3,7
South East Asia	33,7	6,0
Europe	407	2,0
Eastern Europe	100	15
Western and Central	307	-1,6
Middle East	138	8,3
World total	1756	-0,4

Spending figures are in current (2012) US \$

Принципиальная логическая схема политического процесса и принятия решений

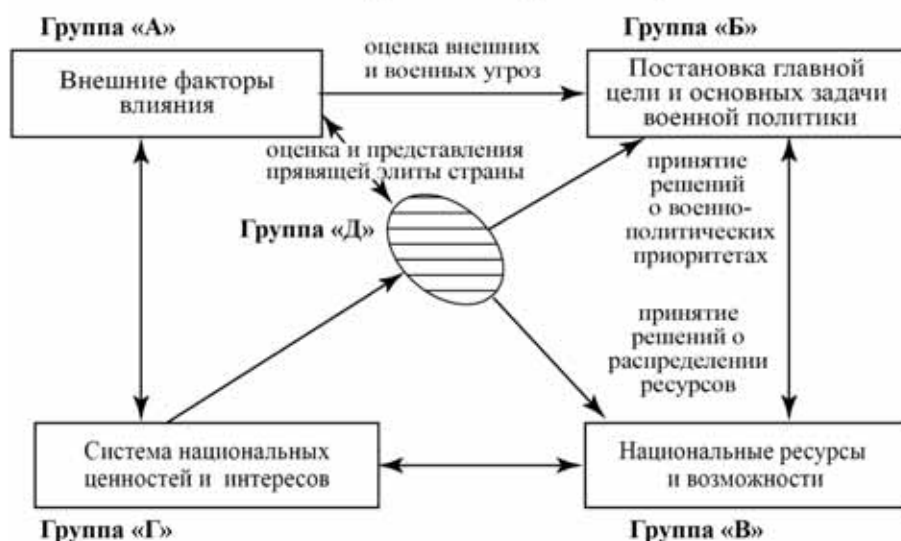

Рис. 16.

(рис. 16), описывающему логическую модель политического процесса формирования МО, то можно констатировать:

- резкое усиление влияния внешних факторов на формирование политических целей и задач и, косвенно, на стратегию акторов и распределение ресурсов (группа факторов «А» и группа факторов «Б»);
- усиление влияния группы факторов «А» на группу «В», то есть на национальные интересы и базовые ценности.

Во втором десятилетии XXI века мы уже стали свидетелями начала этого процесса. Так, в событиях 2014 года на Украине именно геополитические интересы США оказали решающее (по сравнению с другими факторами) влияние на политические цели украинской элиты (окончательная смена политического курса и прежней элиты) и смену национальных интересов и системы ценностей («евромайдан» вместо русофильства). Собственно говоря, это усиление роли геополитики, превращения ее в решающий фактор и сформировало новый сценарий развития ВПО на Украине и в Восточной Европе.

И в этом смысле Евразия и Россия являются не просто подтверждением этой мысли, но и яркой иллюстрацией, которая наглядно показывает реальность такого подхода в области безопасности. В том числе и на множество конкретных примеров, наиболее ярким и последним из которых стали события на Украине 2014 года. Более того, растущее влияние геополитики оказывается наиболее устойчивым фактором, влияющим на формирование ВПО в мире и основные тенденции в развитии ВиВТ, а также в военном искусстве, а также оказывает реальное и сильное воздействие на стратегическое военное планирование⁵⁷.

Достаточно привести лишь некоторые примеры. Так, Франция, например, в середине 2014 года решила направить свои войска в пять бывших африканских колоний. Она же также «задержится» с выводом своих войск из ЦАР

Табл. 10. World Nuclear Forces, 2013⁵⁶

Country	Deployed warheads	Other warheads	Total inventory
USA	2150	5550	~7700
Russia	1800	6700	8500
UK	160	65	225
France	~290	~10	~300
China	—	~250	~250
India	—	90–110	90–110
Pakistan	—	100–120	100–120
Israel	—	~80	~80
North Korea	—	—	6–8?
Total	~4400	~12865	~17270

All estimates are approximate and are as of January 2013.

и Мали⁵⁸. Это поведение определенно свидетельствует в пользу изменений французской внешней и военной политики, которая во все большей степени ориентируется на геополитическую борьбу за Африку, чье значение стремительно возрастет уже к середине XXI века.

Другой пример — создание в РФ отдельного вида ВС — Воздушно-космических войск к 1 января 2016 года⁵⁹, фиксирует фактическое появление единого глобального ТВД (Воздушно-космического пространства), о чем подробнее будет сказано ниже. Очевидно, однако, уже сейчас, что ВКВ станут конкретным инструментом геополитики в глобальном масштабе, когда сфера ответственности этого вида войск распространяется не только на территорию РФ и ее союзников, но и на всю планету, все государства.

С геополитической точки зрения очевиден растущий потенциал военного присутствия США и НАТО в Центральной Азии, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Учитывая удаленность от США, а также создание новых систем воздушно-космического нападения, этот потенциал все больше приобретает черты наступательно-оборонительного стратегического потенциала, используемого в воздушном и космическом пространстве. Этот потенциал — главный ресурс в силовом геополитическом противостоянии в Евразии. Традиционные сухопутные и морские силы в такой стратегии малоэффективны, а геополитические амбиции США столь сильны, что их реализация без угрозы использования военной силы маловероятна. Причем эти амбиции сформулированы не только в концептуальных

наработках ученых и экспертов типа З. Бжезинского, но и в официальных документах.

Как отмечают эксперты, «... идея „Шёлкового пути“ не только существовала, но и была оформлена в проект закона ещё в 1997 г. — задолго до начала войны США в Афганистане. В 1999 г. палата представителей США приняла „Закон о стратегии Шёлкового пути“, и сенат включил его в бюджетный „Закон по зарубежным операциям, экспортному финансированию и связанным с этим программами“ на 2000 финансовый год. (FY 2000 Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act)»⁶⁰.

В целом на всех потенциальных ТВД для России сложилось крайне неблагоприятное соотношение сил, где военные возможности различаются не в разы, а на порядки. Это означает, что должна быть избрана такая военная доктрина и военная стратегия, которые исходили бы из этих реалий. Соответственно, из такой военной доктрины должны исходить и планы военного строительства, которых, по признанию авторитетных экспертов, сегодня нет⁶¹. В частности, необходимо выделить два наиболее приоритетных направления военного строительства — создание эффективной системы ВКО территории страны (и союзников) и развития СЯС. Эти направления должны быть основой обеспечения безопасности России, ОДКБ, СНГ и, возможно, других стран. И в их пользу необходимо перераспределить национальные ресурсы, понимая, что Сухопутные силы, ВМФ, ВВС, ВДВ и другие виды войск становятся вспомогательными видами объединенной ВКО и СЯС.

3.5. Геополитическое противостояние в Евразии

... эти войны (мировые — А. П.) не сразу принимали мировой размах. Ни предшествовала череда военных конфликтов..., взаимосвязанных своей внутренней логикой. Эта особенность ... стала характерной для всех последующих войн...⁶².

Ю. Балуевский,
бывший начальник ГШ ВС РФ
М. Хамзатов,
советник НГШ ВС РФ

Усиление военно-политического давления западной локальной цивилизации на Россию в 2014 году приняло беспрецедентные масштабы, что поставило вопрос о конечной цели такой политики. Если попытаться абстрагироваться от деталей, пусть даже важных, и существенных

оговорок, то, в конечном счете, эту цель можно сформулировать как развал России, ее территориальный раздел и устранение ее влияния в мире, но, прежде всего, ее возможностей консолидировать разные силы вокруг «российского ядра» в Евразии. Соответственно, всю политику

США и ЕС следует рассматривать под углом зрения достижения этой главной цели, подразумевающей, естественно, решение конкретных задач, от которых зависит общий результат.

Целесообразно рассмотреть некоторые из них. В этой связи обращает на себя внимание политическая логика руководства США в отношении Евразии, которая наглядно просматривается в подходе главного информационно-консультативного органа правительства страны — Центрального разведывательного управления (ЦРУ). На официальном сайте этого ведомства Россия (вместе с постсоветскими государствами Средней Азии) представлена как эпицентр Евразии, «за скобками» которого остается европейская часть континента и восточные регионы (Восточная Сибирь и Дальний Восток). Как видно из этой карты⁶³ (рис. 17), Восточная и Центральная, а тем более Западная Европа «отрезаны» от России и даже не рассматриваются в качестве предмета возможной озабоченности.

Сохраняется некоторое беспокойство относительно энергетической зависимости стран ЕС от России, которую США пытаются любыми способами уменьшить. Остановка строительства «Южного потока», кампания в пользу американского сланцевого газа и прочие мероприятия

Рис. 17.

направлены, в конечном итоге, на одну и ту же цель — максимально изолировать Россию в Европе и снизить ее влияние. События на Украине в 2014 году показали, что это США практически удалось. Та карта ЦРУ, на которой изображена Россия, как оказалось, отражает не только географические, но и политические и экономические реалии.

Рис. 18.⁶⁵

Это хорошо видно на следующей карте⁶⁴ (рис. 18).

Параллельно с изоляцией России в Европе, США стремятся максимально изолировать Россию на юге и юго-востоке, создав там очаги антироссийской напряженности. В этом случае Россия окажется отрезанной по Уральскому хребту от Сибири и АТР, в том числе от КНР, превратится в Московское княжество XVI века, о чем откровенно говорят на Западе. Такое представление о месте России в Евразии не случайно. Если исходить из приоритетного геополитического внимания США к среднеазиатским постсоветским республикам, то подразумевается, что их дестабилизация (особенно Казахстана) приведет к распаду России на европейскую и азиатскую часть (у З. Бжезинского — Поволжья).

При этом наиболее развитые районы Южного Урала и Западной Сибири и коммуникации, которые проходят с запада на восток и с севера на юг по Челябинской, Омской, Новосибирской и другим областям, окажутся под непосредственной угрозой. «Транспортные коридоры» — как идея транзита из Европы в страны АТР — также окажутся под фактическим контролем, впрочем, как и основные российские запасы природных ресурсов⁶⁶. Это

геополитическое соображение имеет огромное значение не только (а, может быть, не столько) по отношению к России, но и главному конкуренту США в XXI веке — КНР.

Пока что дружба с Россией обеспечивает КНР:

- благоприятную границу с севера и северо-запада, фактически закрывающую всю сухопутную границу Китая и его воздушное пространство с этих направлений;
- поставки сырья и источников энергии, гарантирующие развитие экономики КНР и существование транспортных коридоров;
- наконец, возможность концентрации на тех районах, где проживает большая часть (94%) китайского населения и находятся соответственно основные интересы безопасности. Как хорошо видно на карте (рис. 19), «зона ответственности» России не затрагивает основные интересы КНР.

Значение транспортных коридоров России в мире и в Евразии огромно и не вполне по достоинству оценено. Так, основу транспортных грузопотоков и пассажиропотоков в мире и в Евразии составляет российская ж/д сеть, на которую приходится более половины перевозок в Европе и в Евразии, а с учетом Украины

Рис. 19.⁶⁷

Табл. 11. Общий объем железнодорожных грузоперевозок (млн тонн-км.) за вычетом пустых частных вагонов, 2011 год⁶⁸

№№	Страна	Значение
1	Соединенные Штаты Америки	2,524,292
2	Российская Федерация	2,127,835
3	Украина	243,866
4	Казахстан	223,626
5	Германия	113,317
6	Польша	53,746
7	Франция	34,200
8	Швеция	22,864
9	Латвия	21,410
10	Австрия	20,345
11	Литва	15,088
12	Румыния	14,719

Рис. 20.⁶⁹

и Казахстана — почти половина мировых грузопотоков по железным дорогам. Что хорошо видно из следующих примеров (табл. 11, рис. 20).

Отсюда возникает колоссальная роль российских транспортных коридоров с запада на восток и с востока на запад, а так же стремительно растущее значение Северного морского пути (СМП) из Европы в Азию и обратно. Собственно экономическое значение ЦА невелико. В том числе и для России. И не стоит его переоцени-

вать с точки зрения евразийской интеграции. Как отмечают исследователи МГИМО(У), «пять Центрально-Азиатских государств создают всего около 11,1% от общего ВВП СНГ, в каждом из них насчитывается не менее трети убыточных предприятий, и каждое обременено международными долговыми обязательствами. В целом, фактически только российское сотрудничество с Казахстаном обеспечено по-настоящему рентабельными проектами, а в других случаях

рентабельность взаимодействия носит условный характер»⁷⁰.

И опять же, возвращаясь к карте 3. Бжезинского, удивляешься ее совпадению с представлениями ЦРУ о роли транспортных коридоров и транзита — сырьевого и промышленного — из Европы в страны АТР. Это подтверждается и другими изображениями политических карт Европы и Азии, на которых Евразия четко делится на две политические части — европейскую и азиатскую⁷¹, в центре которой находятся государства ЦА.

Так, в представлении западных геополитиков Европа и ее безопасность ограничиваются безопасностью государств Западной, Центральной и частью Восточной Европы (включая страны Прибалтики, Белоруссию и Украину), а также Турцией. «За скобками» этой архитектуры безопасности находится российская часть Восточной Европы, Поволжье, страны ЦА и Сибирь.

Возвращаясь к ВКО, точнее, к ее политическим аспектам, во главе угла которых находится формирование коалиции в Евразии, обнаруживаешь, что в настоящее время сотрудничают с США или ведут переговоры о создании и размещении компонентов ПРО следующие страны:

— Великобритания — производит системы радиоразведки и РЭБ, поставляет компоненты

для ПРО США (а также не исключает возможное размещение ПРО США на ее территории);

- Ирландия — поставляет компоненты для ПРО США (поддерживает развёртывание ПРО США в Европе и Японии);
- Германия и Франция — поставляют сложное коммуникационное оборудование для ПРО США (также не исключают возможное размещение ПРО США на своей территории);
- Польша — ПРО США уже строится;
- Эстония, Литва, Чехия — ведутся переговоры по размещению ПРО США;
- Дания — поставляет компоненты для ПРО США (Дания также не исключает, что на ее территории появится ПРО США);
- Финляндия и Швеция — поставляют компоненты для ПРО США (также ведутся переговоры о размещении РЛС);
- Южная Корея — поставляет сложные и наукоемкие микросхемы для ПРО США (Корея также не исключает, что ПРО США появится и на Корейском полуострове);
- Сингапур и Малайзия — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
- Канада — ведёт переговоры с США по размещению ПРО США и интегрированию ПРО Канады в систему ПРО США;
- Япония — поставляет самые сложные компоненты для ПРО США, размещает РЛС, производит ракеты, а также скоро будут размещены ПРО США с ядерными установками в Японии (Хоккайдо);
- Мексика — ведутся переговоры о вступлении Мексики в систему ПРО США;
- Монголия — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
- Азербайджан — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
- Румыния — поставляет компоненты для ПРО США (также ведутся переговоры о размещении ПРО США в Румынии);
- Грузия — ведутся переговоры о размещении ПРО США в Грузии;
- Австралия — строится РЛС США с интегрированной системой «ПРО США — Новая Зеландия — Сингапур — Япония»;
- Словакия — ведутся переговоры о строительстве ПРО США;
- Италия — поставляет ОС для ПРО США (также не исключает возможность строительства ПРО США в Италии);

- Норвегия — поставляет детали и ОС для ПРО США⁷².
- Вьетнам — планируются переговоры по размещению ПРО США.

Это свидетельствует, безусловно, не просто о сотрудничестве, но о формировании крупной военно-политической коалиции, которая (пока что) не имеет ни четких целей, ни участников, но ясно демонстрирует нарастающую тенденцию, в которой особое место отводится Евразии, точнее, странам АТР и Евразии, а в узком контексте — России и Китаю.

Возвращаясь к законодательному обеспечению геополитической стратегии США, эксперты отмечают: «Этот закон обязал исполнительную власть США прилагать все необходимые усилия для построения в регионах Средней Азии и Южного Кавказа „открытых демократических систем“ и „открытых рыночных экономик“. „Открытый“, в терминологии США, значит доступный для американского проникновения. Белому дому было предписано „активно продвигать участие американских компаний и инвесторов в планировании, финансировании и строительстве инфраструктуры коммуникаций, транспорта, включая воздушные сообщения, автодороги, железные дороги, порты, морские перевозки, банки, страхование, телекоммуникационные сети, газовые и нефтяные трубопроводы“. Проекты должны реализовываться силами частного капитала, что подразумевает приватизацию местных ресурсов и инфраструктуры»⁷³.

При этом особое значение придается дестабилизации режимов в Казахстане и других странах бывшей советской Средней Азии, но, прежде всего, все-таки Казахстана, который (как видно из карты ЦРУ) занимает ключевое место в американской геополитике. Не трудно заметить, судя по этой карте, что важнейшие районы Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири (то есть по сути индустриальный и логистический центр России) находятся в непосредственной близости от Казахстана, а транспортные коридоры — «запад-восток» и «север-юг» — проходят через его территорию.

В этой связи понятна и адекватная реакция правительства Казахстана, которое осенью 2012 года закрыло восемь газет, телеканал «К+» и 23 интернет-ресурса за разжигание экстремизма⁷⁴.

В мае 2006 г. с учётом военных реалий «Закон о стратегии Шёлкового пути» был основательно обновлён и дополнен. В частности, США взяли на себя обязательство по «развитию внутреннего оборонного потенциала и обеспечению безопасности границ» государств «Шёлкового пути»⁷⁵. Как объясняют исследователи из вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), «Современный Шёлковый путь» является «частью противобольшевистской стратегии США в регионе». Как и Северная сеть доставки (NDN) — пути снабжения оккупационных войск США и НАТО в Афганистане, проходящие через Россию, которую в Вашингтоне считают первым шагом к реализации «Шёлкового пути»⁷⁶.

Таким образом, «Новый Шёлковый путь» продолжает американскую стратегию Большой Центральной Азии и преследует массу важных целей одновременно:

1. освоение природных ресурсов Афганистана, оцененных геологической службой США в один триллион долларов;
2. получение доступа к рынкам, насчитывающим более двух миллиардов человек — почти четверть населения планеты;
3. строительство капитализма в регионе, многие районы которого находятся на феодальной стадии развития;
4. получение предложения для расширения военного присутствия и размещения военных баз — «для защиты трубопроводов»;

5. перенаправление природных ресурсов региона от Китая в Индию и Пакистан;
6. наконец, создание региональной организации «государств Шёлкового пути» в противовес ШОС и ОДКБ.

Россия незримо присутствует в законе 2006 г., где ставится цель «предотвращения установления любой другой страной монополии на энергоресурсы или энергетическую транспортную инфраструктуру в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, которая бы ограничила доступ США к энергоресурсам»⁷⁷. Другими словами, США и их союзники недвусмысленно заявляют о своих претензиях на контроль над значительной частью Евразии, являющейся в том числе и частью территории России.

3.6. Государственный терроризм как вариант сценария развития ВПО

Некоторые коллеги мне сказали, что им теперь понятно, что «холодная война» никогда не прекращалась, и те, кто в ней победил, ... никогда не отказывались от того, чтобы использовать ситуацию в своих геополитических интересах⁷⁸.

*С. Лавров,
министр иностранных дел России*

Россия и Запад, используя как будто бы один политический язык, иногда перестают понимать друг друга⁷⁹.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

В сентябре 2014 года Президент Польши и министр иностранных дел Франции предложили ограничить право России на использование вето в ООН. Эта инициатива вполне совмещается по сути и времени с односторонним решением США и Франции бомбардировать исламистов в Сирии и Ираке. Таким образом очевидна тенденция: с одной стороны односторонние силовые действия, игнорирующие Устав ООН и нормы международного права США и их союзников, а, с другой, — попытка лишить другие страны законной возможности ограничить такие односторонние действия. Логическая схема такой стратегии Запада вполне укладывается в сценарий борьбы западной локальной цивилизации в XXI веке с другими локальными цивилизациями, в основе которого лежат две осознанно культивируемые политические концепции.

Первая концепция заключается в том, чтобы трансформировать международную сис-

тему безопасности и связанные с ней нормы международного права в откровенно удобную для политики Запада форму. Такая новая форма предполагает:

- а) устранение тех элементов системы международной безопасности, сложившихся после Второй мировой войны и основанных на вынужденном признании военнополитического равенства, которые мешают одностороннему использованию Западом военной силы;
- б) и, наоборот, сознательное стимулирование развитие таких элементов системы международной безопасности и права, которые облегчают возможность политического и военного использования силы.

Вторая концепция предполагает ускоренное развитие военно-силовых возможностей, западной локальной цивилизации, поиск новых форм применения военной силы, средств (ВиВТ)

и расширение спектра вооруженного насилия на гражданские области.

Вторая концепция связана с резким усилением значения качества человеческого капитала и, его институтов в политической, экономической и военной области⁸⁰. Это явление иногда рассматривается слишком узко — только как увеличение значения «мягкой силы» во внешней политике развитых стран, что далеко не раскрывает его подлинного содержания.

Применительно к развитию сценариев ВПО в XXI веке эта тенденция означает, что резко расширяется спектр силовых форм противоборства как за счет милитаризации гражданских, так и за счет создания новых форм. Так, налицо быстрая трансформация общественных (спортивных, культурных и пр.), институтов гражданского общества (развития НЧК)⁸¹ в полувоенные и при необходимости военные организации, но и создание внешне гражданских, а в действительности военных вооруженных формирований. Эти процессы можно проиллюстрировать на следующем рисунке (рис. 21).

Наконец, исподволь создается новая система международной безопасности и права, альтернативная прежней. Она является важным элементом такой стратегии где коалиционная

политика, создание «общего знаменателя» для всех стран, консолидированных с западной локальной цивилизацией, не только на случай военных действий, но и в широком спектре политико-экономического сотрудничества. Типичным примером этому является единая политика Запада в ООН и по отношению к режиму санкций против России.

Эти антизаконные, антиправовые средства по сути представляют собой средства государственного терроризма, которые внедряются в общественное сознание в противоречии с нормами международного права.

Так, США в последние 6 лет 7 раз использовали военную силу против независимых государств без санкций ООН и без объявления войны.

Другой пример: постоянное применение ударных беспилотников в Пакистане, Ираке и Афганистане.

Но, главное, системная поддержка (в т.ч. вооружениями) антиправительственных сил в любой стране мира.

В силовом противоборстве локальных цивилизаций и отдельных государств в XXI веке стремительно усиливается сегмент средств асимметричного противоборства, когда вмес-

Логическая схема стратегии западной локальной цивилизации по усилению влияния военной силы в качестве политического инструмента по отношению к субъектам ВПО в XXI веке

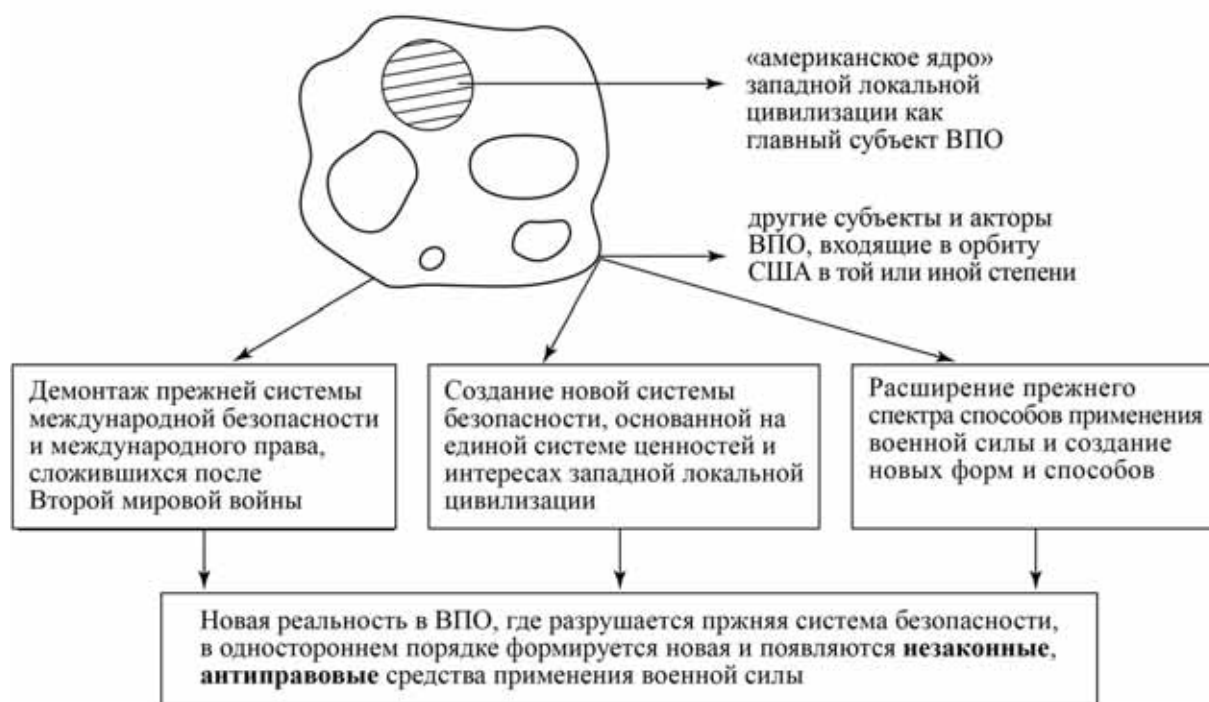

Рис. 21.

то традиционных армий и спецподразделений выступают незаконные вооруженные формирования, а фактически полувоенные общественные организации и корпорации, которые иногда становятся полноправными субъектами МО и ВПО. Так, исламисты на Большом Ближнем Востоке фактически создали свое государство. В Донецкой и Луганской областях оппозиция также создала свое государственное образование.

В этих условиях Запад открыто придерживается политики государственного терроризма, — как политики и идеологии, когда государство (группа государств) по отношению к другому государству (группе государств) или локальной цивилизации, становится основой для формирования одного из вариантов сценариев развития ВПО в XXI веке. Это политика не раз апробировалась США в XX веке, ведь с 1942 года США ни разу не объявляли официально войны, участвуя постоянно в боевых действиях против многих государств.

Подобное обстоятельство и практика в принципе не являются новым явлением в истории человечества. Нашествия Чингисхана, например, можно рассматривать как террор в отношении других государств, не требовавший ни оккупации, ни постоянного присутствия. Террор какого-либо государства или какого-то покровительства другим государством — достаточно эффективная политика. Ему необходимо лишь обеспечить политическое прикрытие и независимость от норм международного права. Как показали события на Украине последних лет, террор в отношении части граждан позволил сложить благоприятную политико-идеологическую атмосферу для проведения откровенно антироссийской политики. Особенно в тех городах и регионах, где были сильны пророссийские настроения.

Противодействовать развитию такого варианта сценария глобального противоборства крайне трудно: до конца не ясен ни противник, ни масштаб, ни средства, ни направления ударов. Можно только догадываться, но практически невозможно ничего доказать.

Размышления о противодействии терроризму, к сожалению, достаточно критичны. Борьба с терроризмом развернувшаяся в России, достаточно бессистемна и хаотична, и, как следствие, малоэффективна. Главная причина — недооценка терроризма как политики, политической практики и идеологии. Идеологии, может быть,

прежде всего. Хотя именно государственный терроризм на Кавказе больше всего угрожал России.

Противодействовать идеологии (в том числе государственной) терроризма, и экстремизма должна прежде всего также идеология, а не «набор мероприятий», издание брошюр и т. п., т. е. как минимум должна быть альтернативная, конкурентоспособная, позитивная национальная идеология. Аналогичная политическая идеология противодействию государственному терроризму должна продвигаться и в мировом общественном мнении, стать постоянным предметом внимания в сотнях международных институтов и организаций. Это означает, что, во-первых, Россия должна создать такую идеологию противодействия государственному терроризму хотя бы на уровне нескольких тезисов, а, во-вторых, постараться привлечь к ней максимальное внимание СМИ, международных и общественных институтов и организаций.

Учитывая, что большинство из них находятся под сильным влиянием Запада, либо под его прямым контролем, эта работа является не просто трудной, но и требующей постоянного политического внимания и ресурсов. Причем эта концепция не должна сводиться только к критике государственного терроризма, но и предлагать свои позитивные варианты взаимоотношений и решения проблем.

Такая позитивная идеология представляет собой систему доминирующих в международном сообществе и в обществе взглядов на национальные цели развития, средства их достижения, систему национальных ценностей и интересов. В этом случае терроризм выступает удивительно точно против главной цели в противоборстве современных локальных цивилизаций и наций — систем ценностей, национальных приоритетов и интересов. Все это объединено в единую систему, называемую идеологией.

Есть ли такая идеология сегодня в мире и в т. ч. у нашей нации? Вряд ли можно признать, что такая идеология действительно есть. Более того, в России до сих пор очень сильна точка зрения вообще, отрицающая эту необходимость. За рубежом, по понятным причинам, у Запада позиция близка к нашим отечественным либералам, которые апеллируют к разным аргументам. В том числе ссылаются на Конституцию РФ, прямо запрещающую, по их мнению, монополию на госидеологию (но отнюдь не на идеологию).

Может быть, поэтому и результаты борьбы с терроризмом достаточно скромны. Трезвая, адекватная оценка позволяет сделать вывод: пока что удалось ограничить масштаб и численность террористических акций, но не сам терроризм как явление. Прежде всего идеологическое. Не осмыслены до конца и возможные меры противодействия терроризму в случае нарастания глобального цивилизационного противоборства, которое становится практической реальностью, как показал кризис на Украине.

Такая национальная идеология должна четко сформулировать главные приоритеты нации и ее систему ценностей, прежде всего, показать «образ желаемого будущего»: какой мы хотим увидеть нацию в будущем, каким критериям она должна соответствовать, какова главная цель ее развития и что должно делать для этого государство. И эта цель должна быть достаточно понятна и конкретна, укладываться в набор простых идеологем. Без этого не удастся консолидировать на элиту, ни общество в условиях нарастающего кризиса.

На мой взгляд, такой главной политико-идеологической целью и высшим приоритетом в противодействии информационному противоборству должен стать человек, развитие и реализация человеческого потенциала⁸². Такая высшая национальная (общественная, государственная, социально-экономическая и пр.) цель предполагает, например, достижение высших показателей в самых различных, но хорошо известных критериях, характеризующих человеческий потенциал — продолжительности жизни, душевом национальном доходе, качестве здоровья и образования, — измеряемыми с 1990 года ООН на вполне объективной основе. Пока что по этим показателям Россия занимает 30–60 место в мире. И эта главная слабость — политическая, экономическая и идеологическая — России⁸³.

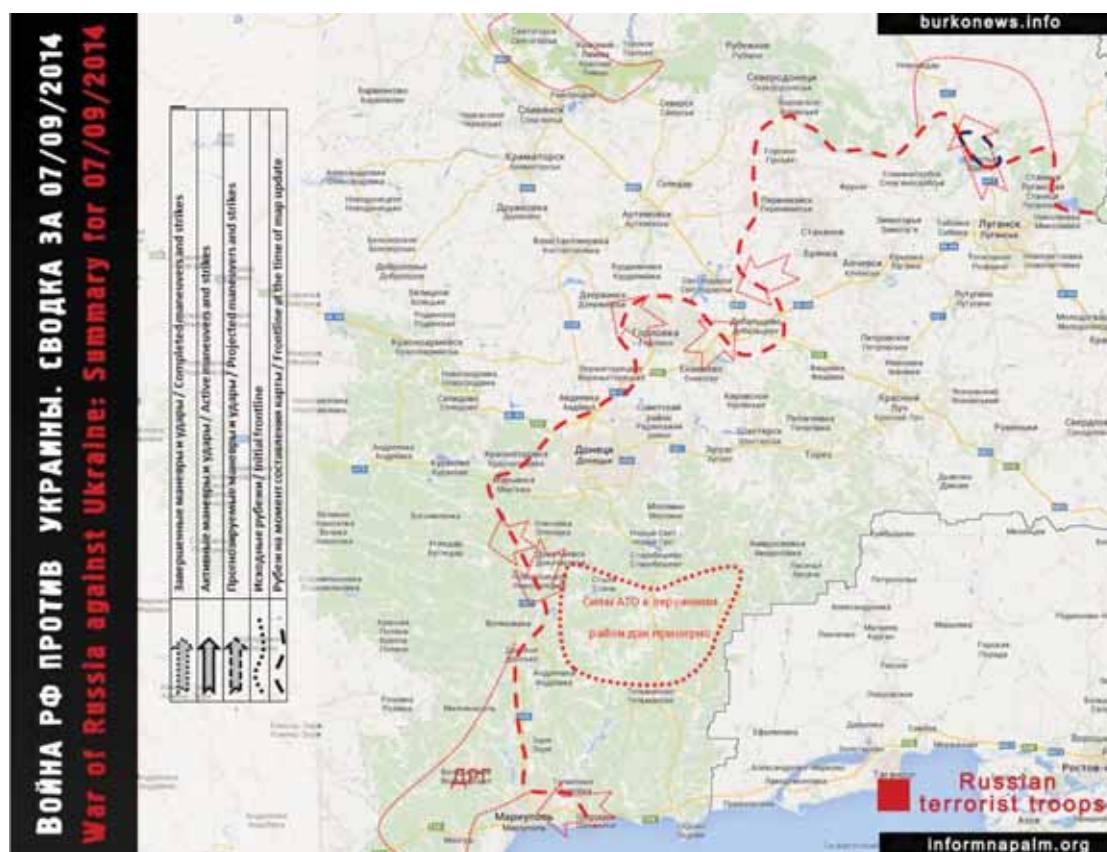
Другая сторона этого вопроса — возможность реализации человеческого потенциала России, что, собственно говоря, и является главной задачей государства и его институтов. Причем понятия «потенциал» и его «реализация» предполагают не только создание максимально благоприятных материальных, но и интеллектуальных и духовных условий. В последние десятилетия особенное значение приобретает содействие развитию и реализации творческих возможностей личностей, которые являются в XXI веке главным средством экономического и социального развития и главным ресурсом развития нации.

Эта же проблема является ключевой при оценке эффективности использования «мягкой силы» в противоборстве локальных цивилизаций. Та цивилизация, нация или государства, которые могут эффективно и лучше других использовать свой национальный человеческий потенциал, его творческие и организационные возможности, та страна окажется безусловным победителем⁸⁴.

В современной вооруженной борьбе и войне роль творческих личностей — акторов, интеллигенции, журналистов, писателей, ученых, спортсменов — оказывается ключевой. Именно они формируют ту или иную общественно-политическую атмосферу в стране, которая может быть пессимистической, настроенной на поражение, либо наоборот. Опыт вооруженного конфликта на Украине показал, что именно пропагандистская и долговременная подготовка идеологической почвы на Украине, направленная в течение 25 лет на формирование специфической украинской «прогонации», зараженной русофобством, позволило сформировать «сначала политические, а затем и военные очаги» противостояния. По сути дела военная конфронтация 2014 года продемонстрировала, где эти «очаги» гражданского противостояния смогли превратиться в «массив» военно-политической конфронтации с Россией, а где они остались «очагами». Карта военных действий на юго-востоке достаточно иллюстративна и, на мой взгляд, во многом совпадает с картой идеологического противостояния на Украине. С той разницей, что в значительном числе регионов Украины к осени 2014 года идеологическое противостояние не переросло в военное. В частности, даже по украинским источникам видно, что военные «очаги» — общее правило идеологического противостояния⁸⁵.

Реализация идеологией творческих и долгосрочных целей во многом предопределяет позицию творческого класса и пассионарной части общества, от которой в конечном счете зависит не только позиция правящей элиты, но и исход противоборства. Соответственно эти творческие, национальные цели не совместимы, прямо противоречат, таким враждебным, антинациональным политико-идеологическим целям, как:

- экстремизм, терроризм, любой радикализм, включая национальный, политический и социальный;
- универсализму, бесконтрольной глобализации в политико-культурной и ценностной областях;

- антинациональной и антигосударственной идеологии, используемой в качестве «мягкой силы» против России;
- идеологии приоритета интересов определенных социальных слоев и групп («классовой идеологии») по отношению к нации и государству.

Таким образом национальная идеология — сильнейшее оружие в противоборстве. Она определенно позиционирует себя так или иначе по отношению к важнейшим идеологическим мировым течениям и косвенно по отношению к системам ценностей локальных цивилизаций, религий, мировоззрений. Поэтому в рамках этой идеологии формируется своя и только ей присущая система взглядов на ключевые проблемы, с одной стороны. С другой стороны, эта система взглядов идеологически (т. е. бескомпромиссно) противостоит другим системам взглядов, в т. ч. основным мировоззренческим школам: социальных — либеральной, консервативной, коммунистической и др., которые так или иначе выступают на стороне противника в нарастающем противоборстве.

Соотношение сил в намечающемся противоборстве во все большей степени будет определяться уже не только материальными факторами — ВиВТ, ВС и т. д., но, прежде всего,

идеологическим превосходством, которое так или иначе трансформируется в моральное или духовно-нравственное.

Отдельно необходимо сказать о средствах идеологии, играющих исключительно важную роль в развитии нации. Прежде всего:

- идеология как средство управления правящей элитой, обществом, институтами государства и общества. Это средство резко сокращает время доведения до объекта информации, позволяет расширить пространственный охват практически до абсолютных показателей, дать простор для творческого развития и т. д.;
- идеология как главный инструмент влияния на когнитивное поведение человека;
- как средство повышения эффективности в работе СМИ;
- как средство в развитии ЧП и его институтов⁸⁶.

Иными словами наиболее эффективными средствами противодействия политике государственного терроризма со стороны западной локальной цивилизации является, направленная на международном уровне на сохранение и развитие системы международной безопасности и норм международного права, а на национальном уровне — на развитие НЧП и повышение эффективности его институтов.

- ¹ Новиков Я. В. Вступительное слово / Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналит. доклад / А. И. Подберезкин, Р. Ш. Султанов и др. М.: МГИМО(У), 2014. С. 5.
- ² Баталов Э. Я. Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2014. С. 597.
- ³ Подберезкин А. И. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки. Аналитический доклад. М.: МГИМО(У). 2014. Август. С. 17–27.
- ⁴ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.
- ⁵ Территория Российской Империи и ее протекторатов в 1800–1917 годах / <http://mapinmap.ru/archives/3041>
- ⁶ Холодная война. Противостоящие друг другу военно-политические блоки на территории Европы / https://ru.wikipedia.org/wiki/%D5%EE%EB%EE%E4%ED%E0%FF_%E2%EE%E9%ED%E0#mediaviewer/File:Cold_war_europe_military_alliances_map_en.png
- ⁷ Карта присутствия НАТО в Европе. (Без Албании и Хорватии вст. В 2009 г.) / apinmap.ru/archives/3151
- ⁸ Цит. по: Латухина К. Просчитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября. С. 2.
- ⁹ Цит. по: Рогов С. М., Шариков П. А. и др. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. 2013. 6 мая.
- ¹⁰ Лавров С. В.: поставлена цель любой ценой вывести Россию из равновесия // ИТАР-ТАСС. 2014. 11 сентября / <http://itar-tass.com/>
- ¹¹ Там же.
- ¹² Саква Р. Диалог и разногласия // Российская газета. 2013. 6 ноября. С. 8.
- ¹³ Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С. 8.
- ¹⁴ Situation brief: the Libyan conflict and its impact on Egypt and Tunisia / United Nation, N.-Y. 2014. 12 August. P. 2.
- ¹⁵ О перспективах развития грузино-российских отношений. Аналитический материал. М.: МГИМО(У), 2014. Август. С. 6–7.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран / Доклад 2012 к обсуждению. 3-е издание, перераб. и допол. М., 2012. С. 40–43.
- ¹⁸ Алексеев Ю. Достойный труд для каждого - необходимое условие развитие человеческого потенциала / Специальный выпуск «Оптима проект». 2014. 21 января. С. 3.
- ¹⁹ Прокофьев В. Ф. К проблеме формирования основных понятий в области информационной безопасности / Генеральный штаб вооруженных сил Российской Федерации Центр военно-стратегических исследований. М. 2004. Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке. Сборник научных статей / под ред. ген. полковника Балуевского Ю. Н. / <http://www.csef.ru/files/csef/articles/719/719.pdf>. С. 388.
- ²⁰ Иноземцев В. Не потерять во времени // Литературная газета. 2014. 17–23 сентября. № 36 (648). С. 9.
- ²¹ Тарасенко П. «Исламское государство» проверяют на ударостойкость // Коммерсант. 2014. 11 сентября. С. 6.
- ²² Аспекты безопасности. 1/2013. С. 9 / <http://nato.w-europe.org/bulleting/SecAspects1-2013.pdf>
- ²³ A summary of SIPRI Yearbook 2013. P. 10 / <http://www.sipri.org/yearbook/2013/filis/SIPRIYB13Summary.pdf>
- ²⁴ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.
- ²⁵ База данных по транспортной статистике ЕЭК ООН / http://w3.unece.org/pxweb/quickstatistics/readtable.asp?qs_id=17&lang=14
- ²⁶ Внешняя политика России: 2000–2020. Научное издание в 3 томах / РСМД. М.: Аспект Пресс. Т. 1. С. 180.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Яковенко Н. БРИКС: Новый расклад в мире / «ИноСМИ». 2014. 30 апреля / <http://www.inosmi.ru/world/20140430>
- ²⁹ Аспекты безопасности. 1/2013. С. 11 / <http://nato.w-europe.org/bulleting/SecAspects1-2013.pdf>
- ³⁰ Едовина Т. Кризис вокруг Украины скажется на кредитных рейтингах стран СНГ // Коммерсант. 2014. 14 мая. С. 8.
- ³¹ Remarks by Tom Donilon National Security Advisor to the President / The Asia Society New York, New York Monday, March 11, 2013.
- ³² Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.
- ³³ Мещеряков К. Е. Внешняя политика России в Центральной Азии: проблемы и тенденции развития. СПб.: Скифия-принт, 2012. С. 5.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014. С. 119–161.
- ³⁶ Подберезкин А. И., Боришполец К. П. Евразия и Россия. М.: МГИМО(У), 2013.
- ³⁷ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014. С. 137.
- ³⁸ Сценарии «Новый взгляд на будущее» Новый взгляд на быстро меняющийся мир «Шелл Интернешнл БВ», 2013 / <http://www.shell.com/scenarios>. С. 36.
- ³⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 149–150.
- ⁴⁰ Никонов В. А. Стена больше не нужна // Российская газета. 2012. 14 ноября. С. 9.

- ⁴¹ Арбатов А. Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 22.
- ⁴² National Security Council. The National Security Strategy of the United State of America. Wash, DC.: USGPO, 2002, September, P. 1.
- ⁴³ Небренчин С. Иран в евразийском контексте внешней политики России / НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 111.
- ⁴⁴ Взгляд из Китая: глубокие изменения в политико-экономической обстановке АТР в 2012 году // «Жэньшинь Жибао. 2012. 28 декабря / Эл. ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>
- ⁴⁵ Китайский аналитик Ли Шэньмин: о глобальной роли США в обозримой перспективе 2012. 20 сентября / Эл. ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>
- ⁴⁶ Non-Strategic Nuclear Weapons. FAS Special Report. № 3 / Эл. Ресурс Федерации американских ученых / <http://www.fas.org/pubs/>
- ⁴⁷ Развитие отечественного гиперзвука — реальность / Эл. ресурс «Военное обозрение 2012. 7 ноября / <http://topwar.ru>
- ⁴⁸ Помощник Госсекретаря США Роберт Блейк — о концепции присутствия США в Центральной Азии. 27 июля 2012 г. Эл. ресурс «Фергана» / <http://www.fergananews.com>
- ⁴⁹ U. S. Military Expenditures US. Other Countries / <http://images.yandex.ru>
- ⁵⁰ Путин В. В. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства обороны. 27.02.2013 / Эл. ресурс «Президент России». 2013. 27 февраля / президент.рф
- ⁵¹ Подберезкин А. И. *Боришполец К. П., Подберезкина О. А.* Евразия и Россия. М.: МГИМО(У). 2014. С. 9.
- ⁵² Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014. С. 161–166.
- ⁵³ Тренин Д. Пять насущных проблем в Арктике / Московский Центр Карнеги. 2014. 1 марта.
- ⁵⁴ Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры / Национальный совет по разведке США. Wash.: 2013. Декабрь. С. 2.
- ⁵⁵ A summary of SIPRI Yearbook 2013. P. 10 / <http://www.sipri.org/yearbook/2013/filis/SIPRIYB13Summary.pdf>
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ См. подробнее: Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.
- ⁵⁸ Франция направит войска в пять своих бывших африканских колоний / Цит. по: Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 20 июля / <http://eurasian-defence.ru/>
- ⁵⁹ Воздушно-космические силы будут созданы в РФ 1 января 2016 года / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 20 июля / <http://eurasian-defence.ru/>
- ⁶⁰ Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 133–134.
- ⁶¹ Рукшин А. Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил // Эл. ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>
- ⁶² Балуевский Ю. Хамзатов М. Глобализация и военное дело // НВО. 2014. 12 августа. С. 9–10.
- ⁶³ Информационный ресурс: «Официальный сайт ЦРУ «The World Factbook» / <http://www.cia.gov/library/>
- ⁶⁴ Инфографика: Андрей Лемешко, Дмитрий Иванов, Олеся Волкова. Данные Fitch. Еврокомиссия // РБК. 2014. 27 августа.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Информационный ресурс: «Официальный сайт ЦРУ «The World Factbook» / <http://www.cia.gov/library/>
- ⁶⁷ Где живет 94% населения Китая? / <http://mapinmap.ru/archives/1684>
- ⁶⁸ База данных по транспортной статистике ЕЭК ООН / http://w3.unecsc.org/pxweb/quickstatistics/readtable.asp?qs_id=53&lang=14
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Боришполец К. П. Перспективы экономического развития государств Центральной Азии. Аналитические записки ИМИ МГИМО(У). 2012. Ноябрь. С. 8.
- ⁷¹ Информационный ресурс: «Официальный сайт ЦРУ «The World Factbook» // <http://www.cia.gov/library/>
- ⁷² Противоракетная оборона США / <http://ru.wikipedia.org/>
- ⁷³ Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 134.
- ⁷⁴ Прокуратура Алма-Аты подала иски в суд в отношении ряда казахстанских и зарубежных СМИ / Эл. ресурс «Казахинформ». 12 ноября 2012 г. // <http://www.inform.ru/>
- ⁷⁵ Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый Шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 134.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Сергей Лавров ответил на предложения «партнёров» ограничить право вето России в Совбезе ООН // Военное обозрение. 2014. 27 сентября / <http://topwar.ru/>
- ⁷⁹ Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 214.

Долгосрочное прогнозирование сценариев развития ВПО

---

⁸⁰ Подберезкин А. И. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО–Университета. 2011. № 2. С. 7–9.

⁸¹ Батанов А. С., Подберезкин А. И., Зоркальцев В. И. Роль институтов Гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России. Русская Консалтинговая Группа. М. 2005. С. 7–35.

⁸² Подберезкин А. И. Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». РАУ-Корпорация. М. 1996.

⁸³ Булатов Ю. А., Мунтян М. А., Подберезкин А. И., Стреляев С. П. Современная Россия: на пути удвоения ВВП. М. 2005. С. 79–91.

⁸⁴ Подберезкин А. И. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО–Университета. 2011. № 2. С. 9–10.

⁸⁵ Террористическая война РФ против Украины. Сводка по итогам 12 сентября 2014 г. / <http://newsme.com.ua/ukraine/2635292/>

⁸⁶ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. I. М.: МГИМО(У), 2012 г.

ГЛАВА 4

СЦЕНАРИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Долгосрочные тренды мирового социально-политического развития человеческой цивилизации зачастую не учитываются в военно-политическом прогнозировании¹.

*Я. Новиков,
Генеральный директор
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей”»*

Сегодняшняя «Большая Европа» не знает острых политических и идеологических противоречий, способных разжечь масштабный конфликт².

*С. Иванов,
руководитель администрации
Президента России*

В XXI веке особенно важное значение приобретает группа вариантов сценария ВПО военно-политической интеграции в Евразии, которое объясняется следующими причинами:

Первое: Западу и всей западной локальной цивилизации не требуется участвовать, а тем более создавать ни международную, ни евразийскую, ни европейские системы безопасности, ни механизмы ее обеспечения — коалиции, союзы и блоки.

Ко второму десятилетию XXI века можно признать, что ему удалось в полной мере реализовать идею безопасности и механизм в том виде, как хотелось. Соответственно новых систем безопасности и союзов Западу не требуется. Более

того, он категорически будет против любых инициатив в этой области. Что подтверждает провал всех инициатив по созданию систем безопасности в Европе, Евразии, роспуску блоков и т. п.

Второе: Учитывая это обстоятельство, Россия заинтересована и должна приложить максимальные усилия в создании альтернативной системы безопасности, включая военно-политические механизмы ее обеспечения — союзы, коалиции, договоренности (особенно в области ВКО, борьбе с терроризмом и т. д.) в т. ч. в политической, научной и экономической областях.

Третье: Безопасность России и возможность сохранения национальной идентичности и суверенитета в XXI веке прямо зависит от результата

Долгосрочное прогнозирование сценариев развития ВПО

усилий по созданию антизападной военно-политической коалиции.

Развитие различных сценариев ВПО и их вариантов в мире во многом предопределяется развитием ВПО в Евразии. Именно на этом континенте в наибольшей степени концентрируются противоречия между всеми основными локальными цивилизациями. На этом же континенте сосредоточены основные мировые ресурсы, включая военные. На этом континенте военно-политическое противостояние в прошлом привело к двум мировым войнам и «холодной войне». Наконец, контроль над этим континентом, безусловно, предопределяет возможность контролировать ВПО в мире, учитывая геополитическое положение основных участников возможного противоборства.

Упрочение этого контроля в Евразии предполагает, что нарождающийся новый центр силы в мире окажется под силовым воздействием со стороны Запада, которое не позволит ему стать альтернативной западному центру силы и локальной цивилизации. При этом спектр способов применения военной силы будет постоянно расширяться, однако в условиях опасности глобального применения ОМУ, эти способы будут во все большей степени ориентированы на специальные военные операции. В специальном пособии по этому поводу демонстрируется следующая «лестница эскалации» (рис. 1).

В настоящее время в Евразии существует единственный масштабный пример военно-политической интеграции стран представителя западной локальной цивилизации. Это Северо-

Рис. 1.³

атлантический союз, который давно уже превратился из регионального блока в глобальную военно-политическую коалицию, фактически взявшую под свою ответственность всю Евразию. Учитывая планы США по созданию ТТП и ТАП, которые могут значительно усилить политически и экономически фланги НАТО, такая геополитическая конфигурация свидетельствует о том, что позиция западной локальной цивилизации по отношению к странам, не участвующим в их системе безопасности (России, КНР, Индии, ряду другим), стремительно усиливается.

Этот же вектор развития Запада свидетельствует и о том, что он не заинтересован в создании каких-либо универсальных систем безопасности, включающих эти страны, более того, будет всячески препятствовать этому. Любые союзы (ТС, ШОС, БРИКС и др.) будут рассматриваться изначально как потенциально враждебные.

Несмотря на это существует не только теоретическая но и практическая возможность широкой военно-политической интеграции в Евразии, более того, создания коалиции как противодействия усилению геополитического влияния США и НАТО. Не смотря на конфронтационное развитие процессов в области международных отношений (а, может быть, и поэтому), сохраняются некоторые возможности создания следующих систем международной безопасности в Евразии:

- с участием всех локальных цивилизаций — «от Лиссабона до Владивостока», своего рода «ОБСЕ в Евразии», включающей все субъекты МО и ВПО на континенте;
- с участием нескольких локальных цивилизаций (НАТО — ТС; КНР — ТС; Россия — Индия; и т. д.);
- с участием нескольких противостоящих локальных цивилизаций друг другу (Индия — ЕС против КНР и исламских государств, например).
- создания военно-политического союза на базе евразийской локальной цивилизации, вокруг «российского ядра»;
- наконец, формирования глобальной евразийской коалиции на базе НАТО, как продолжение развития существующей тенденции обеспечения безопасности, в основе которой лежит безусловное доминирование США.

Если эти и другие возможные варианты сценариев евразийской военно-политической интеграции носят теоретический характер, то последний вариант — расширение НАТО до глобального блока, контролирующего ситуацию в Евразии, — вполне вероятен, конкретен, может быть, даже единственно реалистичен. А потому и особенно опасен, ибо обрекает на неудачу любой иной сценарий евразийской военно-политической интеграции.

4.1. Евразийская общность как основа для сценариев военно-политической интеграции

Кризис идентичности ... характеризуется потерей смыслов и распадом исторически сложившихся идентичностей, появлением новых идентичностей, вступающих в конфликт друг с другом⁴.

Н. Федотова

Разрешение прежних идентичностей локальных цивилизаций Евразии и появление новых может привести к тому, что развитие сценариев ВПО приобретет неожиданный для современных наблюдателей характер «интеграции локальных цивилизаций» Евразии. Этому могут способствовать два серьезных обстоятельства.

Во-первых, понимание того, что в разных локальных цивилизациях могут сосуществовать и менять свое влияние разные идентичности, которые могут оказаться ближе к идентичности

других локальных цивилизаций и даже составить с ними некое общее целое. Это феномен XXI века, не существовавший массово в традиционных цивилизациях и обществах прежде, но все чаще встречающийся в настоящее время.

Во-вторых, общность интересов и совместимость систем ценностей некоторых локальных цивилизаций лежит в основе многих современных процессов, в т. ч. региональной интеграции. Как справедливо отмечает авторитетный знаток Азии, посол и эксперт МГИМО(У) В. Воробьев,

«Интересы шести стран — основателей ... (ШОС — А. П.) сошлись благодаря пониманию острой необходимости соединения усилий как в противодействии транснациональным вызовам и угрозам..., так и в обеспечении условий ... стабильности для развития Центральной Азии»⁵.

Иными словами мы видим, что в основе возможного сценария военно-политической интеграции нескольких локальных цивилизаций Евразии лежат фундаментальные причины — общность интересов и совместимость систем ценностей. Быстрое развитие отношений между странами-цивилизациями в XXI веке в рамках БРИКС и ШОС не случайно. Оно фактически оформляет политически эту общность, причем в самых деликатных ее сферах — вопросах безопасности.

Говоря о долгосрочных перспективах развития такого сотрудничества в военно-политической области во втором десятилетии XXI века, надо иметь ввиду именно этот фундаментальный характер общности, который может дать неожиданно быстрые и динамичные результаты. Эти результаты, как ожидается, могут прогнозироваться при совместимости основных составляющих в модели политического процесса.

Проблема единой системы ценностей как основы евразийской интеграции сегодня очевидно пока недооценивается. Прежде всего в военно-политической области. Забывается, что в основе успешного примера европейской интеграции лежит фундамент общеевропейской системы ценностей, сложившийся в античную эпоху и христианский период развития, а также общие представления о европейской безопасности.

Торгово-экономические аспекты и финансовая выгода — вторичны в этом процессе, что

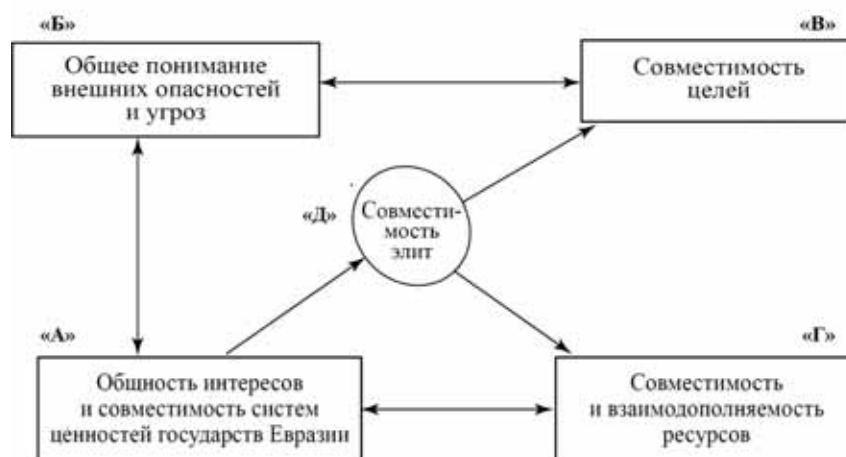
отнюдь не является сегодня общепринятой точкой зрения. Может быть, этим и объясняются некоторые проблемы евразийской интеграции.

Можно констатировать, что в течение многих столетий на огромном евразийском пространстве — от Центральной Европы до Сибири и Казахстана — такая общая система ценностей и безопасности формировалась. Прежде всего потому, что большинство населявших эту территорию народов были некогда частью таких государственных формирований как Золотая Орда, Российская Империя и Советский Союз, а до этого и в другие союзы.

Славяне и кипчатская ветвь тюрских народов — татары, башкиры, казахи, киргизы и другие — тесно интегрировались с русскими в единую культурно-историческую среду. К началу нынешнего века славяне заселили большую часть северо-восточной Евразии. Современные ученые насчитывают 16 славянских народов общей численностью более 300 миллионов человек (русских — более 133 миллионов), составляющих основу 14 государств, а общая численность тюрков — примерно 170 миллионов (из них тюрков-кипчаков — примерно 20%). Недавние исследования генетиков также подтверждают близость генотипов народов, проживающих от Сибири до Центральной Европы. Не случайно в книге Афанасия Никитина «Хождение за три моря» написанной на русском языке, многочисленные абзацы написаны на тюркском (татарском) языке.

Культурно-историческая общность также совпадает с геополитическим единым пространством Евразии, интересами безопасности проживавших и проживающих сегодня на этой территории народов. К сожалению, этот фактор

Модель политического процесса с точки зрения совместимости основных элементов стран Евразии

сегодня также в полной мере недооценивается, когда говорят о евразийской интеграции. Если в основе современной европейской интеграции находится идея формирования общей системы ценностей, которая отодвигает на второй план даже национальные интересы стран Евросоюза, то общность ценностной системы и геополитического пространства Евразии пока что не стала приоритетом интеграционного процесса в Евразии. Хотя вполне могла бы и даже постепенно становиться. Геополитическая общность — фундаментальная основа для единой системы безопасности.

Необходимо признать, что два интеграционных процесса, идущих в Евразии, — в Евросоюзе и на постсоветском пространстве — принципиально не отличаются друг от друга и вполне совместимы. Они не должны противопоставляться друг другу и могут быть при желании объединены в единый процесс, в котором участвуют все евразийские государства от Лиссабона до Владивостока. Проблема в разнице политических подходов, а не системах ценностей, которые пока что искусственно противопоставляются друг-другу, разнице в способах обеспечения безопасности в отдельных регионах Евразии.

Эта разница в политических подходах очень существенна. Суть ее в том, что интересы и ценности одной, западной локальной цивилизации навязываются, в т. ч. силой, другим цивилизациям и нациям, а откровенно преследуемая выгода лежит в основе всей политики. Соответственно сценарий развития ВПО с точки зрения западной локальной цивилизации предполагает активное использование силы против других локальных цивилизаций.

Для развития евразийской военно-политической интеграции на постсоветском пространстве ключевое значение имеют опережающие темпы развития восточных регионов России и транспортной инфраструктуры. Регион АТР превратился в новый мировой центр силы, в котором всё больше концентрируется мощь мировой экономики и торговли. Доступ к странам этого региона для стран Евросоюза, Белоруссии и Казахстана будет во многом определяться степенью развития транспортной инфраструктуры России. И здесь так же огромное значение имеет общность исторических и культурных корней постсоветских государств: не только отсутствие языковых барьеров, общие традиции образования и воспитания, опыт освоения восточных регионов и строительство железных дорог,

портов, аэродромов, но и создание в течение столетий интеграционных и кооперационных связей в промышленности, — всё это говорит о фундаментальной культурно- исторической общности интеграционной основе. Достаточно напомнить о сверхтяжелых карьерных самосвалах, производящихся в Белоруссии.

Сегодня очевидно, что в мире форсированными темпами идут два интеграционных процесса по созданию Трансатлантического и Транс-тихоокеанского партнерства (ТАП и ТТП), из которых исключены постсоветские и многие страны Евразии государства. По сути дела речь идет не столько об экономической интеграции части стран Евразии и АТР, под эгидой США, сколько о борьбе за политический контроль над Евразией. Просто сожалеть о распаде ОВД и СССР — бессмысленно. Нужно формировать геополитику будущего, понимая, что этот процесс будет встречать яростное противодействие, ибо речь идет о контроле над Евразией и в конечном счете о контроле над миром.

Такой контроль подразумевает прежде всего продвижение своей ценностной системы, в том числе и с помощью военной силы, навязывания другим странам норм и стандартов поведения, которые относятся к ценностям иной цивилизации. Политическая борьба за Евразию всё больше приобретает формы культурно-ценностного, цивилизационного противоборства. Победа в такой борьбе будет означать потерю не только суверенитета и контроля над территорией и природными ресурсами (что сегодня вполне осознается), но и, главное, потерю национальной идентичности, разрушение системы национальных ценностей, т. е. уничтожение нации.

В этой борьбе за уничтожение системы евразийских ценностей западной цивилизацией используется все расширяющийся спектр способов применения военной силы — от усиления угрозы потенциального ядерного конфликта и массированного применения неядерных стратегических средств и другого ВТО, до специальных операций по дестабилизации и свержению правящих режимов. Примечательно, что еще в 2010 году в учебном пособии «Нетрадиционные военные действия сил специального назначения» прямо признавалось: «Ведение совместных операций разведчиками из ЦРУ и армейским спецназом в США восходит к Вьетнамской войне и к знаменитому объединению MACV SOG. Военнослужащие сил специального назначения армии

Эскалация развития нетрадиционных военных действий

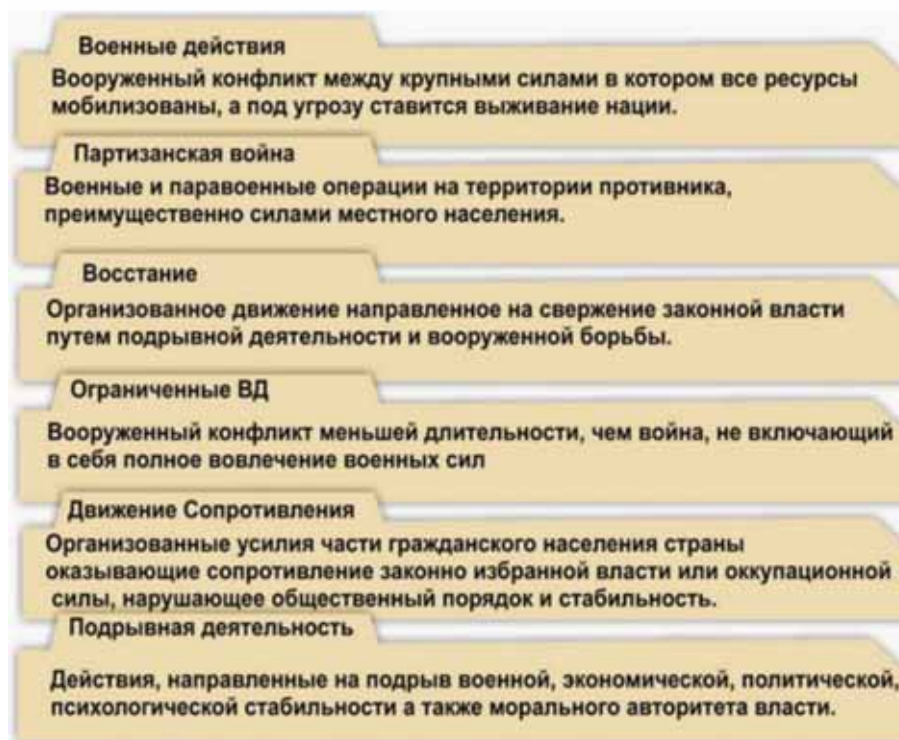

Рис. 2.⁷

Соединенных Штатов специализируются в изучении региональных языков и культур определенных частей мира. В то время, как такие элитные части американской армии как рейнджеры предназначены в основном для выполнения открытых акций прямого действия — армейский спецназ может проводить такие диверсии скрытно»⁶.

В частности, предполагалось, что специальные силы будут участвовать в эскалации напряженности и перерастанию ее в открытый военный конфликт.

Одной из задач специальных сил является изменения внутривнутриполитической обстановки в стране и соотношения сил, поддерживающих режим и его противников.

В этих условиях «альтернативная» евразийская военно-политическая интеграция означает не больше и не меньше как политику сохранения суверенитета и национальной идентичности. Неверный политический выбор неизбежно приведет к размыванию национальной системы ценностей и самоидентификации. Что в целом понимает большинство правящих элит Евразии.

В этой связи для России принципиально важно определиться со стратегией евразийской интеграции, в основе которой должна лежать не

только торгово-экономическая выгода, но прежде всего сохранение общей системы ценностей и культурно-исторического наследия народов Евразии, обеспечение безопасности и суверенитета этих государств. Причем проблема обес-

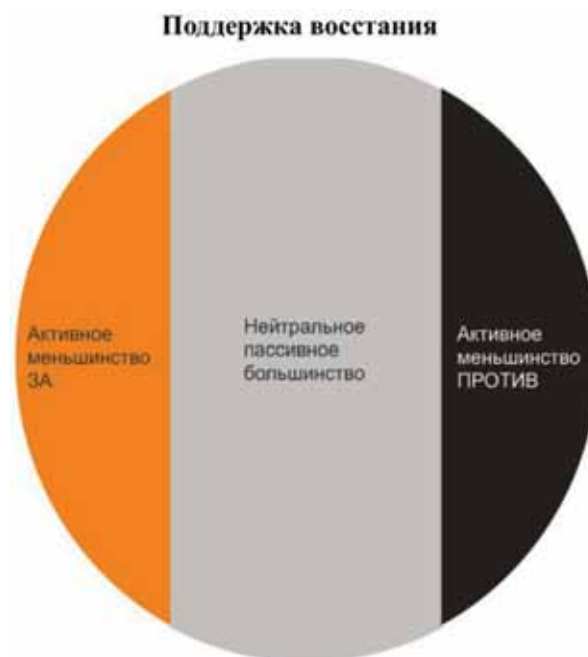

Рис. 3.⁸

печения безопасности (как в свое время в Евросоюзе и в Европе) должна занять главное место.

Собственно военная, гуманитарная, информационная и образовательная составляющие интеграционного процесса в странах Евразии (на которые обращают большое внимание в странах Евросоюза) должны стать государственным и общественным приоритетом, в т. ч. и для ШОС, БРИКС и других международных организаций.

Как показали события на Украине общие интересы безопасности исторические и культурные корни, общие ценности должны сознательно культивироваться на постсоветском пространстве, а не уничтожаться. Не секрет, что нередко мы наблюдаем сознательно направляемые процессы по «переписыванию истории», искажению современной политики союзных государств. Мы должны иметь не только общую историю, но и общее будущее, в т. ч. в области обеспечения безопасности, общие цели и общие ценности, которые базируются на общих корнях и наследии. Мы должны предложить общую систему безопасности, основанную на общей цивилизационной, экономической и социальной модели развития, которая была бы привлекательна и конкурентоспособна по сравнению с американской и западноевропейской моделями — НАТО, ЕС, ТТП и ТАП. Другими словами, мы должны предложить прежде всего привлекательную систему взглядов, т. е. идео-

логию евразийской, политической и военной интеграции, которая стала бы основой интеграционной политики — внешней, военной, экономической, социальной.

Следует откровенно признать, что «российское ядро» должно стать основой евразийской политики безопасности цивилизации и интеграции. Прежде всего потому, что сформированная в России система ценностей, история Евразии демонстрировали на протяжении столетий не только свою устойчивость и универсальность, но и способность учитывать и бережно относиться к национальным системам ценностей, а так же противостоять чужим ценностным системам. Это принципиально важно в эпоху, когда цивилизационно-ценностные противоречия становятся основными в отношениях между государствами, вытесняя нередко даже экономические и военные.

Российская цивилизация кроме того обладает уникальной способностью ненасильственного распространения и проникновения по всем азиатским континентам, что очень важно в условиях резко возросшей роли стран АТР и Центральной Азии. Напомним в этой связи, что «евразийская центрифуга» тысячелетиями «выталкивала» народы с востока на запад евразийского континента. И только русский народ двигался с запада на восток и юго-восток. Всей своей историей он доказал способность к развитию и бережному отношению чужого национального наследия и системы ценностей.

4.2. Сценарий евразийской военно-политической интеграции

Возобновленная программа евразийской интеграции стремится вдохнуть новую жизнь в центристскую идеологию, придав ей экономическую базу и политическую перспективу⁹.

*Р. Саква,
английский политолог*

... ведущие страны мира стали заметно чаще и откровеннее прибегать к силе и угрозе ее применения¹⁰.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Рассматривая сегодня возможность или даже вероятность появления и развития любого сценария военно-политической обстановки (ВПО) в мире можно констатировать некие общие условия, характерные в последние столетия для Евразии, которые могут сохраниться и для прогноза будущих сценариев ВПО:

- Евразия была и становилась эпицентром столкновения как локальных цивилизаций, так и различных вариантов этих локальных цивилизаций. Есть основания полагать, что и будущие войны и сценарии развития ВПО сохраняют эту особенность;
- контроль над Евразией оказывался равноценным геополитическому контролю в мире,

что сохранится, как минимум, в среднесрочной перспективе;

- никогда и никакой анализ не прогнозировал точно и не предсказывал ни масштабов войн и конфликтов в Евразии, ни состав их участников, ни средства ведения войны, ни способы и формы ведения военных действий, т. е. ни один сценарий ВПО не был заранее описан сколько-нибудь точно;
- последние столетия любая война являлась в той или иной мере коалиционной войной даже несмотря на то, что в каждой из коалиций находились свои безусловные лидеры. В еще большей степени коалиции будут реалиями будущих войн и военных конфликтов;
- политические и экономические результаты войн и конфликтов в Евразии для России и православной локальной цивилизации всегда были крайне тяжелыми и объективно ослабляли все страны, входившие в эту цивилизацию. И наоборот — наибольшую экономическую и политическую выгоды получала западная локальная цивилизация.

Изменить эту «традицию» и инерцию развития сценариев ВПО последних столетий может только евразийская военно-политическая интеграция во главе с «российским ядром». Таким образом теоретически возможной и практически реальной альтернативой сценариям противоборства локальных цивилизаций в Евразии может быть возможный сценарий широкой евразийской военно-политической интеграции (в мягкой форме — системы коллективной безопасности в Евразии), предполагающий участие в такой системе большинства государств — европейских, ближневосточных, дальневосточных и пр. «от Лиссабона до Владивостока».

Во многом этот процесс актуализирован в связи с тем, что происходит перераспределение центра силы с Запада на Восток, а также новой ролью стран АТР и восточных регионов России. Это делает задачу военно-политической интеграции в Евразии объективно востребованной. Даже ориентированные долгие годы на Запад либеральные российские политики и политологи вынуждены признать объективность процесса смещения приоритетов России с Запада на Восток, приоритетов, которые долгие годы вынуждали страну искусственно встраиваться в систему ценностей, нормы права и поведения, навязываемые извне. Подобная переориентация, по словам С. В. Лаврова, означает что акценты

в политике меняются «от взамен» на «в дополнение», т. е. не свертывая достигнутых на Западе результатов сотрудничества, акцент делается на развитии восточного вектора в политике. Эту же мысль классический российский западник С. А. Караганов сформулировал следующим образом: «... параллельно с попытками договориться на Западе нужно удесятить усилия по новому освоению Сибири, по выстраиванию новой азиатской экономической и политической дипломатии, по активизации ШОС, интеграции его с ЕврАзЭС, ОДКБ, с китайской идеей „нового шелкового пути“ (к чему Пекин вроде бы склоняется), с южнокорейской идеей „евразийского сообщества“, со сближением с будущим лидером Средней и Центральной Азии — Ираном. Такой поворот будет нелегким для российской европоцентричной элиты. Но попытка интеграции с Западом пока не удалась. Отказываться от Европы, от своих европейских корней опасно для русской идентичности, для развития России. Но не использовать образующиеся на Востоке возможности бесхозяйственно и опасно»¹¹.

Таким образом евразийская военно-политическая интеграция может стать реальной и нетрадиционной альтернативой всем существовавшим сценариям развития ВПО в XIV–XX веках. И только в конце XX и начале XXI века сложились для этого некоторые объективные условия и возможности, которые могут привести к практической реализации сценария военно-политической евразийской интеграции. Логическую схему такого развития можно представить следующим образом (рис. 4).

Как видно из рисунка, евразийская безопасность может быть обеспечена, как минимум, тремя вариантами:

- вариант «а», предполагающий создание системы безопасности в Евразии и высокой степени военно-политического сотрудничества на базе двусторонних или многосторонних соглашений, в т. ч. между ОДКБ и НАТО;
- вариант «б», предполагающий продолжение противоборства локальных цивилизаций и стран не только в различных невоенных областях, но и в военной области. Этот традиционный сценарий в XXI веке фактически предполагает «вытеснение» России из Европы и постоянную уступку политических и экономических позиций;
- вариант «в», эволюция невоенного противоборства в военное противостояние коа-

Логическая схема возможного формирования сценария военно-политической евразийской интеграции и коалиции государств в XXI веке

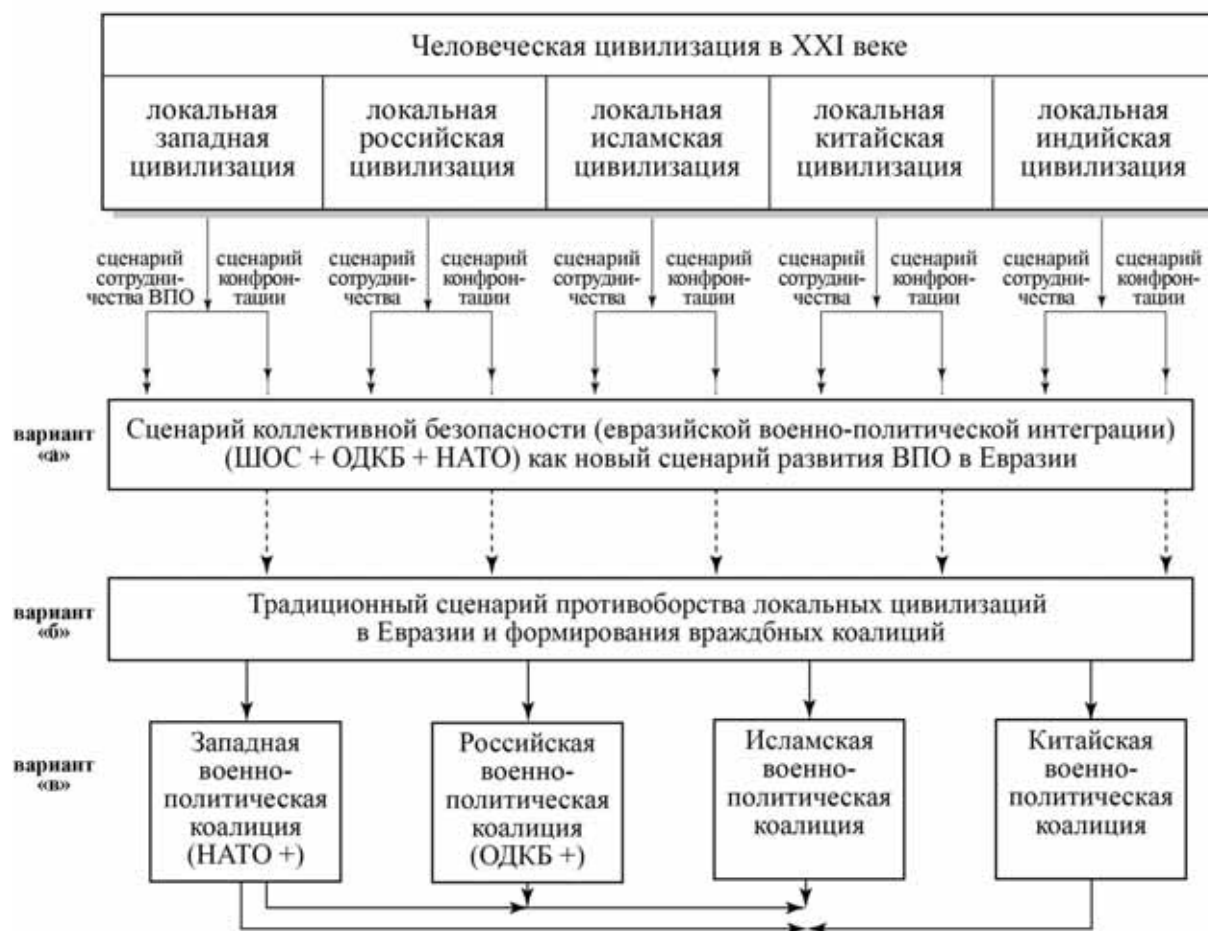

Рис. 4.

лиций государств, во главе которых стоят локальные цивилизации, укрепление НАТО, его расширение, и создание новых коалиций и блоков.

В отсутствии системы евразийской безопасности и отчетливым нежеланием создавать такую, перед странами Евразии, которые не являются членами НАТО возникает трудный выбор. Либо фактически положиться на гарантии США и НАТО, либо создавать универсальную систему евразийской безопасности, опирающуюся на соответствующий военный потенциал коалиции. Пока что прообраз такой системы может рассматриваться в виде ОБСЕ, которая с 1975 года существовала в качестве региональной организации по обеспечению безопасности в Европе. Но эта возможность — очень теоретическая. После саммита 2010 года в Астане, когда была сделана безуспешная попытка создания «евразийского пространства безопасности», стала однако ясно, что констатация «стратегической

неопределенности внутри ОБСЕ, проявившаяся в ... расхождении между государствами-участниками, усилилась в последние десятилетия»¹².

В то же самое время можно констатировать, что в настоящее время в Евразии формально действует множество международных региональных организаций, которые условно можно разделить на следующие группы и категории¹³.

Прежде всего это европейские военно-политические блоки и институты обеспечения европейской безопасности. Таких институтов к 2014 году создано достаточно много не только в Европе, но и в Азии.

Важнейшими военно-политическими блоками и институтами обеспечения европейской безопасности, например, являются НАТО и прилегающие к ней организации (Парламентская ассамблея НАТО, Совет евроатлантического партнерства (СЕАП), ассоциация Атлантического договора и др.), Западноевропейский союз, Евросоюз, Организация договора коллективной

безопасности, Содружество Независимых Государств (СНГ), Совет Европы (СЕ) и Организация безопасности и сотрудничества в Европе, а также различные субрегиональные организации (Союзное государство России и Белоруссии, Европейско-азиатское экономическое сотрудничество (ЕврАзЭС), Совет государств Балтийского моря, Вишеградская группа, Вильнюсская группа, «Сотрудничество центрально-европейских государств» (СЕНКООП), Организация за демократию и экономическое развитие (ОДЭР-ГУАМ)) и т. д. и т. п.

Не трудно заметить, что в разной мере, но все эти организации так или иначе зависят и контролируются США, что позволяет сделать вывод о том, что западной локальной цивилизации во главе с США удалось создать реальную систему обеспечения их интересов и продвижения системы ценностей. Эта система не только очень эффективна, но и обладает монополией, фактически абсолютным правом на обеспечение безопасности в Евразии.

Более того, эта система активно разрабатывает новые способы применения военной силы в условиях отсутствия глобального военного конфликта, прежде всего с помощью сил и средств для проведения специальных операций для дестабилизации ситуации внутри страны и эскалации внутреннего военного конфликта во внешний военный конфликт. Так, в специальном пособии США даются рекомендации по подготовке разведывательных и оперативных ячеек, которые будут в состоянии реализовать эти планы внутри тех или иных государств.

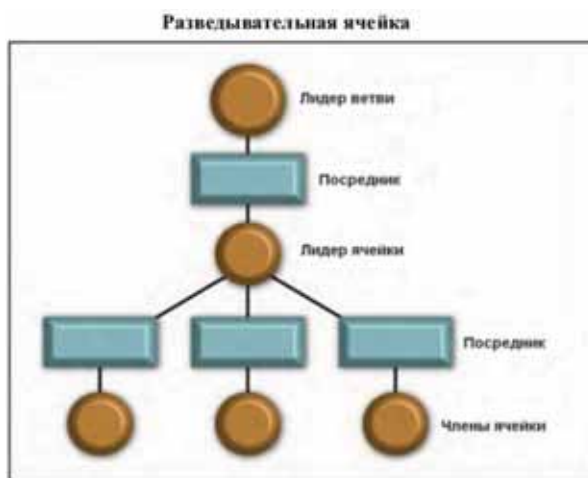

Рис. 5.¹⁴

Как видно на рисунке, на первом этапе готовится разведывательная ячейка, предназна-

ченная для создания условий для работы внутренней оппозиции, а на втором этапе — сами боевые группы.

Рис. 6.¹⁵

В настоящее время этой широкой коалиции в Евразии могут теоретически противостоять четыре локальные цивилизации, объединяющие большинство стран, которые не входят в западный альянс, но не способные эффективно защищать свои системы ценностей и интересы в силу слабой интегрированности и соотношения военных сил. В случае (как планируется) расширения НАТО, интеграции ТТП и ТАП, эти обстоятельства еще больше усилятся и будут не в пользу не западных локальных цивилизаций, что объективно толкает их на формирование собственных военно-политических коалиций.

Однако если рассуждать с практической точки зрения, то даже в среднесрочной перспективе, ни КНР (в силу имперскости), ни ислам, ни индийская цивилизации не могут создать коалиций. Это может сделать только российская цивилизация.

Таким образом для евразийских стран сформирована альтернатива: либо смириться с созданием единственного инструмента безопасности в виде НАТО под руководством США, что предполагает расширение блока и др. мероприятий. Как отмечают некоторые последователи, характеризуя усилия Североатлантического союза по обеспечению европейской безопасности, его военно-политическое руководство основные усилия сосредоточивает на реализации планов трансформации блока в политической сфере, продолжении процесса расширения организации, вовлечении в сферу своей деятельности других государств и международных структур, повышении коалиционного военного потенциала, а также на развитии отношений с Россией в выгодном для Запада направлении¹⁶.

Либо попытаться создать свой собственный механизм обеспечения безопасности, который в реальности может быть создан только на основе евразийской интеграции вокруг «российского ядра».

Это выбор отчетливо проявился в своего рода «стресс-тесте» отношений России и НАТО в ходе конфликта на Украине в 2014 году. Именно в 2014 году на Украине, ЕС и НАТО под руководством США продемонстрировали каким образом будет реализован план контроля над Европой. Как заявил 18 мая 2014 года, бывший генеральный секретарь альянса Андерс Фог Расмуссен в интервью одной из ведущих газет Германии *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, «Мы готовы к любым вариантам развития событий, у нас имеются соответствующие планы обороны. Вы были бы удивлены, если бы увидели, насколько быстро мы можем действовать».

Альянс уже активизировал деятельность на Востоке. Напомним, что после проведения референдума в Крыму НАТО начал патрулирование самолетами радиолокационной разведки системы АВАКС воздушного пространства над странами Балтии.

Руководство НАТО также предоставило Киеву обширную невоенную помощь. «С одной стороны, мы приостановили все практическое сотрудничество с Россией, с другой — решили оставить открытым канал для политического и дипломатического диалога в рамках совета Россия — НАТО. У нас было заседание совета Россия — НАТО 5 марта, после начала кризиса. Мы предложили провести новое заседание в рамках совета. Мы открыты к политическому диалогу», — заявил генсек¹⁷.

Таким образом, в Евразии существует единственный и дееспособный механизм обеспечения безопасности во главе с США, который объективно не заинтересован:

- ни в создании общеевразийского механизма и системы безопасности ни на базе ОБСЕ, ни в форме сотрудничества НАТО–ОДКБ ни в какой-либо иной форме;
- ни в создании ни одной локальной цивилизацией никаких самостоятельных систем и механизмов безопасности;
- в развитии каких-либо сценариев сотрудничества ВПО
- развитии позитивных сценариев ВПО, смягчающих нарастание противоречия.

4.3. Евразийские институты обеспечения безопасности

Нельзя допустить новых разделительных линий в Европе, которые в условиях глобализации превратятся в водораздел между Западом и остальным миром¹⁸.

*С. Лавров,
министр иностранных дел России*

«Перетягивание каната» между конкурирующими центрами силы способно погрузить регион в пучину хаоса на долгие десятилетия¹⁹.

*А. Дуррани,
бывший начальник разведки Пакистана*

Понимание роста внешней военной угрозы и того обстоятельства, что созданная США система безопасности ориентирована исключительно на защиту их интересов, а институты — объективно игнорируют проблемы безопасности других стран, — превратилось в мощный импульс для военно-политической интеграции Евразии, которая однако пока что находится только в зародыше.

Есть основания полагать, что по мере усиления политика США и их союзников по дестабилизации режимов в странах Евразии и попыток взять их под свой контроль, будет

происходить и активизация военно-силовой политики по отношению к этим странам. И не только на Большом Ближнем Востоке и в Центральной Азии, но и в других регионах континента, включая Европу, особенно бывшую территорию СССР. В этой связи обращает на себе внимание этапность военного вмешательства США, которая отчетливо проявилась на Украине в 2013–2014 годах. Как видно на рисунке из Учебного пособия сил специального назначения США, эта этапность соблюдалась очень точно вплоть до 6 этапов — ввода регулярных войск США и НАТО на Украину.

Рис. 7.²⁰

В то же время в Евразии существуют «неевропейские» организации и институты обеспечения безопасности, которые (по мере усиления центра силы в АТР) играют все более важную роль. Это военно-политические блоки и институты обеспечения безопасности в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Такими важнейшими военно-политическими блоками и институтами обеспечения безопасности в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе являются: НАТО, ОДКБ, Шанхайская организация сотрудничества, Лига арабских государств, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Организация Исламская конференция, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), а также различные коллективные органы безопасности и двухсторонние военно-политические союзы с участием США, Китая, Ирана, Японии, Республики Корея и Индии.

Страны, входящие в организацию или участвующие в ее работе, ставят перед собой прежде всего задачу повысить уровень своей защищен-

ности от проявлений всех видов экстремизма. Однако становится все более очевидным, что обеспечение региональной безопасности и стабильности возможно лишь при условии, что контртеррористическая деятельность будет сочетаться с работой по искоренению социально-экономических корней экстремизма и терроризма. С этим связан «экономический акцент» этой организации.

Основой для объединения государств в Лигу арабских государств (ЛАГ) является их национально-этническая и конфессиональная общность. С этих позиций осуществляется деятельность этой организации по обеспечению безопасности на Ближнем Востоке, которая касается прежде всего политических и экономических аспектов.

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) также призван обеспечить безопасность государств — членов организации на Аравийском полуострове. Изначально возникнув как региональная политическая и экономическая организация, ССАГПЗ все больше смещает приоритеты своей деятельности в сферу военно-политической интеграции участ-

ников организации. При этом значительное внимание Совета уделяется сотрудничеству с НАТО.

Организация Исламская конференция (ОИК) имеет целью укрепить исламскую солидарность, обеспечить развитие разносторонних связей между исламскими государствами, а также поддержание мира и международной безопасности.

Страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) стремятся проводить внешнюю политику региональной безопасности, которая не слишком бы связывала их с тем или иным центром силы в Азии. С учетом данного фактора большинство из этих стран поддерживают выгодные для себя политические и экономические связи с США, Японией, Китаем и Россией.

Государствами- участниками АСЕАН признается, что наиболее эффективным способом обеспечения стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, не противоречащим политическим и экономическим интересам различных стран, является создание международных многосторонних диалоговых механизмов. В этой связи членами АСЕАН принимаются определенные шаги по формированию основ таких коллективных органов безопасности.

Большое значение для обеспечения региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе имеет многостороннее сотрудничество в форматах «АСЕАН плюс один» (АСЕАН плюс Россия), «АСЕАН плюс три» (АСЕАН плюс Япония, Китай и Республика Корея), а также Восточно-Азиатского сообщества (АСЕАН+3, Индия, Австралия, Новая Зеландия).

Его эффективность обусловлена высокой степенью взаимопонимания между соседними азиатскими государствами и исторически сложившимися между ними связями.

Значительное место в обеспечении региональной безопасности в Южной Азии также принадлежит Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК).

Для большинства ведущих военно-политических союзов, коллективных органов и институтов обеспечения безопасности в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Шанхайская организация сотрудничества, Лига арабских государств, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Организация Исламская конференция,

АСЕАН, Форум АТЭС, СААРК) характерно усиление значения экономической составляющей.

Это соответствует общей тенденции формирования в этих регионах мира экономических сообществ государств, безопасность которых будет обеспечиваться не только военными средствами, но и заинтересованностью каждой страны в благополучии своих экономических партнеров и стабильной экономической ситуации.

Участие России в военно-политических блоках и институтах обеспечения евразийской безопасности

Значительное место в обеспечении евразийской безопасности занимает участие России в военно-политических блоках и международных региональных политических организациях.

Сотрудничество России с НАТО происходит в рамках нескольких организаций и программ. При этом главным инструментом здесь выступает Совет Россия — НАТО (СРН). В Римской декларации (2002) определены девять приоритетов такого сотрудничества сторон.

Первый — борьба против терроризма. Основа для сотрудничества в этой области — План действий СРН по терроризму.

Второй — урегулирование кризисов. В рамках этого приоритета ключевую роль играет императив оперативной совместимости. В июне 2005 года на встрече министров обороны стран СРН приняты «Военно-политические руководящие указания по укреплению оперативной совместимости между силами России и государств НАТО». Их цель — обеспечить способность к эффективным совместным действиям на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях.

Третий — борьба с распространением ОМУ.

Четвертый — контроль над вооружениями и меры по укреплению доверия.

Пятый — ПРО на ТВД. В этой области уже проведено несколько совместных учений; действует специальная рабочая группа СРН.

Шестой — поиск и спасение на море.

Седьмой — сотрудничество в сфере военных реформ. С 2002 года развивается совместный проект в области переподготовки и трудоустройства российских военнослужащих увольняющихся с военной службы.

Восьмой — совместные действия в случае гражданских чрезвычайных ситуаций.

Наконец, девятый приоритет — научно-техническое сотрудничество и сотрудничество в управлении воздушным движением²¹.

Россия активно выступает за реформирование ОБСЕ в направлении придания этой организации статуса более эффективного механизма обеспечения безопасности в Европе. Сотрудничество России с этой организацией заключается прежде всего в участии российских делегаций в работе и обеспечении иммунитета миссий и наблюдателей ОБСЕ.

Россия является главным инициатором и последовательным сторонником реализации процесса укрепления ОДКБ. Создание Российско-Белорусской и Российско-Армянской группировок войск (сил), Коллективных сил быстрого развертывания в регионах коллективной безопасности является важным фактором обеспечения стабильности в Европейском, Кавказском и Центрально-Азиатском регионах.

Формирование новой системы безопасности в Евразии

Необходимость формирования новой системы безопасности Евразии обуславливается рядом факторов, главными из которых являются:

- обострение военно-политической обстановки в ряде регионов Европы и Азии, сопровождающееся вооруженными конфликтами различной степени интенсивности, которые в свою очередь продемонстрировали ущербность существующей системы евразийской безопасности;
- стремление США затвердить свое глобальное доминирование в политике и экономике, возродить фантомы Советского Союза и «железного занавеса», играть роль мегарегулятора мировой экономики; а также
- усиление геополитического соперничества на постсоветском пространстве и окончательное превращение его из «ближнего зарубежья» РФ в арену международной конкуренции в политике и экономике.

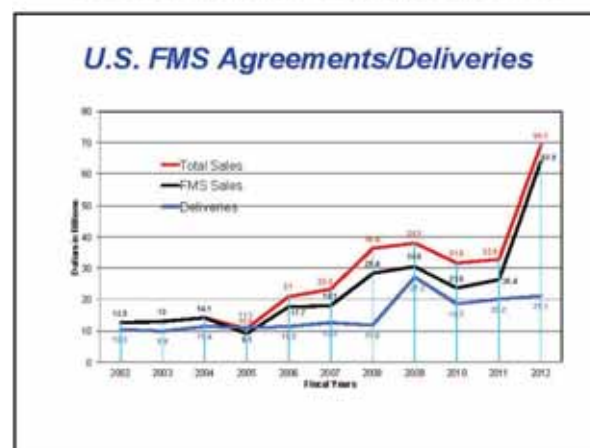
Новая система безопасности Евразии: сущность, составные части и принципы формирования

Политические и экономические кризисы последнего времени свидетельствуют, что существующий миропорядок обуславливает необходимость его серьезной модернизации. Становится все более и более очевидно, в том

числе и на Западе, что нарастает противоречие между глобальным характером современных вызовов и угроз (международный терроризм, наркотрафик, организованная преступность, распространение ОМУ и средств его доставки, региональные конфликты, демографические проблемы, глобальная бедность, нелегальная миграция, изменение климата и др.), которые требуют ответа солидарными усилиями всего мирового сообщества, и существованием однополярной (а другими словами, неоимперской) международной системы, предполагающей одностороннее реагирование по всему широкому спектру международных проблем.

Такое обилие международных организаций в Евразии не сказывается однако на укреплении ее безопасности. Наоборот, в последние два десятилетия мы наблюдаем, как минимум, два опасных процесса.

Defense Institute for Security Assistance Management, 2013

Defense Institute for Security Assistance Management, 2013

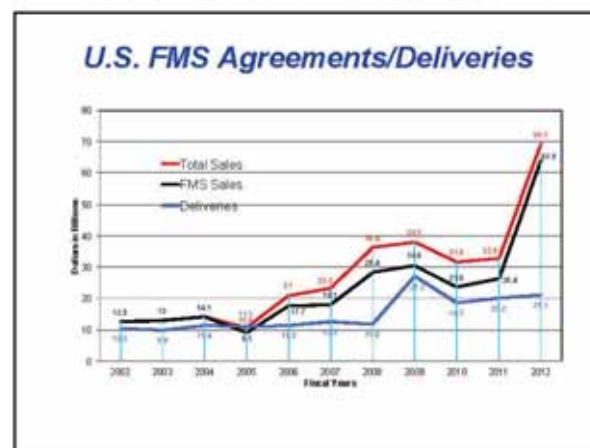

Рис. 8.²²

Во-первых, страны Евразии стремительно наращивают свои военные расходы, а их темпы роста значительно опережают мировые.

Во-вторых, в начале века не только стремительно росли расходы на оборону США (вплоть до 2013 ф. г.), но и экспорт оружия, военной техники и разного рода услуг.

Очевидное нарастание конфликтности и готовности ведущих мировых держав использовать военную силу в Евразии сопровождалось последнее десятилетие стремительным ростом военных потенциалов. Это было видно из фактически удвоения военных расходов за 10 лет, которое произошло практически во всех странах АТР, но, прежде всего, в США, чья доля в мировых расходах на военные цели превысила 40%. Значительная часть этих средств шла на развитие возможностей использования военной силы в Евразии. Так, из запрошенных Б. Обамой на 2013 год финансовых средств (более 650 млрд долл.) почти 80 млрд специально выделялось на обеспечение действий в Афганистане.

Такие процессы милитаризации экономики неизбежно ведут к нарастанию противостояния между локальными цивилизациями сами по себе, не зависимо даже от политических установок, но, взятые вместе с ними, эта тенденция означает нарастание вероятности реализации сценария военного противостояния, более того, делает его реализацию уже в среднесрочной перспективе неизбежным.

Противодействие такому развитию сценариев противостояния в виде осознанного стимулирования развития сценария создания широкой военно-политической коалиции в Евразии — единственная пожалуй, эффективная стратегия для России и ее потенциальных союзников. Эта стратегия должна быть прежде всего публично политически и популярно озвучена и стать реальной общественно-политической альтернативой сценарию военно-политической интеграции западной локальной цивилизации.

4.4. Воздушно-космическая оборона как эффективный инструмент практической евразийской интеграции

Заранее понимая, в каком направлении и в какой динамике будет меняться та или иная ситуация, можно предупредить многие вызовы, а также избежать ошибок и упущений в стратегическом планировании...²³.

С. Нарышкин,

Председатель Государственной Думы ФС РФ

Превращение средств воздушно-космического нападения в глобальное средство ведения войны и защиты от них практически превратило эти средства в синоним суверенитета государств и его способности защитить свои национальные интересы, систему ценностей своей цивилизации и своих союзников. Хронологически этот процесс состоялся в конце XX века: бомбардировки Югославии, Ирака, (в XXI веке) — Афганистана, Ливии, Сирии, Украины и др. стран показали, что только страна, обладающая средствами воздушно-космического нападения (ВКН) и защиты (ВКО), может называться вполне суверенным и независимым государством в военном и политическом отношении.

Учитывая, что эти современные виды и системы ВиВТ производятся в ограниченном числе государств (кроме США и России, способных создавать все виды и системы, некоторыми

возможностями могут обладать Франция, Великобритания, Китай, Израиль, Индия и ряд других государств), обеспечение безопасности в области ВКО становится жестко политически ориентировано. Так, отказ России от поставок Ирану С-300 заставил их создать и производить собственную аналогичную систему, но это, безусловно, не означает, что Иран смог обеспечить свою воздушно-космическую безопасность. Для того, чтобы лучше представить себе масштаб задач, стоящих перед ВКО страны, можно привести видение этой проблемы Генеральным конструктором Концерна ПВО «Алмаз-Антей».

В XXI веке наиболее актуальной угрозой в Евразии стала угроза воздушно-космического нападения, возможные сценарии которой были уже апробированы США в Ираке и Ливии. Наземные операции в Афганистане, Ираке, других странах, показали свою неэффективность, даже

Рис. 9.²⁴

Рис. 10.²⁵

Рис. 11.26

Рис. 12.27

Рис. 13.²⁸

вредность. Понятно, что единственным реальным средством противодействия воздушно-космическому нападению становятся средства ВКО. Они же, будучи оформлены в адекватную военную доктрину, могут стать и главным инструментом военно-политической интеграции в Евразии, т. е. помочь реализовать сценарий военно-политической интеграции в Евразии. Это может быть тот редкий случай, когда внешне выглядевшие военно-технические решения становились влиятельными средствами политики. Решение этой задачи однако под силу лишь нескольким государствам, либо коалициям. Система ВКО предполагает, в частности, разработку, создание, развертывание и эксплуатацию следующих основных подсистем, которые показаны на рисунке (рис. 10).

В свою очередь подсистема единого информационного пространства ВКО представляет собой архисложный «пирог» из информационных систем (рис. 11).

В этой связи необходимо рассмотреть аргументы в пользу этой идеи. Идея, которая может стать главным инструментом евразийской интеграции и лечь в основу общей военной до-

ктрины и планов военного строительства военно-политической коалиции в Евразии, противостоящей НАТО.

1. Ни одна из стран любого союза, включая СНГ, в силу финансовых научно-технических, технологических и иных проблем, не способна обеспечить создание ВКО своей национальной территории самостоятельно, без сотрудничества с Россией и другими государствами СНГ и Евразии.

Уровень такого сотрудничества вместе с тем определяется прежде всего уровнем военно-политического и научного сотрудничества, общностью системы ценностей и пониманием необходимости усиления позиций в конкуренции этносов в Евразии, способностью конкурировать с противостоящими силами. Простой пример. За последнее десятилетие XXI века военные расходы США выросли с 300 до 700 млрд долл., а расходы на разведывательную деятельность — 80 млрд долл.²⁹, что составляет половину мировых расходов. Соответственно противопоставить аналогичные научно-технические программы будет стоить, как минимум, столько же.

Другие союзники США — Япония, Великобритания, Франция, Германия — тратят на военные цели примерно столько же, сколько Россия, а Канада, Саудовская Аравия, Южная Корея — несколько меньше. В целом же военные расходы США и их союзников примерно в 20 раз превышают российские, что делает военное соревнование по всем направлениям военного строительства бессмысленным. Неизбежно придется выбирать и концентрироваться на одном-двух направлениях. Вероятнее всего, на ВКО и СЯС, которые во все большей степени превращаются в единый стратегический комплекс.

Вместе с тем евразийская кооперация может позволить странам не только создать национальные системы ПВО и ПРО, но и объединенную систему ВКО Евразии.

Другими словами, потенциально у Евразии есть организационная и промышленная структура, способная при определенных условиях решить задачу евразийской ВКО.

2. Последние 20 лет продемонстрировали, что военная сила развитых государств, активно использовавшаяся США и их союзниками против Югославии, Ирака, Ливии и других государств, представляет собой прежде всего способность к нанесению высокоточных ударов авиацией и крылатыми ракетами (КР), а ее нейтрализация зависит от развитой системы ВКО.

В последние годы этот потенциал пополняется новыми типами ВТО, чья скорость и дальность существенно увеличены. Эти новые типы и системы оружия, разрабатываемые в рамках концепции «Быстрого глобального удара», например, гиперзвуковые аппараты и КРМБ, позволяют наносить неядерные высокоточные удары по любой точке планеты в течение часа³⁰.

Важно отметить, что эти программы переходят из стадии разработок и испытаний в стадию полномасштабного развертывания, которая уже измеряется не десятилетиями, а годами. Иначе — формирование потенциала для воздушно-космического нападения и защиты от уцелевших средств противника перешло в заключительную фазу.

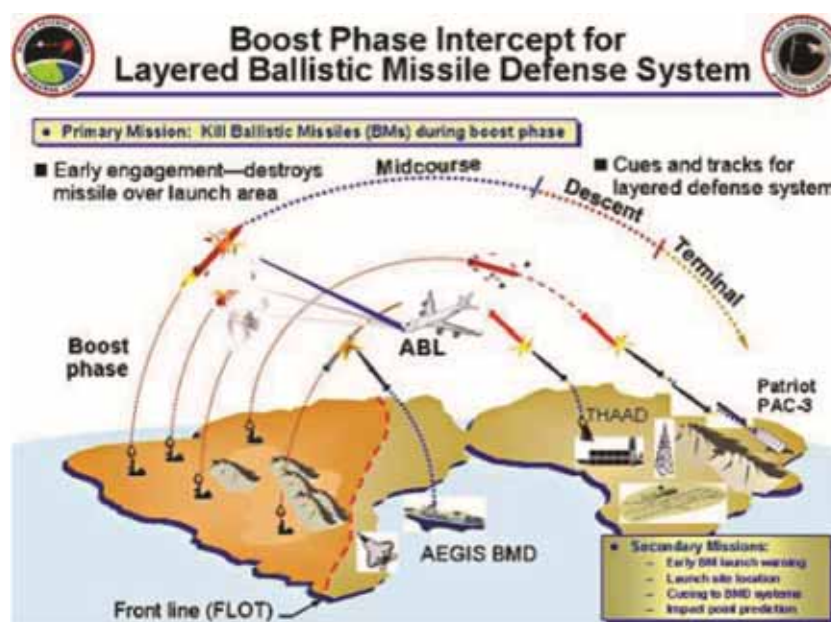
Аргументы о том, что эти системы направлены против Ирана, не выдерживают критики. По признанию представителей Пентагона, ракетные потенциалы Тегерана надежно нейтрализованы 24 батареями системы ПВО/ПРО «Пэтриот», размещенными в шести государствах Персидского залива (это от 96 до 384 ракет в зависимости от их типа); корабельными ракетами-перехват-

чиками ВМС США SM-3 с БИУС «Иджис», расположенными в его зоне (боекомплект до 300 ракет, поскольку в Аравийском море постоянно находятся несколько таких кораблей), а также эффективными средствами ПРО Израиля. «Возражай, не возражай против такой мощной противоракетной инфраструктуры — она все равно уже развернута»³¹, — считает В. Козин.

К этому надо добавить еще две батареи противоракетной системы ТНААД (в общей сложности 96 ракет-перехватчиков с двумя РЛС), которые США решили в конце декабря 2011 года поставить ОАЭ на сумму 3,48 млрд долл. В 2011 году Вашингтон дал добро на продажу Кувейту 209 ракет «Пэтриот» повышенной точности GEM-T-104E, а также на замену ракет «Пэтриот» PAC-2 на PAC-3 в Саудовской Аравии. О потенциальных возможностях Пентагона по сдерживанию «иранской ракетной угрозы» говорит также тот факт, что в период войны против Ирака в 2003 году Соединенные Штаты сконцентрировали в зоне конфликта в общей сложности 1015 ракет-перехватчиков ЗРК «Пэтриот» PAC-2 и 54 ракеты PAC-3³².

Особенно дестабилизирующими станут новые типы противоракет SM-3 ПВ, которые будут предназначены для перехвата баллистических ракет. Как показали слушания в Конгрессе США в феврале 2013 года, эти ракеты «будут обладать значительно большими возможностями, чем предыдущие типы SM-3»³³. Обращает на себя внимание и то, что в ходе доклада отмечается, что наиболее эффективной дислокацией этих ракет признается размещение на судах ВМС США в Северном море, что абсолютно дезавуирует идею «иранской угрозы» с юга.

Собственно в создании интегрированного — наступательного и оборонительного потенциала в Евразии и по периметру ее границ — аккумулируются сегодня основные усилия США. Причем этот потенциал переходит в плоскость возможности его практического использования. Осенние учения 2012 года успешно продемонстрировали возможности США по отражению ракетной угрозы, состоящей одновременно из пяти целей и ракет различного радиуса действия. Эти испытания укладываются во второй раунд создания глобальной системы ВКО США и заключаются в отработке всех систем региональной ПРО, которая будет реализовываться сначала в Европе и Юго-Восточной Азии. Так как система имеет значительную мобильность, то возможности ее использования не ограничиваются только этими

регионами, и она может быть развернута практически в любой точке мира. Практически это означает, что по периметру Евразии формируется глобальная система ВКО США.

Впервые установки типа THAAD отразили угрозу удара ракетами средней дальности (MRB), комплекс Patriot Advanced Capability-3 (PAC-3) уничтожил крылатую ракету малой дальности (SRBM), двигавшейся на предельно малой высоте вдоль водной поверхности.

Демонстрация боевых возможностей региональной системы ВКО была проведена в районе атолла Кваджалейн и прилегающей к нему западной части Тихого океана, что позволило отработать действия комплекса ПРО морского базирования (Aegis Ballistic Missile Defense (BMD), а также системы THAAD и PATRIOT на островах и мобильных морских платформах.

Это означает, что в ближайшие 3–5 лет у США и их союзников появится военно-техническая возможность использования военной силы в Евразии в любой точке по своему усмотрению в любое время и против любого противника. Иран, КНДР или Афганистан, конечно, не являются главными целями такой политики. Уже имеющихся у США в настоящее время средств вполне достаточно, чтобы решить эти задачи. Главной целью являются Россия и Китай, точнее, их возможность контролировать ситуацию в Евразии и АТР.

Единственным практическим средством нейтрализации угрозы воздушно-космического нападения становится создание объединенной системы ВКО евразийских государств, если,

конечно, исходить из того, что эти страны хотят сохранить свой суверенитет во внутренней и внешней политике.

3. В последнее десятилетие складывается ситуация, когда США фактически создают единую систему ПРО вокруг и в самой Евразии, состоящую из отдельных территориальных систем в Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Предположительное завершение создания единой системы ПРО к 2020 году может привести к такой ситуации, когда США смогут без особого риска использовать во всей Евразии высокоточные системы наступательных вооружений, превратив их фактически в потенциал первого, «разоружающего» удара. Традиционное ядерное сдерживание перестанет существовать, а вместе с ним и последний атрибут великой державы для России. Вместе с тем, ряд экспертов, например, академик А. Арбатов, полагают, что имеющиеся у России комплексы средств преодоления ПРО (КСП ПРО) уже сегодня «на порядок более эффективны...», чем запланированная к 2020 году система США/НАТО»³⁴.

Думается, что эти оценки излишне оптимистичны. Проблема в том, что они не учитывают важнейшей характеристики средств ПРО: буферности системы. Предположим, что оценка верна, и вероятность поражения баллистической цели одной ракетой действительно стала на порядок хуже, то есть 0,09 вместо 0,9. Таким образом, для доведения вероятности поражения до приемлемой величины потребуется на порядок больше ракет. В США прекрасно осознают эту потреб-

ность, и количество противоракет уже сегодня превышает количество перехватываемых целей более чем в 3 раза. При сложившемся темпе наращивания численности перехватчиков одновременно с ростом их потенциала декларируемое «превосходство на порядок» будет сведено к нулю через 10–12 лет по самым пессимистичным оценкам. А с учетом слабой вариативности траекторий боевых блоков и повышенного потенциала перехватчиков класса GBV, размещенных на основных направлениях возможного удара, превосходство даже самых передовых боевых частей будет нивелировано на этих направлениях за 5–7 лет. Реальность такова: мы стоим на пороге того периода,

когда ядерное сдерживание перестает быть эффективным, а само ядерное оружие становится бесполезным. Более того, его могут объявить «вне закона» не только применительно к Ирану, КНДР, но и к другим странам.

4. Под угрозой находится стратегическая стабильность, сложившаяся в последние пять десятилетий. Утеря Россией возможности ядерного сдерживания неизбежно отразится не только на ее военных возможностях, но и на внешнеполитических позициях и прочности суверенитета, а также на позициях ее союзников по ОДКБ, более того, на всей ситуации в Евразии. Фактически большинство этих государств могут оказаться объектом для

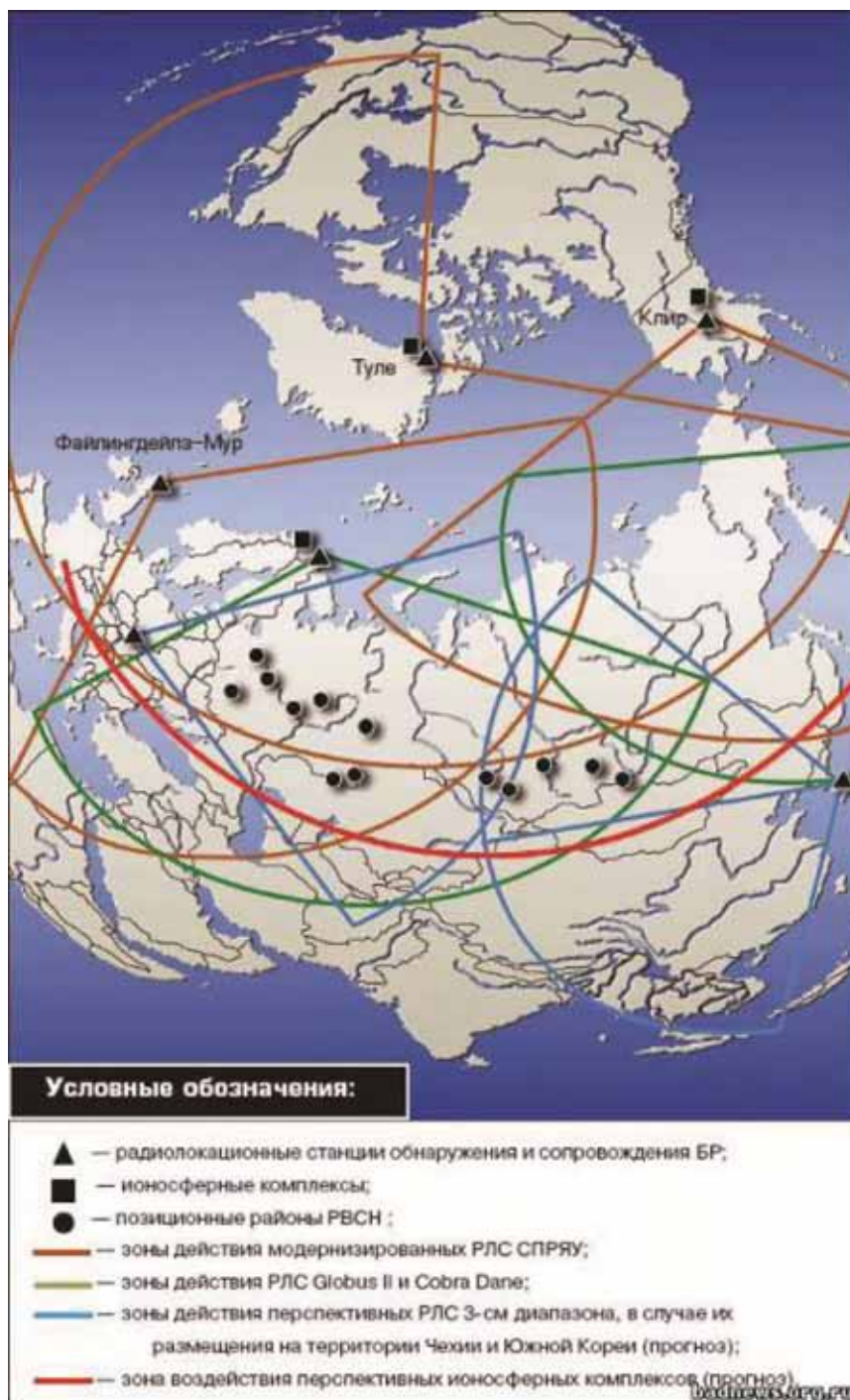

Долгосрочное прогнозирование сценариев развития ВПО

шантажа населения с применением массированного воздушного удара по всей своей территории. Пример с Ливией очень показателен: война была выиграна с помощью КР и авиационных ударов без наземной операции. При этом главной угрозой стратегической стабильности становится развертывание глобальной системы ВКО США.

Сегодня наблюдается системное и достаточно быстрое, заранее спланированное наступление на стратегическую стабильность. Так, за 2011 год модернизированы:

- система обнаружения и слежения (UEWR) различных видов ракет, которая направлена на околоземное пространство, РЛС раннего предупреждения ракетного пуска;
- три комплекса наземных пусковых установок в Форт Грейли;
- установлено улучшенное программное обеспечение по управлению системы перехватчиков (GMD Fire Control) и новый узел контроля управления системой слежения и выявления целей FGA;

- закончено строительство основных конструкций Missile Field-2.
- К началу 2012 года ВКО США состояла из:
  - 30 наземных комплексов (GBI) ПРО от Аляски до Калифорнии;
  - 23 комплексов морского базирования (BMD), рассчитанных на противодействие ракетам малой и средней дальности и для выполнения операций по наблюдению и слежению за ракетами дальнего радиуса действия (LRS&T);
  - 87 комплексов ракет перехватчиков SM-3 и 72 комплекса SM-2 морского базирования;
  - двух систем THAAD;
  - шести радаров типа AN/TPY-2;
  - 903 ракет типа PATRIOT (PAC)-3 новой модификации;
  - 56 узлов огневой поддержки типа PAC-3³⁵.

5. Рост конфликтности в Евразии — очевидный факт, имеющий прямое отношение не только к Центральной Азии, но и к Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, где территориальные и экономические проблемы становятся все более острыми, а готовность к их разрешению снижается. В немалой степени этому способствует и растущая конкуренция в мире, борьба за ресурсы и влияние.

Сказанное говорит о том, что проблема создания эффективной ВКО — это отнюдь не только российская, а евразийская проблема, в решении которой должны быть заинтересованы по большому счету все государства континента. Но и для России, следует подчеркнуть, необходимо решительнее выходить за рамки

идеи создания национальной ВКО, которая не может быть реализованной только ресурсами нашего государства. Тем более такая система ВКО не может «разорвать» решение проблемы евразийской безопасности на сугубо «российскую» и «остальную». Как справедливо заметил академик А. Торкунов, «При рассмотрении любого исторического феномена необходима своеобразная шкала мер, элемент сопоставления. Российскую государственность, степень консолидации российского суверенитета можно понять только на общем фоне международных отношений конкретного периода, только в сопоставлении с состоянием дел у ближайших соседей и лидеров мирового порядка»³⁶.

6. В этой связи важно подчеркнуть тезис, который постоянно пытаются игнорировать в последние десятилетия: в международных отношениях военная сила остается (порой, решающим) инструментом внешней политики, несмотря на рост влияния «мягкой силы» и экономических средств воздействия, несмотря на все процессы глобализации и «гуманизации». При этом важно понимать, что военная сила по-прежнему, как и в XX веке, реализуется в двух формах — политико-психологической (давление, шантаж) и прямой, военной. Для того, чтобы политико-психологическая (в т. ч. «эмоциональная») форма была эффективна, нужно, чтобы угроза использования военной силы выглядела абсолютно реальной. Здесь играют главную роль не намерения («intentions»), а возможности («capabilities»).

4.5. Сценарий возможной евразийской военно-политической интеграции во главе с «российским ядром»

Запад выиграл мир не с помощью своего превосходства в идеях, ценностях или религии, ... но скорее с помощью превосходства применения организованного насилия. Запад иногда забывает это; не-Запад — никогда³⁷.

С. Хантингтон,
политолог

Россия сможет их преодолеть (жесткие реалии), если обретет собственную стратегию, ориентированную на традиционный для себя евразийский регион, найдет нужные для новой евразийской интеграции идеи³⁸.

С. Глазьев,
советник Президента России

На возможный сценарий долгосрочного военного планирования России должно влиять две группы факторов: формирование ВПО в мире с учетом вероятности складывания враждеб-

ной военно-политической коалиции, во-первых, и развитие военных программ государств, объединенных в такую враждебную Россию военно-политическую коалицию, в Евразии, во-вторых.

И первая, и вторая группа факторов не просто возможны, их вероятность, на мой взгляд, очень высока, если не неизбежна. Вся политика США и их союзников второго десятилетия XXI века свидетельствует о том, что на Западе сознательно формируют военно-политическую коалицию как главное условие будущего развития различных сценариев МО и ВПО.

Не менее актуальна и вторая группа факторов — продолжение ставки США на военное-техническое превосходство, которое неоднократно подтверждалось в последние годы в т. ч. и Б. Обамой. Это стремление сопровождается консолидацией экономических и финансовых усилий под эгидой США, которая стала особенно заметна во втором десятилетии XXI века. В результате, не смотря на некоторое абсолютное сокращение военных расходов США в 2012–2014 годах, общая тенденция роста военных расходов Запада сохраняется, более того, она уже превысила показатели последних лет «холодной войны».

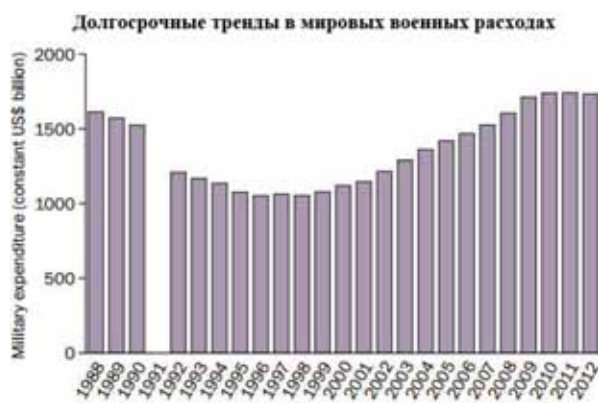

Рис. 13.³⁹

Очевидно, что «ядром» такой коалиции может быть только Россия, обладающая необходимым научно-техническим и экономическим потенциалом. Теоретически на эту роль мог бы претендовать Китай, однако вряд ли он будет готов быть только лидером такой коалиции, а не ее полноправным гегемоном. Эту тенденцию можно рассмотреть и на примере динамики развития ВВС в различных регионах мира, которая так или иначе отражает специфику отдельных регионов. Так, несмотря на значительное сокращение оборонных расходов многих стран мира, из состава всех национальных ВВС было выведено относительно небольшое количество авиатехники — всего около 75 единиц. По данным справочника «Уорлд эйр форсез-2014» (World Air Forces 2014) компании «ФлайтГлоубал» (FlightGlobal), все-

го на данный момент в строю находится более 63 тысяч машин различного назначения. Из них 50,7 тысячи составляют боевые и специальные самолеты, заправщики и транспортники, боевые вертолеты и учебно-тренировочные самолеты (УТС). Около 5300 единиц включены в состав оплаченных контрактов и будут переданы в ВВС в ближайшее время. Ожидается приобретение еще примерно 6800 машин⁴⁰.

ВВС стран Северной Америки

Боевые самолеты, всего	2804
Специальные самолеты	897
Самолеты-заправщики	601
ВТС	1102
Боевые вертолеты	5810
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	2881
Изменения в количестве	+2%

ВВС стран Европы

Боевые самолеты	2320
Специальные самолеты	237
Самолеты-заправщики	51
ВТС	690
Боевые вертолеты	3432
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	2016
Изменения в количестве	-3%

ВВС стран Латинской Америки

Боевые самолеты	629
Специальные самолеты	145
Самолеты-заправщики	9
ВТС	480
Боевые вертолеты	1210
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	721
Изменения в количестве	+3%

ВВС стран Африки

Боевые самолеты	1002
Специальные самолеты	46
Самолеты-заправщики	7
ВТС	393
Боевые вертолеты	1335
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	936
Изменения в количестве	-2%

ВВС стран Ближнего Востока

Боевые самолеты	1250
Специальные самолеты	77
Самолеты-заправщики	37
ВТС	281
Боевые вертолеты	1247
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	904
Изменения в количестве	-7%

ВВС стран Ближнего Востока

Боевые самолеты	1250
Специальные самолеты	77
Самолеты-заправщики	37
ВТС	281
Боевые вертолеты	1247
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	904
Изменения в количестве	-7%

ВВС России и стран СНГ

Боевые самолеты	1852
Специальные самолеты	80
Самолеты-заправщики	23
ВТС	357
Боевые вертолеты	1216
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	368
Изменения в количестве	+1%

ВВС стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Боевые самолеты	4931
Специальные самолеты	425
Самолеты-заправщики	35
ВТС	894
Боевые вертолеты	4576
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	2435
Изменения в количестве	+5%

Источник: World Air Forces 2014, FlightGloba

Рост количества авиатехники по сравнению с 2013 годом наблюдался, таким образом, в Северной Америке, АТР, Латинской Америке, России и странах Содружества Независимых Государств. Напротив, сокращение парка произошло в Европе, Африке, странах Ближнего Востока. Например, ВВС Германии вывели из своего состава самолеты F-4 «Фантом» производства «Макдоннелл Дуглас» (McDonnell Douglas). Франция распрощалась с истребителями «Мираж-Ф1» (Mirage F1), выпускавшимися авиакомпанией «Дассо» (Dassault). Великобритания сократила парк ВТС за счет C-130K компании «Локхид Мартин» (Lockheed Martin) и VC10 производства «Виккерс» (Vickers)⁴¹.

Поэтому, когда мы рассуждаем об изменении соотношения военных сил и неприемлемом ущербе использования военной силы, необходимо иметь в виду, что стремление ведущих государств обеспечить себе силовые позиции

Рис. 14.

неизбежно должны быть обеспечены материальными возможностями — соответствующими вооружениями, военной техникой, вооруженными силами и концепциями их использования. Сегодня речь идет прежде всего о высокотехнологических и высокоточных системах наступательных и оборонительных вооружений, которые (вкпе с информационными и коммуникационными) средствами составляют единый наступательно-оборонительный комплекс. Эти средства, как видно из рисунка (рис. 14), стремительно развивались в последние 20 лет, что отражает очевидную тенденцию создания все более совершенных средств ведения войны. Прежде всего, в области ВТО, ВКО и систем боевого управления ими.

Ложные рассуждения о «недопустимости войны», ее «невозможности», «аморальности» и «бесчеловечности» не имеют ничего общего с реальной политикой. Политические декларации имеют некоторый смысл лишь до определенной степени. В действительности мы наблюдаем стремительное и бесконтрольное развитие ВВТ по всем направлениям, которые достаточно четко определяются военно-политическим руководством ведущих государств. Что видно из простого подсчета появления новых систем оружия, проведенного экспертами⁴².

Главной целью в Евразии в среднесрочной перспективе становятся Казахстан, Киргизия и Таджикистан, против которых ведется системная и последовательная политика, направленная

на дестабилизацию. Центром военной активности США в Средней Азии, помимо Киргизии, стал Таджикистан, отмечается в пресс-релизе армии США. В Таджикистане Центральное командование ежегодно проводит от 50 до 60 программ и мероприятий в сфере безопасности (в 2011 г. — более 70)⁴³. В частности, закончено строительство Национального центра боевой подготовки, создаются системы межведомственной связи для правительства Таджикистана, построен мост через реку Пяндж с пограничным и таможенным постами на таджикско-афганской границе — комплекс, который «способствует увеличению коммерческого обмена, укрепляющего связи Таджикистана с его южным соседом»⁴⁴.

Проникновение США в Евразию идет по всем направлениям. Так, институт иностранных языков Министерства обороны США провел два 16-недельных курса английского языка для таджиков, закончена реконструкция Академии МВД Таджикистана, оказывается содействие в обучении кадров. Построены пограничные заставы в Шурабаде и Яхчи-пуне, на открытие которых в июне 2011 г. приезжал сам Браунфилд — там даже установлены «полы с обогревом»⁴⁵! Военный партнер Таджикистана — Национальная гвардия штата Вирджиния — также расширяет военное сотрудничество: проведение боевой подготовки и обмен информацией в 2011 г. дополнены формированием «миротворческого подразделения», подготовкой «ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций»

и военно-гражданской медицинской готовности⁴⁶ – отмечает российский эксперт Г. Бородин. Отчасти именно эти тенденции ведут к росту «привлекательности» ядерного оружия, которое стремительно расплодится по Евразии.

Думается, что полагаться в очередной раз на «асимметричный ответ», развивая СЯС России, уже нельзя. Реальность такова, как

она описывается серьезными исследователями в области ядерной стратегии. Как отмечают эксперты, в 1998 году из 6 тыс. ЯБЗ российских СЯС гарантированно достигли бы США не более 600 (т. е. 10%). Но на самом деле ситуация выглядит еще сложнее. Как отмечают эксперты, «Выполнение планов ядерной войны обеспечивается поддержанием в ВС США боезапаса около

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ РОССИИ И США			
	НАЗЕМНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	МОРСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	ВВС
РОССИЯ всего 2825 боеголовок	1357 боеголовок 68 Межконтинентальные баллистические ракеты Р-36МУТХ и Р-36М2 (SS-18) 72 Межконтинентальные баллистические ракеты УР-100НУТХ (SS-19) 180 Подводные стратегические комплексы Золоты (SS-21) 50 Комплексы Тополя-М шахтного базирования (SS-27) 15 Мобильные комплексы Тополя-М (SS-27)	612 боеголовок 13 Ракетный подводный крейсер стратегического назначения (РПКСН): 7 пр. 667БДРМ (Delta B), 5 пр. 667БДР (Delta K) Начинает 292 пусковые установки: • Ракетный комплекс с ракетами Р-29Р (SS-N-18) • Ракетный комплекс с ракетами Р-29РМ (SS-N-23) • Ракетный комплекс с ракетами Р-29РМ2 «Синева»	856 крылатых ракет 14 Бомбардировщики Ту-160 (Blackjack) 63 Бомбардировщики Ту-95МС (Bear H) Бомбардировщики Ту-22М3
США всего 5900 боеголовок	1700 боеголовок 50 Межконтинентальные баллистические ракеты LGM-118А Peacekeeper (MX) 500 Межконтинентальные баллистические ракеты LGM-30G «Abolition» (B)	3168 боеголовок 18 Подводная ракета-атомная с баллистическими ракетами (ПЛРБ) (класс «Ohio» SSBN/SSGN) Начинает: 144 Пусковые установки с (РТУ) «Cobalt-1» 288 Пусковые установки с (РТУ) «Cobalt-2»	1098 крылатых ракет Учебные бомбардировщики: 81 B-1 20 B-2 142 B-52

Источник: Системный ядерный институт исследований мира (СИЯИМ). Данные на 2009 год.

5000 ядерных боезарядов (ЯБЗ), а во Франции, Великобритании и Китае ядерного боезапаса по 200–300 ЯБЗ у каждой страны. К югу от РФ, в Азии, находятся все остальные ядерные страны мира, осуществляющие качественное и количественное наращивание ядерных вооружений (сначала ближней, затем средней, и потом большой дальности) — Израиль, Индия, КНДР, Пакистан. С завершением создания в Иране шиитской ядерной бомбы вокруг РФ почти замкнется дуга из ядерных стран»⁴⁷.

В этих условиях дальнейшее сокращение СЯС России и США становится все более проблематичным, тем более, что это сокращение не затрагивает ядерные потенциалы союзников США и не связано, как прежде, с ограничениями по развертыванию НПРО. Тем более такие сокращения не связываются с массовым производством стратегических неядерных вооружений.

Не случайно, США категорически отказываются вести переговоры об ограничении неядерных стратегических вооружений. Так, «при обсуждении п. 2 ст. V ДСНВ американская сторона заявила, что новые виды неядерных вооружений, обладающие стратегической дальностью, не будут ею рассматриваться в качестве «новых видов СНВ», подлежащих ограничениям нового договора. Тем самым она дала понять, что программы, развиваемые в рамках концепции БГУ, не будут ограничиваться новым Договором.

К настоящему времени США находятся на этапе НИОКР по программам БГУ, решения

о том, какие именно системы будут развернуты, пока окончательно не принято. Вместе с тем, можно предположить, что новый Договор СНВ не будет создавать каких-либо препятствий для развития или ограничений на развертывание в отношении следующих перспективных типов стратегических неядерных вооружений:

- тяжелых бомбардировщиков (ТБ), переоборудованных в носители неядерных вооружений, включая неядерные баллистические ракеты «воздух — земля» (БРВЗ) и неядерные КРВБ большой дальности. В частности, Договор не будет запрещать развертывание неядерных КРВБ большой дальности на ТБ В-1В.
- Новых ТБ, оснащенных для неядерных вооружений, включая неядерные БРВЗ и неядерные КРВБ большой дальности.
- Боевых самолетов, не являющихся ТБ (дальность менее 8000 км), но вооруженных неядерными КРВБ большой дальности.
- Крылатых ракет наземного и морского базирования с дальностью более 5500 км в неядерном оснащении⁴⁸.

Понятно, что в России анализируют ситуацию и предпринимают действия по ее нейтрализации. В том числе в области ВКО. Конкретно речь идет о программе воздушно-космической обороны (ВКО), являющейся приоритетом Государственной программы вооружения до 2020 года (ГПВ-2020). Но вопрос заключается

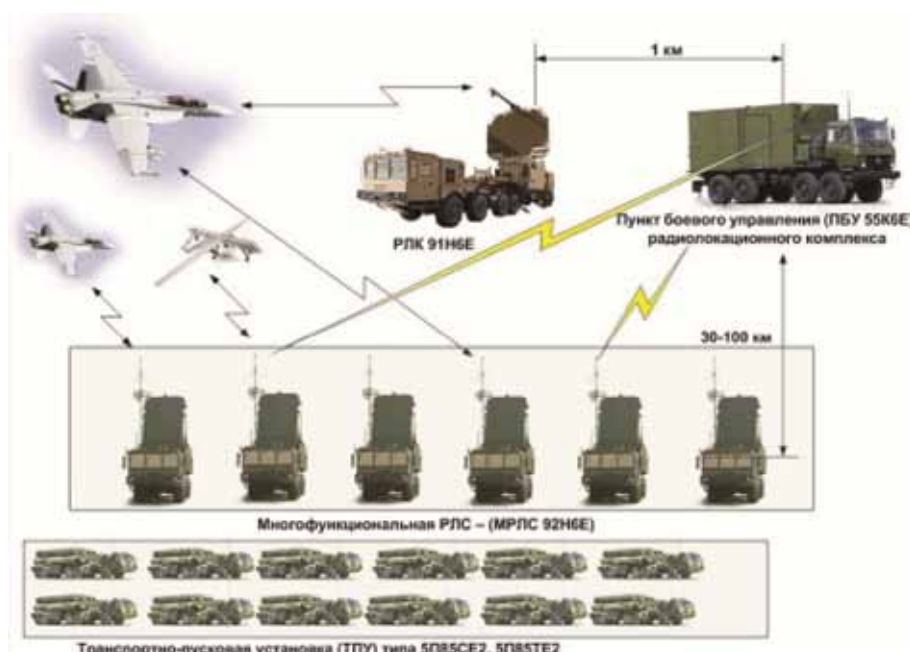
в том, насколько быстро и эффективно эта программа может быть реализована.

Другая проблема — создание объединенной ВКО ОДКБ или СНГ.

В 2011 году на базе Космических войск был сформирован новый род войск — войска ВКО. В ГПВ-2020 на программу выделено порядка 20% всех средств — около четырех триллионов рублей (примерно 130 млрд долл.), что в принципе сопоставимо с затратами США на глобальную ПРО. Помимо модернизации существующих и создания новых элементов системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), планируются массовая закупка зенитных ракетных комплексов С-400 «Триумф» и С-500, модернизация Московской системы ПРО (А-135), а также главное — создание интегрированной информационно-управляющей системы ВКО⁴⁹. Предус-

матривается, что система управления создается в рамках ряда ОКР, система уничтожения МБР, КР и ВТО — С-500.

Вместе с тем остаются без ответа два главных вопроса: создание единого командования и системы управления всеми силами и средствами ВКО России, а в перспективе — ОДКБ и других государств, а также создание системы, способной уничтожать ВТО, неядерные стратегические вооружения, МБР, БРПЛ стратегических сил возможных агрессоров. Решение этих задач представляется неизбежным и будет необходимым еще до 2020 года. На доктринальном, политическом и военно-техническом уровне эти задачи должны решаться уже сегодня, ибо от того, как они будут решены, зависит реализация всей идеи ВКО и обеспечение безопасности Евразии.

¹ Новиков Я. В. Вступительное слово / Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО(У), 2014. С. 5.

² Иванов С. Б. Выступление перед участниками конференции / Московская конференция по безопасности. 23–24 мая 2013 г. Москва. С. 8.

³ Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. № 18-01. ТС 18-01. 2010. 30 ноября. С. 25. Изучение идентичности и контексты ее

⁵ Воробьев В. Я. Сумма сходящихся интересов // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 6. С. 157.

⁶ Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. № 18-01. ТС 18-01. 2010. 30 ноября. С. 4.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ Саква Р. Диалог и разногласия // Российская газета. 2013. 6 ноября. С. 8.

¹⁰ Торкунов А. В. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Международные процессы. 2006. Январь–апрель. Т. 4. № 1(10).

¹¹ Караганов С. А. Долгая конфронтация // Известия. 2014. 4 сентября. С. 5.

- ¹² Towards a Euro-Atlantic and Eurasian Security Community / Drafting Group. 2011. P. 6.
- ¹³ См., например, *Гордиенко Д.* Военно-политические блоки и институты обеспечения евразийской безопасности / <http://www.fondiv.ru/>
- ¹⁴ Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. № 18-01. ТС 18-01. 2010. 30 ноября. С. 31.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См., например, *Гордиенко Д.* Военно-политические блоки и институты обеспечения евразийской безопасности / <http://www.fondiv.ru/>
- ¹⁷ *Тэвдой-Бурмули А.* «Красная линия» НАТО / Эл. ресурс: «Портал МГИМО(У)». 2014. 21 мая / <http://www.mgimo.ru/>
- ¹⁸ *Лавров С. В.* Выступление в ООН 28 сентября 2014 г. / Шестаков Е. Лавров закрыл «сезон России» в ООН // Российская газета. 2014. 29 сентября. С. 5.
- ¹⁹ *Дуррани А.* «Большая игра» для всех // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 6. С. 152.
- ²⁰ Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. № 18-01. ТС 18-01. 2010. 30 ноября. С. 19.
- ²¹ См., например, *Гордиенко Д.* Военно-политические блоки и институты обеспечения евразийской безопасности / <http://www.fondiv.ru/>
- ²² America — The Arsenal of Sovereignty. By Prof Mike Marra and Dr James Gordon Department of Military Strategy, Planning and Operations, US Army War College / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2014/marra-gordon_arsenal-of-sovereignty.pdf. С. 2.
- ²³ *Нарышкин С. Е.* Вступительное слово / *Подберезкин А. И.* Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО(У), 2014. С. 3.
- ²⁴ *Созинов П. А.* Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 19.
- ²⁵ Там же. С. 9.
- ²⁶ Там же. С. 10.
- ²⁷ Там же. С. 11.
- ²⁸ Там же. С. 12.
- ²⁹ Alfergood D. Intelligence Spending Drops for a Second Year. October 31st, 2012. / <http://www.fas.org/libeary/2012/10>
- ³⁰ Пентагон испытал гиперзвуковую бомбу АНВ. 2011. 18 ноября / <http://www.infox.ru>
- ³¹ *Козин В. П.* ЕвроПРО — это установка на первый ядерный удар // Независимая газета. 2012. 27 января. С. 3.
- ³² Там же.
- ³³ Standard Missile-3 Block IIB Analysis of Alternatives / GAO report, February, 11, 2013.
- ³⁴ *Арбатов А. Г.* Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 20.
- ³⁵ Цит. по: *Гебеков М.* План мероприятий по созданию глобальной системы ВКО США продолжается / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 15 ноября / <http://eurasian-defence.ru>
- ³⁶ *Торкунов А. В.* Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 46.
- ³⁷ *Huntington S. Shah Anup* / The Arms Trade is Big Business – Global Issues / <http://www.globalissues.org/article/74/the-arms-trade-is-big-business/> 2014. 05 Jan.
- ³⁸ Цит. по: *Глазьев С.* Предисловие. *Подберезкин А. И.* *Боришполец К. П.*, *Подберезкина О. А.* Евразия и Россия. М.: МГИМО(У). 2014. С. 3.
- ³⁹ Trends in world military expenditure. 2012. P. 1. Sam Perlo-Freeman, Elisabeth Sköns, Carina Solmirano and Helén Wilandh / Sipri Fact Sheet / <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1304.pdf>
- ⁴⁰ Военно-воздушные силы стран мира / Рынки вооружений. ИТАР ТАСС. 2014. Май. С. 3.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Вооруженные силы Российской Федерации: модернизация и перспективы развития / под ред. И. Коротченко. М.: Национальная оборона, 2010. С. 27.
- ⁴³ CENTCOM, Tajikistan expand security partnership. U. S. Central Command press-release. June 29, 2010. <http://www.centcom.mil/press-releases/centcom-tajikistan-expand-security-partnership>
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Tajikistan: US Government rebuilds border guard facilities in Shurobod // Fergana News Information Agency. June 30, 2011. <http://enews.fergananews.com/news.php?id=2108>.
- ⁴⁶ НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 157.
- ⁴⁷ *Маркелл Ф. Б.* Калькулятор стратегического сдерживания // Независимая газета. 2012. 31 августа.
- ⁴⁸ *Мясников Е.* О взаимосвязи стратегических ядерных и неядерных вооружений в новом Договоре СНВ. 2010. 16 июля / <http://www.armscoutrol.ru>
- ⁴⁹ *Арбатов А. Г.* Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 21.
-

ГЛАВА 5

ВОЕННОЕ СДЕРЖИВАНИЕ КАК СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ ВПО

...попытки воздействовать на кризисные ситуации путем односторонних мер, выходящих за рамки решений Совета Безопасности, противоречат нормам и принципам международного права¹.

*С. Лавров,
министр иностранных дел России*

В системе мировой политики и мировой экономики нарастают изменения огромных масштабов².

А. Кокошин

Констатация С. В. Лаврова попыток Запада действовать с помощью односторонних мер, нарушающих нормы международного права, требует своего логического продолжения, а именно: если международное право перестало регулировать в каких-то аспектах международные отношения, то такое регулирование неизбежно переходит в разряд ответной реакции — групповой или односторонней — государств. Применительно к прогнозу развития сценариев ВКО это означает, что:

— нарушение норм международного права вероятнее всего будет наблюдаться все чаще, как и односторонние действия, игнорирующие границы, которые регулировались прежде (с разной степенью эффективности) Советом Безопасности

ООН и другими международными органами и организациями;

— из первого тезиса неизбежно логически следует, что односторонние действия предполагают расширение их спектра как с точки зрения их силового содержания, так и вооруженного насилия. Когда государство предпочитает силовые инструменты экономическим, информационным, финансовым и т.д. это неизбежно влечет за собой постепенное использование военной силы и вооруженного насилия. Как минимум, для того, чтобы такие силовые методы получили политическую поддержку;

— значительно расширяется спектр собственно вооруженных средств (вооружений и военной техники) и способов применения

Рис. 1.³

насилия — от глобального использования ВС до подготовки полувоенных вооруженных формирований. Так, особенно опасны разработки воздушно-космических средств нападения потому, что они стремительно приобретают глобальный характер, охватывая все высоты и любые дальности. По оценке Генерального конструктора «Концерна ПВО „Алмаз-Антей“» А. Созинова, к 2025–2030 годам ситуация в этой области будет выглядеть следующим образом (рис. 1).

Существует и другая точка зрения, благополучно пережившая все события, которые казались бы, должны были ее полностью дезавуировать. Ее в очередной раз озвучил В. Иноземцев следующим образом: «Мир XXI века — совершенно новый мир. Действуют законы, не похожие на те, которым политики следовали в XIX и XX столетиях. Это мир, в котором военная сила уже не позволяет эффективно контролировать страны и народы (что доказано во Вьетнаме и Афганистане, Сомали и Ираке, а сейчас на Украине).

Это мир, в котором природные ресурсы куда проще купить (практически по любой цене), чем

захватить территории, где они добываются. Это мир, в котором транзит по суше оказывается намного менее эффективным, чем перемещение товаров по морю или воздуху.

В общем, это мир, в котором большие пространства прекращают быть ценностью и становятся (в случае неразумного к ним отношения) обузой. И если Россия не сумеет этого понять, её судьба — потеряться не только во времени — «между прошлым, которое её не отпускает, и будущим, которое она не может заставить себя принять», но и в пространстве — между востоком и западом, севером и югом»⁴.

Эта позиция противоречит реалиям. В том числе и самым последним. В том числе и самых принципиальных положениях. Так, очередное утверждение о том, что «военная сила не позволяет эффективно контролировать страны...», — повторение мотивов 80-х годов XX века, которые привели к провалу политики СССР.

Также как и тезис о том, что «природные ресурсы проще купить», который, как оказалось, абсолютно неадекватен национальным интересам.

Наконец, еще сомнительнее, опаснее и вреднее тезис о том, что «большие пространства прекращают быть ценностью». Никто пока что из развитых стран не отказывался добровольно от своих территорий. Наоборот XXI век стал временем обострения территориальных споров.

Ядерное сдерживание обеспечило отсутствие большой «ядерной» войны между локальными цивилизациями всю вторую половину XX века и начало XXI века. Его отсутствие не могло предотвратить ни Первой, ни Второй мировых войн, а существование ядерного сдерживания в XXI веке ставится под сомнение настойчивыми усилиями США по созданию потенциала его нейтрализации.

США во втором десятилетии XXI века встали перед проблемой возможной потери своего военно-технологического лидерства. Причем не только в ядерной, но и других военных областях. Впервые после Второй Мировой войны эта угроза стала рассматриваться в США как глобальная, самая приоритетная угроза безопасности. Если военно-техническое соревнование с СССР рассматривалось как в конечном счете частное соревнование в ракетно-ядерной области (даже еще ограниченнее — в области СНВ), то в XXI веке США предстоит соревноваться со всеми новыми центрами силы в мире во всех

технологических областях. И это в Вашингтоне отчетливо понимают, говоря о четыре наиболее опасных последствий изменений в мире в контексте «последствий для обороны до 2030 года»⁵:

- возможной потере США технологического лидерства;
- угроза, вытекающей из переноса обрабатывающей промышленности за пределы США;
- возможному приобретению противниками способности уничтожения не только военной, но и гражданской инфраструктуры;
- угроза качеству л/с ВС.

Возможная потеря технологического лидерства США и необходимость избавления от ядерного сдерживания требует особого внимания как к сохранению и даже увеличению военно-технического превосходства, так и поиску новых средств и способов его компенсировать.

Налицо разработка целых новых направлений, смысл которых заключается в девальвации и ликвидации ядерного сдерживания. Как минимум, можно выделить следующие основные направления в развитии политики и военных технологий. Направленных на поиск средств, способных обеспечить технологическое превосходство и заменить ОМУ:

- если говорить о средствах, то речь идет о создании целой серии сценариев «внутренних»

Табл. 1. Матрица эволюции конфронтации в военный конфликт и войну в XX и XXI веках

Средства и способы насилия	Конфронтация		Военный конфликт, война	
	XX век	XXI век	XX век	XXI век
Политические способы (санкции и давление)	Скрытые и явные угрозы	Реальные враждебные политические, дипломатические и иные действия под прикрытием угроз	Использование неядерных ВивТ в ограниченных масштабах	Использование все более активно неядерных вооружений
Экономические и финансовые способы (санкции и давление)	Давление на торговлю, экономику и финансовые системы	Разрушение инфраструктуры экономики и финансов	Подрыв финансовой системы и экономики, борьба за контроль над ними	Физическое уничтожение экономической, промышленной и финансовой инфраструктуры
Военные способы	— угроза использования военной силы — ограничение войны	— использование непосредственно ВС союзников — использование ВВС, ВТО	Применение военной силы в ограниченных по масштабам и регионам войнах	Использование самого широкого спектра вооруженных действий и войн

военных конфликтов, которые формально не могут относиться к внешним войнам или вооруженным конфликтам:

- «гражданское» вооруженное противостояние и силовое противоборство с властью;
- партизанская война;
- «национально-освободительное» вооруженное сопротивление и т. д.;
- если говорить о средствах, то речь идет о разработке широкого спектра ВиВТ применения обычного оружия в локальных войнах и конфликтах, причем на разных, как правило, низких уровнях конфликтов, не предполагающих ответа в масштабе всех ВС и ОМУ;
- наконец, речь также идет о разработке стратегических наступательных и оборонительных неядерных вооружений, которые могут использоваться как на различных ТВД, так и на глобальном уровне.

Взятые вместе, эти три направления в военной политике США полностью меняют пред-

ставления о войне и границах применения вооруженного насилия, которые условно можно представить в следующей матрице (табл. 1).

Таким образом характер сдерживания в XXI веке стремительно меняется в пользу реального применения вооруженного насилия в его традиционных и новых формах. Сдерживание превратилось из политики недопущения «большой войны» в механизм контроля за эскалацией применения военной силы с тем, чтобы не допустить применение противником средств и способов войны, которые были бы невыгодны США. Так, например, на Украине налицо очевидная силовая эскалация, которая началась реализовываться осенью 2013 года. При этом США постепенно и контролируемо повышают ступени этой военной эскалации от уровня гражданского конфликта до уровня гражданской войны, не допуская, чтобы вмешательство России остановить развитие этого процесса.

5.1. Сценарий сохранения «ядерного сдерживания» в Евразии

... обе структуры (СНГ и ОДКБ) являются скорее имиджевыми, нежели реально функционирующими...⁶.

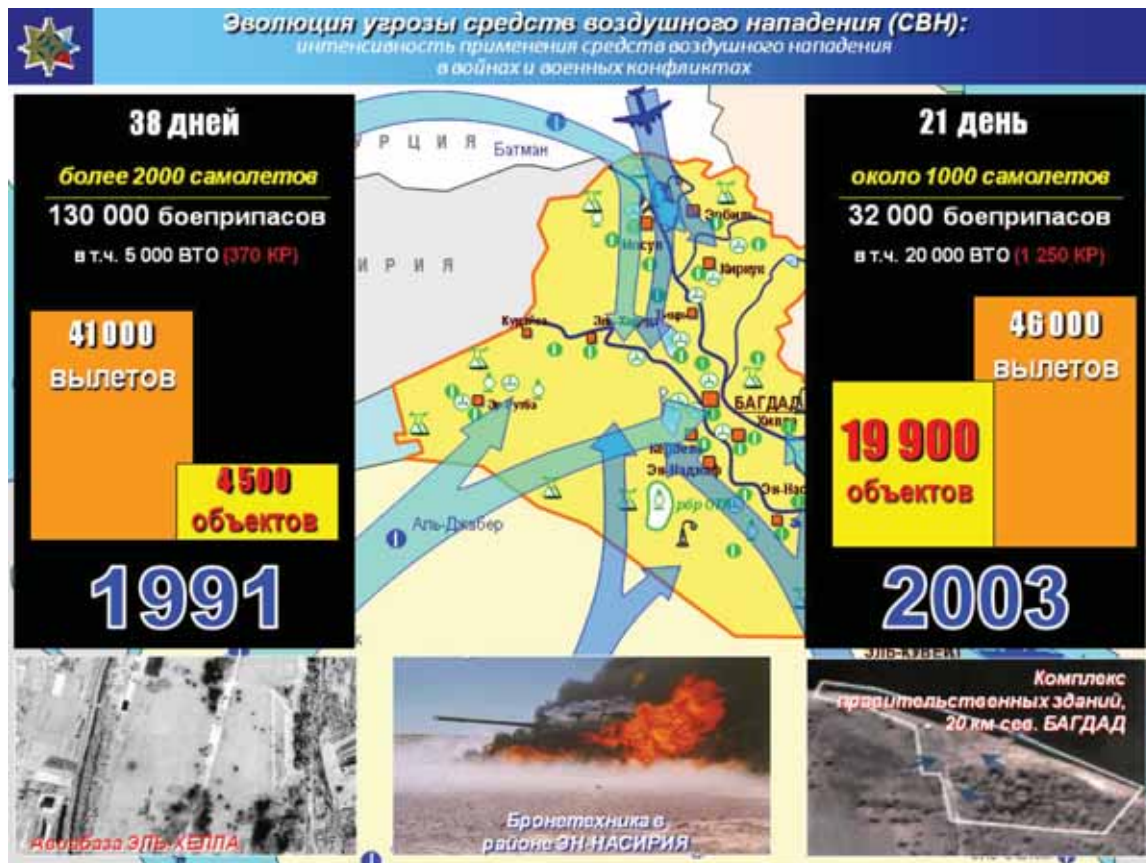
*А. Дубнов,
обозреватель «Московских новостей»*

Традиционная концепция стратегической стабильности, ... состоит в том, что ... безопасность обеих сторон обеспечивается их обоюдной возможностью причинить друг другу неприемлемый ущерб в ответном ударе, даже приняв на себя первый удар противника⁷.

*А. Арбатов,
академик РАН*

То, что на протяжении десятилетий предотвращало глобальную войну, — «ядерное сдерживание» или возможность взаимного гарантированного уничтожения (MAD), — похоже, в начале XXI века уже перестает существовать. «то произошло в период нарастания политической нестабильности в мире и стремительного роста военно-политического противостояния. «Остатки» сдерживания уже не гарантируют от начала войны в период резкого обострения. Новые реалии XXI века, в особенности мировой системный кризис 2008–2012 годов, показали, что мир стоит на пороге радикальных изменений в экономической и социально-политических областях, которые не могут не отразиться на военно-политической области и, прежде всего, на сценариях развития ВПО и СО.

Таким образом мы наблюдаем классический последовательный переход неблагоприятного сценария развития МО в еще менее благоприятный сценарий развития ВПО. Это подтверждается следующим примером: если в 1991 г. в войне против Ирака за 38 дней было использовано более 2000 самолетов и 130 000 боеприпасов (41 тыс. самолето-вылетов) против 4500 объектов, то через 12 лет, в 2003 году, за 21 день 1000 самолетов истратили 32000 боеприпасов, уничтожив 19900 объектов. Т.е. при том же числе самолето-вылетов было уничтожено в 4 раза больше объектов за время на 30% меньше и численностью самолетов в 2 раза меньше. А количество боеприпасов вообще было истратено в 4,5 раза меньше.

Рис. 2.⁸

Этот сценарий в наибольшей степени ориентирован на Евразию по следующим причинам:

1. Взаимное гарантированное уничтожение с политической точки зрения не является больше средством, противодействующим эскалации конфликтов в Евразии. Основные центры силы и противоборства — сосредоточены в Евразии и противоречия между ними развиваются по нарастающей.
2. Одновременно наблюдается стремительный рост военной мощи государств Евразии и США, который сопровождается резким увеличением военных расходов, количества и качества ЛС и ВиВТ.
3. Создаются новые ВиВТ, прежде всего ВТО, способные выполнять стратегические задачи, которые ранее решались с помощью ЯО, в частности, уничтожение важнейших политических, военных и экономических объектов. Так, приоритетность таких объектов (в том виде как ее видят российские исследователи) выглядит следующим образом (табл. 2).
4. Создание глобальной системы ПРО предполагает резко возросшую в будущем возможность защиты от уцелевших после напа-

дения стратегических сил в ответном ударе. Причем первый удар по СВН может быть массированным применением ВТО, что позволит сохранить нападающей стороне в качестве дополнительной угрозы стратегические наступательные силы.

Таким образом мы наблюдаем два, прямо противоположных сценария развития возможного военного конфликта в Евразии в условиях, когда политические и иные противоречия делают все более неизбежным применения военной силы.

Сценарий № 1 «ядерного сдерживания» в Евразии.

Этот сценарий предполагает, что военное столкновение можно предотвратить, если государство Евразии (или союз, блок, коалиция) обладают потенциалом «ядерного сдерживания». В разной степени это сценарий разделяют не только руководство России, Китая, Индии и Пакистана, но и Японии и других стран Евразии.

В соответствии с таким сценарием необходимо для всех стран на континенте в той или иной степени придерживаться следующих принципов:

Табл. 2. Приоритеты поражения объектов тыла страны по взглядам командования армии США⁹

Уровни приоритетов	Последовательность	Поражаемые объекты
I	1 2 3 4 5 6 7 8	1. Пункты управления.
		2. Узлы связи, радиовещательные станции и телецентры.
		3. Узлы железных дорог.
		4. Железнодорожные мосты основных направлений.
		5. Автодорожные мосты федеральных дорог.
		6. Морские и речные порты, аэропорты, базы.
		7. Насосные станции трубопроводов.
		8. Склады резервов.
II	1 2 3 4 5	1. Атомные электростанции.
		2. Гидроэлектростанции.
		3. Тепловые электростанции.
		4. Подстанции ЛЭП.
		5. Склады ГСМ, нефтебазы.
III	1 2 3 4 5	1. Нефтеперерабатывающие и химические производства.
		2. Предприятия оборонного комплекса.
		3. Предприятия цветной и черной металлургии.
		4. Предприятия машиностроения.
		5. Предприятия по производству электрооборудования.

- сохранения возможности при любых обстоятельствах для нанесения ответного ядерного удара. Этот принцип предполагает модернизацию и наращивание ЯО, систем боевого управления и др. мероприятий;
  - сохранения возможности на разных этапах неядерного конфликта эффективно вести боевые действия, не прибегая к ядерному оружию;
  - не участвовать в мероприятиях по ограничению и сохранению ЯО.
  - обеспечивать себе постоянный рост политико-экономической и военной мощи в регионе.
- Сценарий № 2 «ядерного сдерживания» в Евразии.
- Этот сценарий, как представляется, становится главным будущим сценарием США в Евразии. Он развивается в соответствии со следующими принципами:
- создания стратегического наступательного потенциала ВТО, способного поразить все важнейшие объекты в Евразии;
  - создание стратегического оборонительного потенциала США, способного обеспечить защиту от ответного удара;
  - проведение мероприятий по:
  - ограничению и сокращению ЯО в мире и в Евразии, включая его запрет в неядерных государствах;
  - недопущение ограничения и сокращения ВТО и других видов и систем ВиВТ, необходимых для уничтожения ЯО;
  - международным ограничениям по распространению ЯО и новых технологий.
- Иногда может сложиться впечатление, что в мире хаотично и бесконтрольно нарастает протест против ЯО и «вдруг» активизируются мероприятия по его сокращению и уничтожению.

Однако процесс «самоуничтожения» ядерного сдерживания происходит отнюдь не случайно, хаотично, без влияния со стороны. С самого начала установления ядерного равновесия в конце 60-х годов, которое стало первопричиной «разрядки» и положило начало контролю над вооружениями, США стремились избавиться от «неудобства» такого равновесия. Оно серьезно ограничивало их возможности использовать военную силу в мире, а, главное, не позволяло им форматировать международные отношения под американское единоличное лидерство. Сегодня это «неудобство» превратилось в серьезное препятствие для США потому, что новые центры силы вполне сознательно создают свои военные инструменты, включая ЯО. При этом речь идет не только о КНР, Индии, Пакистане, но и о новых потенциальных владельцах ядерного потенциала — растущих гигантах.

Даже в 90-е годы XX века, когда были уничтожены ОВД и СССР, а Россия во многом перестала быть суверенной державой, стремительно теряя последние атрибуты ядерной мощи, существование самой возможности ядерного удара со стороны России воспринималось как единственный реальный сдерживающий фактор и атрибут великой державы, которые явно и скрыто влияли на амбиции и активность американской внешней политики. Поэтому в XXI веке для США «ядерное сдерживание» превратилось уже не только в преграду для использования военной силы по отношению к СССР/России, но и в глобальное препятствие для сохранения американского мирового лидерства.

Борьба за контроль над геополитическим пространством, транспортными коридорами и ресурсами, которая усиливается в XXI веке, неизбежно повлечет за собой дальнейшую активизацию американской силовой политики. Эта тенденция усилилась в последние два десятилетия (Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, Украина и др.), но она при этом объективно сдерживалась отсутствием монополии США на применение ОМУ. Эти конфликты, есть все основания так полагать, развивались бы совершенно по-иному, если бы не было «ядерного сдерживания». Для Сирии, Ирака, Югославии применялись бы совершенно иные сценарии ведения вооруженной борьбы.

Собственно это «неудобство» для США объясняет очень многое в их внешней и военной политике, в частности, например, стремление

быстро сократить и даже уничтожить СЯС, да и все виды ОМУ, но, главное, создать стратегический неядерный потенциал, способный вернуть военной силе США способность быть «используемым» инструментом политики. И это «неудобство» становится неприемлемым для США в XXI веке в период обострения мировых противоречий.

Это же «неудобство» в конечном счете объясняет и фанатичную приверженность США к созданию глобальной системы ПРО, размещению ее компонентов по периметру границ России, в Европе и АТР. Создание глобальной ПРО — обязательное условие и предпосылка отказа от политики «ядерного сдерживания», которая стала абсолютно неприемлемой для США. По сути дела отказ от ПРО означал бы для США отказ от идеи ликвидации «ядерного сдерживания» и сохранения определенного внешнего влияния и даже контроля над использованием ими военной силы.

Это же «неудобство» лежит в основе решений о развитии крупных программ БЛА, КР всех типов базирования, роботизирования ВС, ВМФ и авиации. Надо отчетливо понимать, что решения о разработке крупных программ ЯО будут находиться под прямым воздействием успеха или неудачи в политике «ядерного сдерживания». Очевидная «потеря интереса» США к ядерному оружию (в т. ч. переоснащение его носителей на неядерные боеприпасы) вызвана прежде всего надеждами на ликвидацию «ядерного сдерживания».

Сегодня влияние «ядерного сдерживания», в том числе и на интеграционные процессы в Европе, недооценивается, хотя, по сути, успех, например, европейской интеграции объясняется не столько экономическими мотивами, сколько интересами безопасности и военно-политического сотрудничества в Европе. В этой связи ключевым вопросом является вопрос о том, насколько лет еще хватит «остатков» «ядерного сдерживания». Ясно, что речь идет не о десятилетиях, а о годах, но... все-таки.

С этой точки зрения сценарий укрепления «ядерного сдерживания» по самым различным направлениям евразийского и даже более широкого — международного — сотрудничества, представляется вполне перспективным. Концепция «ядерного сдерживания» в свое время оказалась эффективной во время октябрьского (1962 г.) кризиса на Кубе. В дальнейшем она также

Рис. 3.¹⁰

Рис. 4.¹¹

Рис. 5.¹²

использовалась в менее ясной форме. Поэтому есть все основания полагать, что ее потенциал может быть реанимирован не только применительно к России и ее ближайшим союзникам, но и превращен в концепцию «расширенного» ядерного сдерживания, предполагающую участие других государств.

Его практическая реализация представляет, однако, массу трудностей политического, экономического и военно-технического порядка. В частности, укрепление стратегического

сдерживания предполагает создание мощной системы ВКО России и ее союзников, имеющей глубокие эшелонированный характер.

Это, в свою очередь, требует самого высокого уровня сотрудничества между союзниками. Как показал опыт создания объединенной ВКО России и Белоруссии, России — Белоруссии — Казахстана, и принятое решение о ВКО ОДКБ, — такое решение на политическом и военном уровне возможно, однако оно неизбежно потребует крупных военно-технических решений.

5.2. Сценарий развития стратегического неядерного оружия как главной угрозы «ядерному сдерживанию»

Единство, целостность и суверенитет России безусловно¹³.

*В. Путин,
Президент России*

Опасна продолжающаяся недооценка значения военно-политических аспектов евразийской интеграции, способных укрепить «ядерное сдерживание». Девальвация «ядерного сдерживания»

разрушает и саму идею евразийской интеграции, а с ней и ведущую роль России в мире и в Евразии. Это противоречие с неизбежностью ставит вопрос о формировании нового внешне-

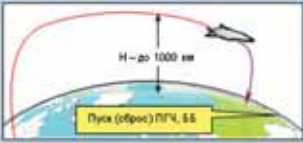

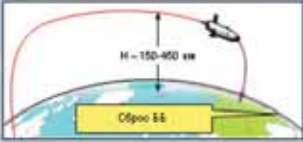

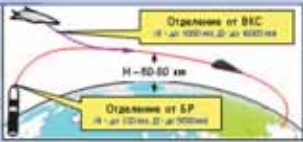

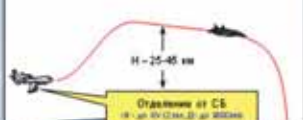
Перспективные средства воздушно-космического нападения			
Средства ВКН	Статус	Основные ТТХ	Траектории полета
 <p>Воздушно-космический самолет Программа «ФАЛКОН»</p>	РАЗРАБОТКА	Дальность действия – глобально Скорость полета – М > 25 Высота полета – 150-1000 км Масса полезной нагрузки – 500 кг Год принятия на вооружение – после 2025 г. Количество – единицы Время нанесения удара – 1-2 часа	 <p>Н – до 1000 км Пуск (брос) ПГЧ, ББ</p>
 <p>Беспилотный воздушно-космический самолет X-37B</p>	ПЕРВЫЙ ОРБИТАЛЬНЫЙ ПОЛЕТ - 2010 г. (223 суток)	Дальность действия – глобально Скорость полета – до М = 25 Высота полета – более 150 км Масса полезной нагрузки – 500 кг Год принятия на вооружение – 2010 г. Количество – единицы Время нанесения удара – (с учетом вылета) несколько часов	 <p>Н – 150-400 км Оброс ББ</p>
 <p>Планирующая головная часть типа FHTV-2</p>	ЛЕТНЫЕ ИСПЫТАНИЯ (С 2010 г.) ЗАВЕРШЕНИЕ ИСПЫТАНИЙ – 2015-18 гг.	Дальность действия – до 16670 км Скорость полета – М = 5-20 Высота отделения – 28-1000 км Масса полезной нагрузки – 500 кг Год принятия на вооружение – после 2015 г. Количество – десятки Время нанесения удара – 15-70 мин. (пуск с МБР)	 <p>Отделение от ВКС (в 100 км от цели) Н – 80-80 км Отделение от БР (в 100 км от цели)</p>
 <p>Гиперзвуковая крылатая ракета X-51 WaveRider</p>	ЛЕТНЫЕ ИСПЫТАНИЯ (С 2009 г.) ЗАВЕРШЕНИЕ ИСПЫТАНИЙ – 2015-17 гг.	Дальность действия – до 2000 км Скорость полета – М = 5-8 Высота полета – 25-45 км Масса полезной нагрузки – до 500 кг Год принятия на вооружение – после 2015 г. Количество – сотни Время нанесения удара – до 15 мин. (пуск с СВ)	 <p>Н – 25-45 км Отделение от СВ (в 100 км от цели)</p>

Рис. 6.

политического и военно-политического курса евразийских держав. По этому поводу ректор МГИМО(У) А. Торкунов справедливо заметил: «Россия — „срединный континент“ (между Китаем, Тибетом и «западным полуостровом» — Европой), «сухопутный океан, пространство российской цивилизации...», называемой Евразией, оказалась перед необходимостью выработки нового внешнеполитического курса...»¹⁴.

Концепция «ЕвразВКО» определенно исходит не только из необходимости укрепления режима ядерного сдерживания и недопущения понижения порога использования ядерного оружия и распространения ядерного сдерживания за пределы традиционно ядерных государств — США, России, КНР, Великобритании и Франции, а также включения в понятие «ядерное сдерживание» стратегического неядерного компонента и ВКО.

Представление о ядерном сдерживании в XXI веке должно формироваться с учетом ускоренного создания и массового распространения неядерных стратегических вооружений и, видимо, неизбежном массовом распространении систем ВКО не только в ядерных государствах, но и повсеместно в других странах.

Представление об этом процессе дает следующий рисунок (рис. 6), представленный в мае 2014 года Генеральным конструктором «Алмаз-Антея» П. А. Созиновым¹⁵.

Еще в 2003 году, описывая возможные сценарии будущей войны, И. Капитанец писал: «В основе замысла вероятного начала агрессии заложена идея о возможности одновременного уничтожения Стратегических ядерных сил (СЯС) РФ обычными боезарядами крылатых ракет (КР) в первом „обезоруживающем ударе“. Цель перво-

Рис. 7. Гиперзвуковой модуль, разрабатываемый в рамках программы Prompt Global Strike, неядерное оружие стратегической досягаемости

Рис. 8.

го удара достигается применением высокоточных крылатых ракет большой дальности преимущественно морского базирования. Этим оружием в первом, массированном, одновременном, «обезоруживающем» ударе подавляются: командные пункты (КП) и грунтовые пусковые установки (ГПУ) РВСН, объекты ПВО, аэродромы, командные пункты армии, системы управления и связи, выводятся из строя важнейшие военные объекты и информационные центры.

По мнению американских аналитиков, первый удар США может считаться достаточным и эффективным только в случае, если будут гарантированно уничтожены более 85% сил СЯС РФ (от численности ЯБЗ РФ в 2010 г. по договору СНВ-3 2003 г.)¹⁶. В этом случае США удастся избежать невосполнимого ущерба для своей территории, так как американская ПРО будет в состоянии уничтожить все баллистические ракеты РФ (или большую их часть), запущенные в ответном ударе¹⁷.

После выхода США из договора по ограничению ПРО в 2002 г. противоракетная оборона США непрерывно развивается и совершенствуется. В случае успешности работ по совершенс-

твованию ПРО США к 2020 г. процент допустимо не уничтоженных сил СЯС РФ может повысится до 30–25. Носителями высокоточных крылатых ракет с обычными боезарядами являются крейсера УРО, эсминцы УРО, подводные лодки и стратегические бомбардировщики и (что возможно, хотя и запрещено действующими договоренностями) грунтовые ракетные установки (ГПУ КР)¹⁸.

Соответственно, по мере увеличения дальности КР и появление ГЗЛА, районы, из которых потенциально могут наноситься удары, значительно расширяются. Что и происходит сегодня. Это хорошо видно на карте (рис. 8), которую представил весной 2014 года Генеральный конструктор ОАО «Алмаз-Антей» П. Созинов¹⁹.

Важен и другой аспект: реализация планов возможного использования неядерного ВТО в стратегических целях возможна только в том случае, если будет развернута глобальная система ПРО, гарантирующая защиту от уцелевших СЯС ответного удара со стороны России.

И, наоборот, — невозможность нанесения «разоружающего» удара может быть обеспечена только посредством создания эффективной системы ВКО страны (либо значительного числа

объектов), либо... нанесения упреждающего удара по ПУ КР и местам сосредоточения ВМФ США и ПЛА. Выбор — политический и заведомо невыигрышный для России, если она будет делать ставку на упреждающий удар²⁰. Но, с другой стороны, она уже поставлена перед фактом возможного «разрушающего» удара со стороны США с помощью КР разных типов базирования. В этом ударе СЯС США играют второстепенную роль, а создающаяся система ПРО — основную. И чем глубже будут сокращения потенциалов СНВ России и США, тем сильнее будет проявляться эта тенденция. Тем более что развитие и модернизация СНВ России вряд ли можно назвать достаточным. Как заметил С. Топалов, описывая эту сложную взаимосвязь, «Почему-то они никогда не задумывались над тем, сколько из стоящих на дежурстве межконтинентальных баллистических ракет (МБР) не сможет стартовать из шахт по причине технической неисправности, а из стартовавших сколько по той же причине не преодолеет и полпути до территории противника, сколько боевых блоков будет уничтожено противоракетной обороной (ПРО) противника, сколько из прорвавшихся сквозь ПРО боеголовок упадет слишком далеко от объекта поражения или сработает не на полную мощность. Но, главное, при рассмотрении вопросов ядерного противостояния большинство авторов зацикливаются на сценариях классической ядерной войны, когда агрессор поражает стратегические объекты противника исключительно ядерными средствами. Для них до сих пор остается незамеченной провозглашенная Америкой еще в 1980-х годах теория глобальной неядерной войны»²¹.

Рис. 9. Экспериментальный гиперзвуковой аппарат X-51, элемент системы Prompt Global Strike

Между тем ситуацию заведомо осложняют программы массированного развертывания ВТО в неядерном и ядерном («чистом») варианте сверхмалой мощности²². По разным оценкам, к 2015 году предполагалось, что США будут иметь до 100 тыс. единиц ВТО²³. Учитывая, что в будущем не исключается, но даже планируется массированное использование стратегического ВТО против наиболее важных политических и гражданских объектов, становится понятно, что происходит пересмотр перечня и приоритетности основных целей в войне и возможном военном конфликте. Так, расширение спектра наиболее приоритетных целей до политических и административных центров, пунктов управления, инфраструктуры и собственно гражданского населения позволяет выстроить новую иерархию в приоритетах, когда применение ядерных сил означает конечный этап военного конфликта:

- стратегические ядерные силы и центры боевого управления и связи;
- вооруженные силы и их инфраструктура;
- промышленные центры, объекты инфраструктуры, прежде всего транспорта;
- политического, административного и военного руководства
- СМИ, системы связи, объекты гражданской и политической инфраструктуры.

По сути дела это означает, что основными целями для нападения становятся гражданские объекты, постепенное уничтожение которых означает и постепенную эскалацию военных действий, не перерастающую в войну. События на Украине в 2014 году показали, что такая эскалация развивалась через множество мелких этапов:

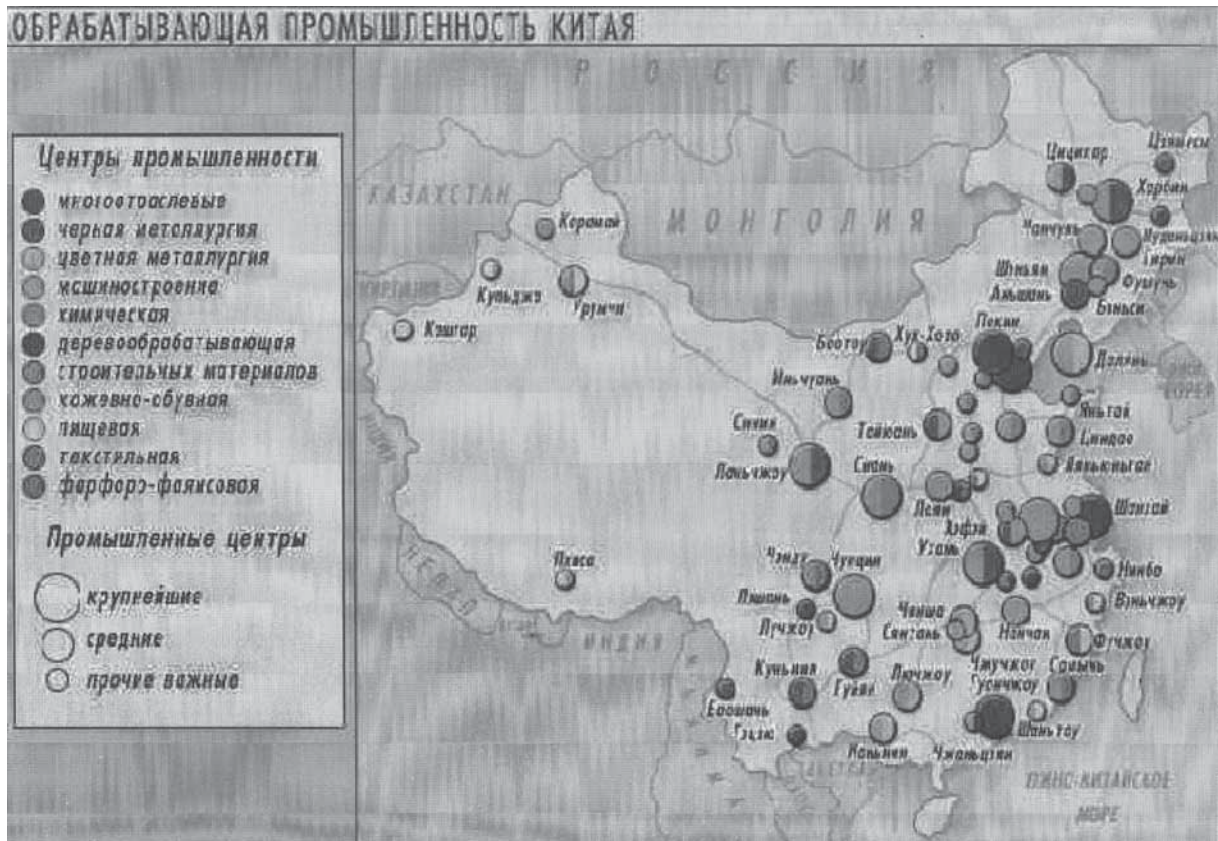
- акции гражданского неповиновения;
- создание параллельных органов власти;
- контроль над местными органами власти и т. д.

Собственно силовой сценарий также был выделен, фактически отделен, как от этапа гражданского неповиновения, так и вооруженной борьбы:

- создание невооруженных блок-постов;
- изоляция противников;
- контроль над административными зданиями, СМИ, силовыми структурами.

Новый этап — силовое, вооруженное противостояние, также развивалось по отдельным стадиям — от:

- вооружения блок-постов и сопротивления;
- перестрелок с применением стрелкового оружия;

- использования БТРов;
- использования танков;
- применения артиллерии;
- применения авиации.

Следующий этап — массированное применение артиллерии и авиации, которое по сути превратилось в уничтожение всей промышленной инфраструктуры Донецкой и Луганской областей можно предположить, что подобный сценарий предусматривается, например, для Китая.

Сказанное означает, что в новом алгоритме ведения военных действий, где основную роль будут играть ВТО воздушно-космическо-

го и морского базирования, возможна эскалация конфликта от уровня политического противостояния до промежуточных этапов, когда последний этап — ядерные удары — будет последней ступенью эскалации. Логическая последовательность может быть такова:

- стадия конфликта:
  - угрозы, шантаж, санкции;
  - использование иррегулярных формирований;
- стадия войны:
  - использование ВТО против гражданских объектов, вооруженных сил и инфраструктура.

5.3. Значение воздушно-космической обороны как гаранта безопасности и суверенитета государств

... наиболее мощным является военно-политический контур, включающий страны НАТО — основного поставщика как средств воздушно-космического нападения, так и средств ПВО и ПРО в мире²⁴.

*А. Антонов,
заместитель министра обороны России*

Значение воздушно-космической обороны (ВКО) в XXI веке уникально. Она фактически уже превратилась в синоним государственного

суверенитета. Достаточно привести следующий пример: устаревшая ПВО Ливии стала главной причиной ее военного поражения,

Рис. 10.

и относительно современная ПВО Сирии позволяет ей сопротивляться внешней агрессии и предотвращает воздушно-космическое нападение США несколько лет.

Основные задачи (как их представляют руководители ОПК России), стоящие перед ВКО, следующие²⁵ (рис.10):

Опыт конфликтов на Ближнем Востоке весьма показателен. Так, ноябрьская война 2012 года в секторе Газа показала, что, во-первых, с помощью высокоточных средств поражения Израиль уже в первые часы не только ликвидировал часть руководства ХАМАС, но и большинство иранских ракет «Фаэдр-5» и прочих ракет, способных наносить удары до 40–75 км, качественно изменив военную ситуацию в свою пользу.

Во-вторых, созданная Израилем тактическая система ПРО «Железный купол» доказала свою эффективность, обнаруживая 100% запущенных неуправляемых ракет, уничтожая (по оптимистичным оценкам) до 90% (система способна прогнозировать их попадание, не уничтожая те ракеты, которые попадут в незаселенную зону). Территория, которая эффективно

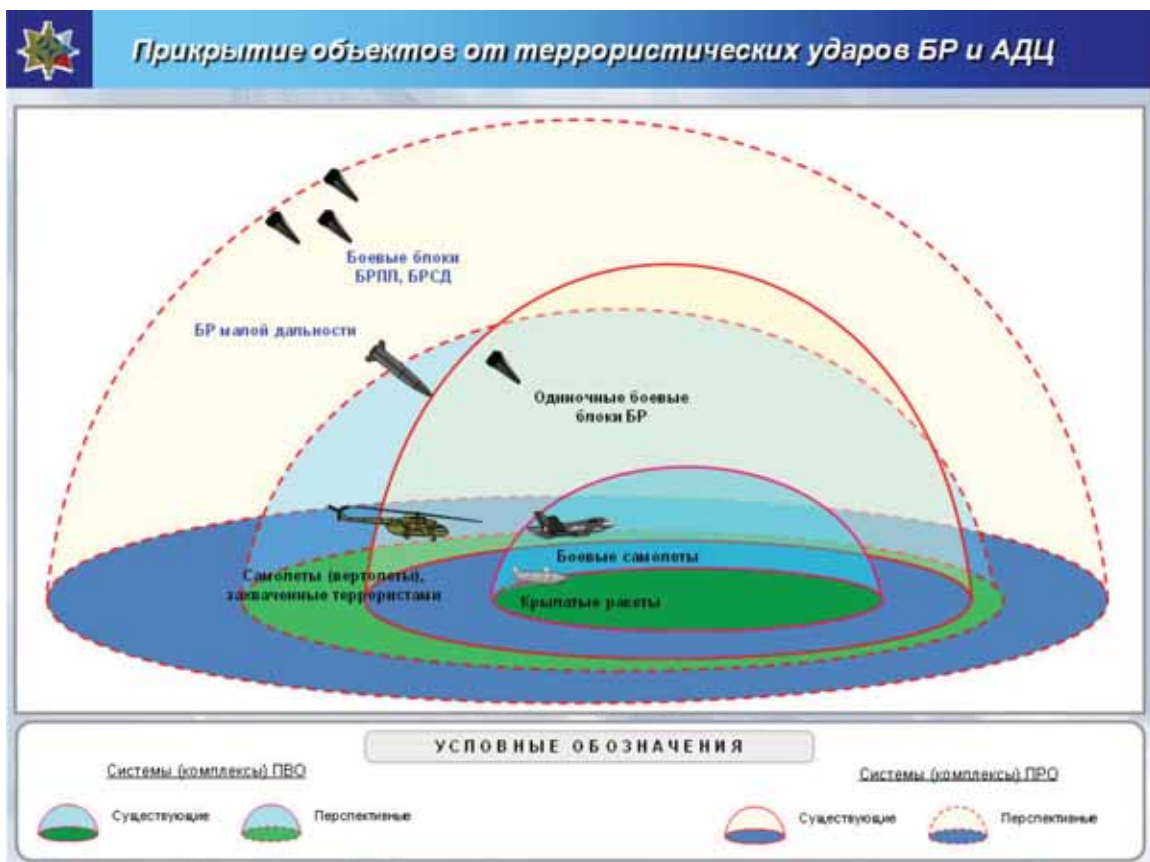

Рис. 11.

прикрывается одной батареей, достигает 150 км², дальность поражения 4–70 км (по некоторым сведениям — 150), а высота — 10 км. Такая эффективность позволила свести потери до минимума. За 2011 год при 229 ракетных обстрелах погибло всего три человека. По мнению российских специалистов это направление обороны имеет безусловную перспективу, даже некоторую безальтернативность²⁶.

Таким образом, сочетание высокоточных неядерных средств поражения и систем противоракетной обороны продемонстрировало очень высокую эффективность: фактически за несколько дней было уничтожено военно-политическое управление, средства поражения (включая подземные ПУ) при минимальных потерях гражданских лиц и полностью нейтрализован потенциал ответного удара.

Этот пример демонстрирует не только эффективную интеграцию средств нападения и обороны в современной войне, но и возможность одной небольшой страны (пусть высоко развитой) создавать эффективный наступательно-оборонительный потенциал, а также роль высокоточных неядерных систем поражения и современные возможности ПРО и ПВО. Поэтому, когда говорят о создании региональной (региональных), а тем более глобальных систем ПРО, следует иметь в виду, что, в отличие от 70-х годов прошлого века, необходимо учитывать как принципиально новые возможности неядерных средств нападения и защиты, так и их комплексное использование. Так, в США разрабатываются гиперзвуковые ЛА разных типов, способные летать со скоростью до 10 М, т. е. преодолеть расстояние в тысячу километров менее, чем за 5 минут²⁷. Собственно этот потенциал и лег в основу концепции «Быстрого глобального удара» (Prompt Global Strike), предполагающей нанесение в течение часа разоружающего удара неядерными боеприпасами в любой точке мира. Некоторые неудачи, которые постигли американцев на этом направлении, не должны обескураживать. То, что эта проблема решаема технически, доказал еще опыт СССР, где еще в 1990-х годах была создана лаборатория «Холод» на базе ракеты ЗРК С-200. «В ходе летного испытания ракеты сумела развить скорость в 5,2 числа Маха (около 6 тыс. км/ч). На основе этого проекта машиностроительное КБ „Радуга“ в Дубне разработало стратегическую крылатую ракету

Х-90, более известную на Западе как AS-X-21. Неприятельный с виду аппарат длиной 12 м и со складывающимися крыльями размахом 7 м, будучи запущен с борта Ту-160М, улетает со скоростью 5 М за 3 тыс. км, имея на борту две ядерные боеголовки индивидуального наведения. Х-90 была способна подниматься на высоту более 30 км и активно маневрировать в полете»²⁸.

По оценкам военных специалистов, гиперзвуковые средства воздушного нападения характеризуются очень малой уязвимостью в современной системе ПВО. Это объясняется чрезвычайно малым временем обстрела гиперзвуковой цели, узким «окном пуска». По этой характеристике гиперзвуковые средства поражения превосходят системы, создаваемые с использованием стелс-технологий, где сужение «окна пуска» достигается не высокой скоростью, а низкой заметностью и, соответственно, уменьшенным радиусом их обнаружения. В то же время, использование стелс-технологий в разработке гиперзвуковых средств поражения потенциально способно сделать их практически неуязвимыми для всех существующих и создаваемых систем ВКО. Такие разработки уже ведутся.

Уже сегодня для многих ясно, что создание ЕвроПРО в Европе и других регионах планеты не ограничится третьей и четвертой фазами — за ними неизбежно последуют другие, но вот сколько их будет и какие в итоге системы ПРО будут созданы, где они будут развернуты, — остается до сих пор загадкой. Уже говорят о системе ПРО в Юго-Восточной Азии и глобальной ПРО. Как справедливо заметил Д. Рогозин, «На вопрос: „А будет ли после третьей, четвертой фазы пятая, шестая, седьмая...?“ ... нам улыбаются в ответ. Конечно, мы понимаем, что после четвертой фазы будут и пятая, и шестая, седьмая»²⁹. Видимо, процесс развертывания систем ПРО необратим. Поэтому есть смысл говорить не терминами XX века, вспоминая о Р. Макнамаре и стратегии взаимного гарантированного уничтожения (MAD — Mutual Assured Destruction), а использовать новые категории.

Нельзя исходить, например, как считают некоторые авторы, в т. ч. в России, что решению об использовании СЯС будет предшествовать кризисный период, который исключает нанесение внезапного ядерного удара или массированного использования высокоточных неядерных средств поражения. Вот почему любое движение

в создании региональных ПРО предполагает изначально высокую степень риска, непредсказуемости.

«Евразийский аспект» американской системы ПРО хорошо известен, хотя о нем говорят значительно меньше, чем о европейском. Как отмечает эксперт В. Евсеев, «далеко не всегда замечается, что создаваемая американцами система ПРО носит глобальный характер, а основные ее компоненты развернуты не в зоне ответственности НАТО, а в далеком от Европы Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Этот восточный сектор противоракетной обороны планируется создать от Австралии через Филиппины, Тайвань, Республику Корею и Японию до Аляски. Ее составными частями являются американские военные объекты на Гавайских островах и в Калифорнии. Несомненно, что создаваемая система направлена против все более усиливающегося основного американского геополитического противника — Китая, хотя с формальной точки зрения она предназначена для отражения северокорейских ракетных угроз»³⁰.

Не стоит забывать в этой связи о НАТО, который превратился в военно-политический союз, претендующий на глобальную ответственность. Как отмечают эксперты МГИМО(У), анализирующие его деятельность, «Партнерство с „восходящими державами“ — Китаем, Индией, „форматом“ БРИКС или тем более ОДКБ не относится к приоритетным задачам НАТО (несмотря на заинтересованность в кооперативной безопасности). На встрече в Чикаго подтвердился „обычный“ эгоцентрический подход НАТО, исключающий изменение курса на военно-политическое доминирование в Европе и мире, признание реального равноправия и взаимный учет интересов в области безопасности. Содействие урегулированию международных проблем и кризисных, конфликтных ситуаций рассматривается не с позиции обеспечения всеобщей безопасности, а исключительно в ключе интересов членов альянса в соответствии со статьей 5? Вашингтонского договора 1949 года.

В современной стратегии НАТО институирована политика новых азимутов вне атлантической зоны ответственности, „свобода рук“ в географических координатах от Японии до Австралии и Новой Зеландии. К политике „эффективного и гибкого партнерства“, своего рода „инновационной системе“ в рамках продвигае-

мой доктрины „кооперативной безопасности“, предполагается подключить эвентуальных партнеров по всему миру, включая Монголию»³¹.

Таким образом, и военно-политически, и военно-технически США расширяют свое глобальное присутствие, которое должно быть обеспечено прежде всего средствами воздушно-космического нападения и защиты. И если политика «ядерного сдерживания» России еще какое-то время может работать, то ее необходимость в АТР и Евразии уже отпала.

Не стоит исключать полностью из этой логики и собственно Китай, военные возможности которого стремительно увеличиваются вслед за экономическим потенциалом, а политические амбиции существенно возрастают. Смена политического руководства страны осенью 2012 года мало что проясняет. С одной стороны, новый генсек Си Цзиньпин считается близким к военной элите, а, с другой, он «психологически возлагает очень большие надежды на продолжение хороших связей с США»³².

Неопределенность в оценке внешнеполитического курса Китая сохраняется, тогда как приобретение им потенциала СНВ и ПРО стало реальностью, не позволяя игнорировать замечания некоторых исследователей о том, что Китай может договориться с США за счет России. Таким образом в уравнение ядерного сдерживания последних лет добавляется новый компонент — стратегические и оборонительные возможности Китая.

Стратегическая стабильность в мире на протяжении шести десятилетий обеспечивалась ядерным сдерживанием — возможностью СССР (России) и США нанести ответный удар, который свел бы к нулю вероятные политические и военные преимущества от использования ядерного оружия. Нравится это или нет, но такая ситуация на протяжении всего периода удерживала стороны от прямого военного столкновения даже в тех случаях (в Корее, Вьетнаме, на Кубе и т. д.), когда вооруженные силы сторон вступали в непосредственное столкновение. Пока что политические и военные конфликты в мире не ставили под сомнение эту данность, но это отнюдь не означает, что так будет и впредь, что это устраивает США, а кроме того, объективные процессы развития ВТ средств поражения и обороны демонстрируют стремительное старение представлений о классическом ядерном сдерживании.

Сегодня есть все основания полагать, что в стратегическом прогнозе и планировании нужно учитывать, что ядерное сдерживание стремительно превращается в отживший анахронизм, который сможет просуществовать какое-то время, если будет продолжена модернизация СЯС и прекратятся их сокра-

щения, а сами стратегические вооружения и системы управления ими будут надежно защищены ВКО.

Кроме того, эти меры должны учитывать и необходимость нейтрализации кибер атак, информационного воздействия и обладать способностью уничтожать стратегические ВТО.

---

¹ Лавров С. В. Интервью / El Pais. 2014. 19 Sept / www.rg.ru/art/1021447

² Кокошин А. А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики / Политические исследования. 2014. № 4. С. 38.

³ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 1.

⁴ Иноземцев В. Не потерять во времени // Литературная газета. 2014. 17–23 сентября. № 36 (648). С. 9.

⁵ Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030 / Report of the Defense Science Board. Wash. DC 20301–3140. 2013. Oct. P. VI.

⁶ Дубнов А. Ташкент ушел, проблемы остались / Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 72.

⁷ Арбатов А. Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 21.

⁸ Созинов П. А. Генеральный конструктор «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“». Эволюция угроз СВН. Доклад М. 2014. С. 4.

⁹ Амурская государственная медицинская академия Кафедра мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф / Основы мобилизационной подготовки здравоохранения Благовещенск 2010 / http://www.amursma.ru/downloads/Zakr/2/Osnovy_mobilizatsionnoy_podgotovki_zdravookhraneniya_.pdf. С. 85.

¹⁰ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 13.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Там же. С. 15.

¹³ Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / <http://президент.рф/news.17118>

¹⁴ Торкунов А. В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 48.

¹⁵ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 3.

¹⁶ Несложно посчитать, что в этом случае потенциал ответного удара в рамках договоренностей по развернутым боевым блокам СНВ-3 составит не более 230 боеголовок, запускаемых с использованием порядка 50 МБР. Согласно стратегическим оценкам экспертов, для уверенного уничтожения военно-промышленного потенциала США требуется от 700 боевых частей. Таким образом, даже если игнорировать фактор ПРО, ответный удар окажется заведомо недостаточным для гарантированного возмездия.

¹⁷ Буферность системы ПРО США оценивается не менее чем в 500 боевых блоков (без уточнения их типа)

¹⁸ Капитанец И. М. Флот в войсках шестого поколения. М.: «Вече», 2003.

¹⁹ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 7.

²⁰ С учетом традиционно большого веса морской компоненты, используемой в качестве платформ для нанесения удара КР, потребуется практически одновременно поразить несколько сотен крейсеров, эсминцев УРО и подводных лодок, что невозможно даже в теоретическом рассмотрении проблемы.

²¹ Топалов С. Шаткая концепция эшелонирования стратегических сил // Независимое военное обозрение. 2005. 22 апреля.

²² «Чистые» ядерные боеприпасы не обязательно ограничены по мощности. Технически вполне возможно создание «чистых» зарядов мегатонного класса. В гонке «классических» ядерных вооружений во главу угла всегда ставилось достижение максимальной мощности заряда, что диктовало использование нейтронных отражателей, изготавливаемых, например, из соединений урана. Если мощность не является приоритетом, создание «чистой» бомбы может быть сведено к замене части отражателей на свинцовые поглотители. Это было продемонстрировано в испытаниях «Царь-бомбы», советского ядерного устройства АН602 проектной мощностью в 100 Мт, преднамеренно сниженной до 57 Мт установкой поглотителей вместо части отражателей. Будучи самым мощным испытанным ядерным устройством в мире, она одновременно стала и самым «чистым» из них.

²³ Ягольников С., Шушков А. Соединенные Штаты пересматривают ядерную политику. 2008. 10 февраля.

²⁴ Подберезкин А. И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО(У), 2013. С. 10.

²⁵ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 8.

²⁶ *Созинов П. А.* Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 17–18.

²⁷ Обратим внимание на то, что гиперзвуковые ЛА не обнаруживаются существующими системами предупреждения о ракетном нападении, имея время реакции, сопоставимое с МБР.

²⁸ Глобальный ответ. Россия запустит гиперзвуковые ракеты / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. 7 декабря / <http://topwar.ru>

²⁹ *Рогозин Д. О.* Выступление на научно-практической конференции РСМД «Евроатлантическое сообщество безопасности: мир или реальность». М., 23 марта 2012 г. // РСМД. 2012. № 3. С. 52.

³⁰ *Евсеев В. В.* Восточный рубеж американской ПРО // Независимая газета. 2012. 5 октября. С. 4.

³¹ *Воронин Е. Р.* Отношения Россия — НАТО: состояние и перспективы. Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У). 2012. Декабрь. С. 3.

³² *Скосырев В.* Коррупция может победить Китай // Независимая газета. 2012. 20 ноября. С. 7.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазов А. Pax Americana на пороге смерти / Эл. ресурс: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/93246/>
2. Алексеев Ю. Достойный труд для каждого — необходимое условие развитие человеческого потенциала / Специальный выпуск «Оптима проект». 2014. 21 января. С. 3.
3. Арбатов А. Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65).
4. Аспекты безопасности. 1/2013. С. 11 / <http://nato.w-europe.org/bulleting/SecAspects1-2013.pdf>
5. База данных по транспортной статистике ЕЭК ООН / http://w3.unece.org/pxweb/quickstatistics/readtable.asp?qs_id=53&lang=14
6. Балувевский Ю. Хамзатов М. Глобализация и военное дело // НВО. 2014. 12 августа. С. 9–10.
7. Баталов Э. Я. Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2014.
8. Батанов А. С., Подберезкин А. И., Зоркальцев В. И. Роль институтов Гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России. Русская Консалтинговая Группа. М. 2005.
9. Башкатова А., Сергеев М. Запад перекрывает России доступ к Арктике // Независимая газета. 2014. 12 сентября.
10. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010.
11. Бордачев Т., Дарден К. Щит и меч. Доклад по будущему российско-американских отношений. Выпуск № 4. 2014. Май.
12. Боришполец К. П. Перспективы экономического развития государств Центральной Азии. Аналитические записки ИМИ МГИМО(У). 2012. Ноябрь. С. 8.
13. Булатов Ю. А., Мунтян М. А., Подберезкин А. И., Стреляев С. П. Современная Россия: на пути удвоения ВВП. М. 2005.
14. Внешняя политика России: 2000–2020. Научное издание в 3 томах / РСМД. М.: Аспект Пресс. Т. 1. С. 180.
15. Военно-воздушные силы стран мира / Рынки вооружений. ИТАР ТАСС. 2014. Май.
16. Воздушно-космические силы будут созданы в РФ 1 января 2016 года / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 20 июля / <http://eurasian-defence.ru/>
17. Воробьев В. Я. Сумма сходящихся интересов // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 6.
18. Воронин Е. Р. Отношения Россия — НАТО: состояние и перспективы. Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У). 2012. Декабрь.

19. Газопром. Сила Сибири / <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/ykv/>
  20. Гебеков М. План мероприятий по созданию глобальной системы ВКО США продолжается / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 15 ноября / <http://eurasian-defence.ru>
  21. Глазьев С. Предисловие. Подберезкин А. И. Боришиполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. М.: МГИМО(У). 2014.
  22. Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры / Национальный совет по разведке США. Wash.: 2013. Декабрь. С. 2.
  23. Глобальный ответ. Россия запустит гиперзвуковые ракеты / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. 7 декабря / <http://topwar.ru>
  24. Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран / Доклад 2012 к обсуждению. 3-е издание, перераб. и допол. М., 2012.
  25. Гордиенко Д. Военно-политические блоки и институты обеспечения евразийской безопасности / <http://www.fondiv.ru/>
  26. Громько А. А. Полет его стрелы. М.: Научная книга. 2009.
  27. Дубнов А. Ташкент ушел, проблемы остались / Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4.
  28. Дуррани А. «Большая игра» для всех // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 6. С. 152.
  29. Евсеев В. В. Восточный рубеж американской ПРО // Независимая газета. 2012. 5 октября.
  30. Едовина Т. Кризис вокруг Украины скажется на кредитных рейтингах стран СНГ // Коммерсант. 2014. 14 мая.
  31. Зиновьева Е. С. Международная информационная безопасность. М.: МГИМО(У), 2013.
  32. Иванов С. Б. Выступление перед участниками конференции / Московская конференция по безопасности. 23–24 мая 2013 г. Москва.
  33. Иноземцев В. Не потеряться во времени // Литературная газета. 2014. № 36 (648).
  34. Инфографика: Андрей Лемешко, Дмитрий Иванов, Олеся Волкова. Данные Fitch. Еврокомиссия // РБК. 2014. 27 августа.
  35. Капитанец И. М. Флот в войсках шестого поколения. М.: «Вече», 2003.
  36. Караганов С. А. Долгая конфронтация // Известия. 2014. 4 сентября.
  37. Козин В. П. ЕвроПРО — это установка на первый ядерный удар // Независимая газета. 2012. 27 января.
  38. Кокошин А. А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник. А. А. Свечин. М.: МГУ, 2013.
  39. Кокошин А. А. Метод и методология научного исследования у Свечина. В кн.: Кокошин А. А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А. А. Свечин. М.: МГУ. 2013.
  40. Кокошин А. А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики / Политические исследования. 2014. № 4.
  41. Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012.
  42. Крутских А. В., Сафронова И. Л. Международное сотрудничество в области информационной безопасности / URL: <http://www.cryptography.ru/db/msg.htmr2mid=1169389>
  43. Кто друзья, а кто враги России? Опрос «Левада-центра» 1600 россиян в 2014 году / <http://mapinmap.ru/archives/2531>
  44. Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. М.: Экономика, 2011.
  45. Лавров С. В. Выступление в ООН 28 сентября 2014 г. / Шестаков Е. Лавров закрыл «сезон России» в ООН // Российская газета. 2014. 29 сентября.
  46. Лавров С. В. Интервью / El Pais. 2014. 19 Sept / www.rg.ru/art/1021447
  47. Лавров С. В.: поставлена цель любой ценой вывести Россию из равновесия // ИТАР-ТАСС. 2014. 11 сентября / <http://itar-tass.com/>
  48. Латухина К. Прочитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября.
  49. Леер Г. А. Безыдейность / В кн.: Стратегия в трудах военных классиков. М.: Финансовый контроль. 2003.
  50. Малышев В. П., Макиев Ю. Д., Богатырев Э. Я. Методологические подходы к анализу военно-политических рисков / Проблемы анализа риска. 2013. Т. 10. № 6.
-

51. Маркелл Ф. Б. Калькулятор стратегического сдерживания // Независимая газета. 2012. 31 августа.
52. Мещеряков К. Е. Внешняя политика России в Центральной Азии: проблемы и тенденции развития. СПб.: Скифия-принт, 2012.
53. Миронов В. Обходимся своим // Российская газета. 2014. 14 мая.
54. Миронов Н. М. Тирания меньшинства // Независимая газета. 2014. 14 мая.
55. Миронов С. М. Антироссийский билль США / Пресс-релиз. 2014. 22 августа.
56. Мясников Е. О взаимосвязи стратегических ядерных и неядерных вооружений в новом Договоре СНВ. 2010. 16 июля / <http://www.armscoutrol.ru>
57. Нарышкин С. Е. Вступительное слово / Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО(У), 2014.
58. НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 157.
59. Небренчин С. Иран в евразийском контексте внешней политики России / НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012.
60. Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. № 18-01. ТС 18-01. 2010. 30 ноября.
61. Никонов В. А. Стена больше не нужна // Российская газета. 2012. 14 ноября.
62. Новиков Я. В. Вступительное слово / Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналит. доклад / А. И. Подберезкин, Р. Ш. Султанов и др. М.: МГИМО(У), 2014.
63. О перспективах развития грузино-российских отношений. Аналитический материал. М.: МГИМО(У), 204. Август.
64. Петухов О. Н. Сайт Томского политехнического университета / http://portal.tpu.ru/SHARED/o/ONPETUKHOV/Study/Strategic-planning/Tab/Lectures_on_the_discipline_of_Strategic_Planning_outcome.pdf. С. 36.
65. Подберезкин А. И. Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. М.: МГИМО(У). 2014. С. 9.
66. Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО(У) / Аналитический доклад. 2014. Сентябрь.
67. Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У), 2014.
68. Подберезкин А. И. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки. Аналитический доклад. М.: МГИМО(У). 2014. Август.
69. Подберезкин А. И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО(У), 2013.
70. Подберезкин А. И. Значение развития систем боевого управления, связи и разведки (СЗ1) в военной доктрине США / Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. ДА МИД СССР. 1989 / <http://viperson.ru/wind.php?ID=42208wpg=1400#blist>
71. Подберезкин А. И. Идеология опережающего развития человеческого потенциала. Т. I. М.: Европа, 2007.
72. Подберезкин А. И. Международная безопасность как следствие разных идеологических парадигм мирового развития. Книга 2 / Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У). Т. II. 2012.
73. Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. М.: Европа. 2007.
74. Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. I. Роль идеологии в модернизации России. М. 2012.
75. Подберезкин А. И. Ответственность «впередсмотрящих» // Техника молодежи. 1983. № 6.
76. Подберезкин А. И. Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение Духовное наследие. РАУ-корпорация. М. 1996.
77. Подберезкин А. И. Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. М.: МГИМО(У), 2013.
78. Подберезкин А. И. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2.
79. Подберезкин А. И. Стратегия для будущего президента России: русский путь. ВОПД «Духовное наследие». М. 2000.

80. *Подберезкин А. И., Боришполец К. П.* Евразия и Россия. М.: МГИМО(У), 2013.
81. *Подберезкин А. И., Булатов Ю. А., Мунтян М. А.* Современная Россия: на пути удвоения ВВП. М.: 2005.
82. Помощник Госсекретаря США Роберт Блейк — о концепции присутствия США в Центральной Азии. 27 июля 2012 г. Эл. ресурс «Фергана» / <http://www.fergananews.com>
83. *Прокофьев В. Ф.* К проблеме формирования основных понятий в области информационной безопасности / Генеральный штаб вооруженных сил Российской Федерации Центр военно-стратегических исследований. М. 2004.
84. *Путин В. В.* Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / <http://президент.рф/news.17118>
85. *Путин В. В.* Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства обороны. 27.02.2013 / Эл. ресурс «Президент России». 2013. 27 февраля / президент.рф
86. Развитие отечественного гиперзвука — реальность / Эл. ресурс «Военное обозрение 2012». 7 ноября / <http://topwar.ru>
87. *Ремчуков К.* Минобороны России бросило вызов США // Независимая газета. 2014 21 июля.
88. *Рогов С.* Доктрина Обамы. Властелин двух колец / М.: РСМД. 2013. 6 мая.
89. *Рогов С. М., Шариков П. А.* и др. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД, 2013. 6 мая.
90. *Рогозин Д. О.* Выступление на научно-практической конференции РСМД «Евроатлантическое сообщество безопасности: мир или реальность». М., 23 марта 2012 г. // РСМД, 2012. № 3.
91. *Рогозин Д. О.* Прыжок в шестое поколение // Российская газета. 2014. 28 марта.
92. *Рукишин А.* Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил // Эл. ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>
93. *Саква Р.* Диалог и разногласия // Российская газета. 2013. 6 ноября.
94. *Свечин А.* Методы стратегического мышления / В кн.: Стратегия в трудах военных классиков / Ред. совет серии С. В. Степашин и др. М.: Финансовый контроль, 2003.
95. *Скосырев В.* Коррупция может победить Китай // Независимая газета. 2012. 20 ноября.
96. *Созинов П. А.* Генеральный конструктор «Концерн ПВО «Алмаз-Антей». Эволюция угроз СВН. Доклад М. 2014.
97. Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. А. А. Дынкина. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
98. *Сунгуров А.* Моделирование в политической науке. М.: МГУ. 2005.
99. *Тарасенко П.* «Исламское государство» проверяют на ударостойкость // Коммерсант. 2014. 11 сентября.
100. Территория Российской Империи и ее протекторатов в 1800–1917 годах / <http://mapinmap.ru/archives/3041>
101. *Топалов С.* Шаткая концепция эшелонирования стратегических сил // Независимое военное обозрение. 2005. 22 апреля.
102. *Торкунов А. В.* По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010.
103. *Торкунов А. В.* Российская модель демократии и современное глобальное управление // Международные процессы. 2006. Январь–апрель. Т. 4. № 1(10).
104. *Торкунов А. В.* Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26).
105. *Торкунов А. В.* Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27).
106. *Торкунов А. В.* История и историческое сознание / По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2000.
107. *Тренин Д.* Пять насущных проблем в Арктике / Московский Центр Карнеги. 2014. 1 марта.
108. *Тупчиенко В. А.* Государственная экономическая политика / В. А. Тупчиенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
109. *Тэвдой-Бурмули А.* «Красная линия» НАТО / Эл. ресурс: «Портал МГИМО(У)». 2014. 21 мая / <http://www.mgimo.ru/>
110. *Цыганков П. А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2007.
111. *Ягольников С., Шушков А.* Соединенные Штаты пересматривают ядерную политику. 2008. 10 февраля.

112. Яковенко Н. БРИКС: Новый расклад в мире / «ИноСМИ». 2014. 30 апреля / <http://www.inosmi.ru/world/20140430>
113. A summary of SIPRI Yearbook 2013. P. 10 / <http://www.sipri.org/yearbook/2013/filis/SIPRIYB13Summary.pdf>
114. Alfergood D. Intelligence Spending Drops for a Second Year. October 31st, 2012. / <http://www.fas.org/libeary/2012/10>
115. America — The Arsenal of Sovereignty. By Prof Mike Marra and Dr James Gordon Department of Military Strategy, Planning and Operations, US Army War College / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2014/marra-gordon_arsenal-of-sovereignty.pdf.
116. CENTCOM, Tajikistan expand security partnership. U. S. Central Command press-release. June 29, 2010. <http://www.centcom.mil/press-releases/centcom-tajikistan-expand-security-partnership>
117. *Huntington* S. Shah Anup / The Arms Trade is Big Business — Global Issues / <http://www.globalissues.org/article/74/the-arms-trade-is-big-business/> 2014. 05 Jan.
118. Libicki M. Cyberdeterrence and Cyberwar. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009 / URL: <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG877>
119. National Security Council. The National Security Strategy of the United State of America. Wash, DC.: USGPO, 2002, September.
120. Non-Strategic Nuclear Weapons. FAS Special Report. № 3 / Эл. Ресурс Федерации американских ученых / <http://www.fas.org/pubs/>
121. Remarks by Tom Donilon National Security Advisor to the President / The Asia Society New York, New York Monday, March 11, 2013.
122. Situation brief: the Libyan conflict and its impact on Egypt and Tunisia / United Nation, N.-Y. 2014. 12 August.
123. Standard Missile-3 Block IIB Analysis of Alternatives / GAO report, Ferbruary, 11, 2013.
124. Tajikistan: US Government rebuilds border guard facilities in Shurobod // Fergana News Information Agency. June 30, 2011. <http://enews.fergananews.com/news.php?id=2108>.
125. Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030 / Report of the Defense Science Board. Wash., 2013. Oct.
126. Towards a Euro-Atlantic and Eurasian Security Community / Drafting Group. 2011.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С. Е. Нарышкина	3
Вступительное слово Генерального директора ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“» Я. В. Новикова	5
Список используемых сокращений и аббревиатур	7
Понятийный аппарат	9
Введение	15
Глава 1. Общие принципы анализа долгосрочного развития военно-политической обстановки	17
1.1. Взаимосвязь сценариев развития международной и военно-политической обстановки	20
1.2. Проблема оценки развития военно-политической обстановки	23
1.3. Выделение конкретных вариантов из сценариев развития военно-политической обстановки	27
1.4. Системность анализа и прогноза сценариев развития ВПО	29
1.5. Систематизация современных сценариев развития ВПО (на примере России и США)	34
1.6. Военно-техническое развитие как противодействие негативным сценариям развития ВПО	36
Глава 2. Теоретическая возможность развития долгосрочных позитивных сценариев развития ВПО	45
2.1. Сценарий развития МО «Общечивилизационное благополучие» как долгосрочный сценарий развития ВПО	47
2.2. Усиление многополярности как позитивный сценарий развития ВПО	51
2.3. Сценарий создания системы военно-политической безопасности на основе «российского ядра» в Евразии.	54
Глава 3. Сценарии усиления геополитической конфронтации	61
3.1. Сценарий геополитической военно-политической поляризации	65
3.2. Сценарии расширения военно-политических функций консолидации с ЕС	74
3.3. Сценарий «борьба за контроль над Евразией»	79
3.4. Усиление роли геополитики как синтеза интересов и ценностей локальной цивилизации	85
3.5. Геополитическое противостояние в Евразии.	89
3.6. Государственный терроризм как вариант сценария развития ВПО	95

Долгосрочное прогнозирование сценариев развития ВПО

Глава 4. Сценарии евразийской военно-политической интеграции	103
4.1. Евразийская общность как основа для сценариев военно-политической интеграции	105
4.2. Сценарий евразийской военно-политической интеграции	109
4.3. Евразийские институты обеспечения безопасности	113
4.4. Воздушно-космическая оборона как эффективный инструмент практической евразийской интеграции.	117
4.5. Сценарий возможной евразийской военно-политической интеграции во главе с «российским ядром»	125
Глава 5. Военное сдерживание как сценарий развития ВПО	133
5.1. Сценарий сохранения «ядерного сдерживания» в Евразии	136
5.2. Сценарий развития стратегического неядерного оружия как главной угрозы «ядерному сдерживанию»	141
5.3. Значение воздушно-космической обороны как гаранта безопасности и суверенитета государств	145
Список используемой литературы	153

Научное издание

**ПОДБЕРЕЗКИН Алексей Иванович,
МУНТЯН Михаил Алексеевич,
ХАРКЕВИЧ Максим Владимирович и др.**

**Долгосрочное прогнозирование
сценариев развития военно-политической
обстановки**

Аналитический доклад

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*
Оформление *В. С. Поляничева*

Подписано в печать 10.10.2014.
Формат 60x84 $\frac{1}{8}$. Усл.-изд. л. 19,87.
Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз. Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76